

**Алексей
ХОЛИКОВ**

МЕРЕЖКОВСКИЙ

**Из жизни до эмиграции:
1865–1919**

**Алексей
ХОЛИКОВ**

Дмитрий Мережковский

**Из жизни до эмиграции:
1865–1919**

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2010

УДК 82.09+929
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Х71

Холиков А.

Х71 Дмитрий Мережковский: Из жизни до эмиграции: 1865–1919 /
Алексей Холиков. — СПб. : Алетейя, 2010. — 152 с. ; [16] с. ил.

ISBN 978-5-91419-341-3

В монографии исследуются некоторые ключевые эпизоды из жизни Дмитрия Сергеевича Мережковского (1865–1941) до его эмиграции в конце 1919 года. Книга написана на основе архивных источников (РГБ, РНБ, ИРЛИ, РГАЛИ, ГЛМ). Особое внимание автор уделил рассмотрению малоизученных тем (например, роль Мережковского в истории «отлучения» Льва Толстого от церкви, отношения писателя с Андреем Белым, роль в его судьбе Корнея Чуковского). В заключение поднимаются теоретические вопросы создания научной биографии Мережковского, высказываются замечания, заставляющие лишний раз задуматься над значимостью «правил», которые, как известно, не учат тому, что надо делать, но зато указывают на то, чего следует избегать.

УДК 82.09+929
ББК 83.3(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-91419-341-3

© Алексей Холиков, 2010
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2010
© «Алетейя. Историческая книга», 2010

ОТ АВТОРА

Молчи, поэт, молчи: толпе не до тебя
До скорбных дум твоих кому какое дело?¹

В начале XXI века мы заново открываем для себя творчество тех писателей, к которым по праву относятся строки:

Их участь умирать в отчаянье немом,
Им гибнуть суждено, едва они блеснули,
От злобной клеветы, изменнической пули
Или в изгнании глухом².

Автор этих слов — Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865–1941) — долгие годы оставался на задворках литературы. Стоит ли говорить, что в советское время облик писателя искажался до неузнаваемости. Между тем с литературной и общественной деятельностью Мережковского связано становление русского символизма, а значит — развитие духовной культуры нашей страны. При некогда ошеломляющей популярности у современников (как на родине, так и за рубежом), жизнь и творчество этого замечательного, исключительного по своим достоинствам и недостаткам человека до сих пор остаются не полностью исследованными.

Мережковский жил навстречу времени, в бесконечном вихре литературных, гражданских и мировых войн, но так до конца и не примирился с мучившей его грубостью жизни³.

Доброе, злое, ничтожное, славное, —
Может быть, это все пустяки,

¹ Мережковский Д. С. Поэту наших дней // Он же. Стихотворения и поэмы. СПб., 2000. С. 132.

² Мережковский Д. С. Смерть Надсона // Он же. Стихотворения и поэмы. С. 198. (Здесь и далее при повторном упоминании часто цитируемых в работе изданий используется сокращенное библиографическое описание, а в других случаях — обозначение «Указ. изд.» (в том числе для диссертаций) — А. Х.).

³ Среди «Маленьких мыслей» Мережковского читаем: «Я бы вынес все муки жизни, но как вынести грубость жизни?» (Мережковский Д. С. Было и будет. Дневник. 1910–1914 // Он же. Было и будет. Дневник. 1910–1914; Невоенный дневник. 1914–1916. М., 2001. С. 276). А 28 февраля 1919 года, за несколько месяцев до побега из России, Мережковский сделал очень характерную для своего мироощущения запись: «Мы живем в страшное время. Но не надо роптать и унывать. Мы сейчас узнаем то, чего никогда не узнают люди былых счастливых времен. Между прочим и людей узнаем. Злые стали еще злее, а добрые добрее. И как прекрасна теперь доброта. О, никогда не светила она таким светом! Мы узнали, что человеческая доброта — самое прекрасное, что есть в мире» (РГАЛИ. Ф. 151. Ед. хр. З. Л. 3).

А самое главное, самое главное,
То, что страшней даже смертной тоски, —

Грубость духа, грубость материи,
Грубость жизни, любви — всего;
Грубость зверихи родной, Эсэсэрии, —
Грубость, дикость — и в них торжество.

Может быть, все разрешится, развяжется?
Господи, воли не знаю Твоей,
Где же судить мне? А все-таки кажется,
Можно бы мир создать понежней!¹

¹ Мережковский Д. С. Главное // Он же. Стихотворения и поэмы. С. 642.

Верен своему одиночеству (вместо предисловия)

Почто, почто мне искать далеко кого-либо?
Мой друг! ты близ моего сердца живешь —
и имя твое да озарит сие начало.

*А. Н. Радищев*¹.

— Мережковский?

— Что такое?

— Красиво.

— Да что «красиво»-то?

— Красиво звучит. Красивое положение.

Стихи, критика, романы; Бог. Все красиво,
вообще красиво. Около Мережковского
красивый воздух. Над Мережковским красивое небо.

— Но он сам, сам?..

— Ах, убирайтесь вы к черту...

Сказано: красиво, — и нюхайте².

Никаких почестей. Только небольшой памятник, напоминающий часо-
венку, и надпись: «Да приидет Царствие Твое!» Вот все, что осталось от не-
когда знаменитого русского писателя, известного всей Европе.

После октябрьских событий 1917 года тысячи наших соотечественников
так и не вернулись домой, найдя последнее пристанище на многочисленных
эмигрантских кладбищах. Пожалуй, самое известное из всех — русское
кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа. Здесь в декабре 1941 года хоронили
«раба Божия Дмитрия». Известный в Париже православный храм Святого
Александра Невского, в котором состоялось отпевание, был практически
пуст. Писатель, не понятый при жизни, остался верен своему одиночеству
посмертно.

¹ *Радищев А.* Путешествие из Петербурга в Москву // *Он же.* Путешествие
из Петербурга в Москву. Вольность: Ода; Проза. Л., 1984. С. 3.

² Цит. по: *Савельев С. Н.* Послесловие // *Мережковский Д.* «Большая Рос-
сия». Л., 1991. С. 239.

ГЛАВА 1.

Детство (1865–1875)

От Невского с его толпою чинной
Я ухожу к Неве, прозрачным льдом
Окованной: люблю гранит пустынный
И Летний сад в безмолвии ночном.
Мне памятен печальный и старинный,
Там, рядом с мостом, двухэтажный дом:
Во дни Петра вельможею построен,
Он — неуклюж, и мрачен, и спокоен¹.

Воспетый более века тому назад, этот дом до сих пор украшает северную столицу. Гуляя по прилегающей к нему набережной, прохожие по-прежнему любят неповторимостью открывающихся видов: Петропавловской крепостью, стрелкой Васильевского острова, Летним садом. Современный адрес — набережная Фонтанки, 2². Здание было построено еще в царствование Екатерины II генерал-поручиком Ф. В. Бауэром. Позднее в нем стали жить служащие Министерства Императорского двора. С тех пор многое изменилось. Убрали пристань, располагавшуюся по соседству. Когда-то любой желающий мог перебраться оттуда на противоположный берег, где находилась икона с образом Спасителя. К Спасителю за две копейки!» — не задумываясь, кричали паромщики. Вскоре появилось иное место паломничества — легендарный крейсер «Аврора», холостой выстрел которого для многих оказался роковым. В том числе для Дмитрия Сергеевича Мережковского. Это он посвятил своему дому стихи, вынесенные в эпиграф. Здесь, на углу Невы и Фонтанки, прошло детство писателя.

Мережковский родился 2 августа 1865 года³ в одном из дворцовых зданий Петербурга. На Елагином острове. Его отец, Сергей Иванович Мережковский, служил при императорском дворе, а мать, Варвара Васильевна (урожд. Чеснокова), была верной хранительницей домашнего очага. Будущий писатель рос в большой семье, насчитывавшей девять детей⁴.

¹ Мережковский Д. С. Старинные октавы // *Он же*. Стихотворения и поэмы. С. 530.

² Петербургские адреса Мережковского см.: *Соловьева Т.* Здесь начинался Мережковский // Санкт-Петербургская панорама. СПб., 1993. № 3.

³ До 1918 года даты, относящиеся к событиям в России, приводятся по старому стилю.

⁴ Шесть сыновей (Константин, Владимир, Николай, Александр, Сергей, Дмитрий) и три дочери (Надежда, Елизавета, Вера).

Володя, Саша, Надя... без конца, —
И в этом мертвом доме мы друг друга
Любили мало...¹

Семья держалась только благодаря матери и ее заботе о детях. Отец тоже думал о семье, только и жил для нее, но семьи не вышло, и в этом была трагедия всей его жизни.

Почти каждое лето Мережковские проводили на Елагином острове. Отец все время работал, мать хлопотала по хозяйству, а дети, начитавшись Майн Рида и Купера, резвились на свежем воздухе. Унылые болотисты рощи и пруды елагинского парка, темные подвалы дворца (где на влажных сводах блестели при свете огарка сталактиты), песчаные отмели Крестовского острова — вот мир, окружавший писателя с детства. Позднее Мережковский напишет: «Еще уцелела та сосна, на которой я устроил себе сиденье из досечек между ветвями, чтобы там, на высоте, сидя, как птица, читать, мечтать и чувствовать себя далеко от людей, вольным, “диким”»².

На зиму семья перебиралась в дом на набережной Фонтанки. В квартире царила торжественно-чиновничья атмосфера. Огромные комнаты и казенная обстановка не создавали уюта. Сергей Иванович не любил, чтобы дети шумели и мешали ему работать. Боясь звонком потревожить родителя, они наравне с прислугой пользовались черным входом. Общение с детьми этот деловой человек, «прокуренный» жизнью, ограничивал холодным поцелуем на ночь. Нехватку отеческой любви восполняла мать. «Я всегда вспоминаю ее в образе мученицы — заступницы за нас, детей, особенно за двух любимых — за старшего брата и за меня»³, — пишет Мережковский. «Если бы не она, — вспоминает Зинаида Николаевна Гиппиус, будущая супруга писателя, — наша свадьба была бы отложена на неопределенное время, так как у меня не было ничего...»⁴ Между тем отец Мережковского слыл довольно обеспеченным человеком.

...Хотя и не был скуп, но слишком долго
Для денег портил жизнь из чувства долга⁵.

¹ Мережковский Д. С. Старинные октавы // Он же. Стихотворения и поэмы. С. 532. Строки из поэмы Мережковского «Старинные октавы» (1906) еще не раз будут передавать голос главного героя биографии. В них — «очень правдивое изображение его детства, юности, семьи; там дана, кроме сухих сведений, атмосфера, в которой он рос, и, конечно, образ матери» (Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Она же. Ничего не боюсь. М., 2004. С. 16).

² Мережковский Д. С. Автобиографическая заметка // Русская литература XX века (1890–1910). В 2-х кн. М., 2000. Кн. 1. С. 273.

³ Там же. С. 275.

⁴ Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Она же. Ничего не боюсь. С. 17.

⁵ Мережковский Д. С. Старинные октавы // Он же. Стихотворения и поэмы. С. 537.

Помимо матери о будущем писателе заботилась старая няня. «Как теперь вспоминается мне довольно маленькая с большим окном комната... В этой комнате провел я лучшую часть жизни — детство... Все тихо... Мне не спится. Я переворачиваюсь с боку на бок, прислушиваюсь к однообразному звуку спиц, переворачивающихся в старых руках моей няни... она начинает рассказывать сказку. Много раз слышал я эту сказку»¹, — вспоминает автобиографический герой из неоконченной повести Мережковского «Детство». По вечерам няня рассказывала маленькому Диме русские сказки и жития святых, а днем они вместе гуляли по старинному Летнему саду.

Мережковский рано пристрастился к чтению, и в отсутствие родителей² для него не было большего счастья, чем в «уютный тихий час» уединиться с растрепанным томом арабских сказок Шахерезады или с головой окунуться в приключенческий мир героев Дефо. Юноша с нетерпением ждал лета, чтобы вновь очутиться на любимом Елагином и почувствовать себя отважным Робинзоном. Казалось, только здесь он мог быть по-настоящему счастлив: кататься на лодке, разводить костры, печь картофель и опять чувствовать себя «диким». Уже тогда жизнь заставляла будущего писателя задумываться над чем-то важным, пока что не до конца проясненным: «Помню темный угол с образом, с тихим светом лампадки и никогда не повторявшееся счастье детской молитвы. В церковь ходить я не очень любил: священники в пышных ризах казались мне страшными»³. Гораздо ближе будущему дарованию был мир природы: крик ласточек, шумящие клены, дыхание сиреневых кустов. Величие языческого Пана влекло больше, чем пение псалмов.

¹ ОР РНБ. Ф. 150. Ед. хр. 384. Лл. 9 об. — 8 об.

² Отец Мережковского по долгу службы сопровождал императорскую семью за границу. В поездки он брал с собой жену, а дети оставались на попечение немки Амалии Христиановны, которой посвящено несколько строк в поэме Мережковского «Старинные октавы».

³ Мережковский Д. С. Автобиографическая заметка // Русская литература XX века (1890–1910). Кн. 1. С. 274.

ГЛАВА 2.

Гимназия (1875—1883)

Стучится дождь однообразно в стекла.
К экзаменам готовлюсь я давно,
Зевая, год рожденья Фемистокла
Твержу уныло и смотрю в окно:
В грязи шагая, охтинка промокла...
И сердце скукой мертвою полно.
Решить не в силах трудную задачу,
Над грифельной доской едва не плачу¹.

В 1875 году² Мережковский поступает в первый класс 3-й классической гимназии Петербурга³. То было «самое глухое время классицизма: никакого воспитания, только убийственная зубрежка и выправка»⁴. В гимназии Мережковский столкнулся с той же казенщиной, которая окружала его дома. На тело — мундир с узким воротником, на завтрак — сыр с французским хлебом. И так каждый день. Главная цель классической гимназии состояла в том, чтобы дать законченное образование, необходимое для благовоспитанного человека. К учебе допускались молодые люди не моложе 9 лет. Курс был довольно сложным и многопредметным. Изучали закон Божий, французский (немецкий — по выбору), латинский, греческий, русский и церковнославянский языки, краткие основания логики, математику с физикой, математической географией и кратким естествоведением, географию, историю, чистписание. Всего 8 классов (7-й двухгодичный).

Директором гимназии, в которой обучался Мережковский, был В. Х. Лимоnius («выживший из ума старый немец»). Но худшим «иностранцем» оказался учитель математики — В. А. Попов. В «личном деле» этого преподавателя до сих пор хранится свидетельство об издевательствах над учениками⁵. Не трудно

¹ Мережковский Д. С. Старинные октавы // Он же. Стихотворения и поэмы. С. 548.

² В книге Ю. В. Зобнина «Дмитрий Мережковский: Жизнь и деяния» по непонятным причинам приводится иной год поступления — 1876 (Зобнин Ю. В. Дмитрий Мережковский: Жизнь и деяния. М., 2008. С. 397), что противоречит более авторитетным источникам (ср.: Лавров А. В. Мережковский // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 4. М., 1999. С. 18).

³ Гимназии Мережковский также посвятил строки в поэме «Вера» (1890).

⁴ Мережковский Д. С. Автобиографическая заметка // Русская литература XX века (1890–1910). Кн. 1. С. 274.

⁵ См.: Кумпан К. А. Д. С. Мережковский-поэт (у истоков «нового религиозно-го сознания») // Мережковский Д. С. Стихотворения и поэмы. С. 880.

догадаться, что лучше всего Мережковскому давалась словесность. Однажды за классное сочинение по «Слову о полку Игореве» он получил высший балл: «Я чувствовал такую авторскую гордость, которой потом уже никогда не испытывал»¹. В аттестате у будущего писателя самые высокие оценки были по русскому языку и словесности, закону Божьему и французскому; четверки — по истории и логике; по остальным же предметам — тройки.

В гимназии Мережковский не приобрел близких друзей. Виной тому были его нелюдимость и застенчивость. В одно время он сошелся с Евгением Соловьевым², но и с ним — не по сходству, а по противоположности: тот был «скептик», а Мережковский уже тогда «немного мистик». Между тем именно к гимназическому периоду в жизни Мережковского относится несколько судьбоносных встреч.

В 1879 году по просьбе матери отец взял Дмитрия в Крым в собственное имение. Там юный поэт впервые почувствовал прелесть южной природы: «Помню великолепный дворец в Ореанде, от которого остались теперь одни развалины. Белые мраморные колонны на морской синеве — для меня вечный символ Древней Греции»³. Спустя годы Мережковский посвятит этим местам стихотворение «Напрасно видела три века...» (1893). Показательны последние строки:

И там, где слышен моря шелест
В скалах, изъеденных волной,
Эллады девственную прелесть
Я чуял детскою душой⁴.

В конце 1870-х годов Мережковский сложил свой «первый неумелый стих». Его текст был записан в тетради 1880 года и датирован «1879. Весною» (с пометой: «Первое мое стихотворение»):

Когда поэта вдохновенье
Охватит творческим огнем,
То явится вдруг чудно зренье
И мощна сила в нем⁵, —
и так далее.

В «Автобиографической заметке» поэт вспоминает: «Лет 13 начал писать стихи. Помню две первые строчки первого стихотворения: “Сбежали

¹ Мережковский Д. С. Автобиографическая заметка // Русская литература XX века (1890–1910). Кн. 1. С. 275.

² Е. А. Соловьев (осн. псевд. Андреевич; 1866–1905) — литературный критик, историк литературы.

³ Мережковский Д. С. Автобиографическая заметка // Русская литература XX века (1890–1910). Кн. 1. С. 274.

⁴ Мережковский Д. С. «Напрасно видела три века...» // Он же. Стихотворения и поэмы. С. 606.

⁵ РО ИРЛИ. № 24. 272. Л. 25 об.

тучи с небосвода, / И засияла в нем лазурь”»¹. К. А. Кумпан так объясняет несовпадение поэтических текстов: «...мы имеем дело с абберацией памяти, которую можно легко объяснить: в эти ранние годы именно стихотворение “Розы” (строки из него процитированы последними — А. Х.) Мережковский считал наиболее удачным; он его неоднократно переписывал, впервые пытался опубликовать, отправив в конце 1879 года в редакцию “Живописного обозрения”, и хорошо запомнил”². Об этом же свидетельствует и дневниковая запись поэта за 1880 год: «Я послал в редакцию Ж<ивописного> О<бозрения> “Розы” (это уже давно) — не приняли...”»³

Отцу нравились стихотворные опыты сына. Он гордился ими, показывал знакомым, отдавал переписывать, а во время путешествия на юг познакомил Дмитрия с графиней Е. К. Воронцовой. Тогда, в 1879 году, юный поэт не догадывался, что имеет счастье целовать ту руку, которую полвека назад целовал А. С. Пушкин.

Не меньшее впечатление на Мережковского произвела еще одна встреча: «В Петербурге в 1880 году, познакомившись у гр. Толстой, вдовы поэта, с Достоевским, отец повез меня и к нему. Помню крошечную квартиру в Кузнечном переулке, с низенькими потолками, тесной прихожей, заваленной экземплярами “Братьев Карамазовых”, и почти такой же тесный кабинет, где Федор Михайлович сидел за корректурами. Краснея, бледнея и заикаясь, я читал ему свои детские, жалкие стишонки. Он слушал молча, с нетерпеливою досадою. Мы ему, должно быть, помешали.

— Слабо... плохо... никуда не годится, — сказал он наконец, — чтоб хорошо писать, страдать надо, страдать!

— Нет, пусть уж лучше не пишет, только не страдает! — возразил отец.

Помню прозрачный и пронзительный взор бледно-голубых глаз, когда Достоевский на прощанье пожимал мне руку. Я его больше не видел и потом вскоре узнал, что он умер»⁴.

Любопытно отношение Мережковского к своим ранним произведениям: «жалкие детские стишонки». В поэме «Старинные октавы» он также назовет гимназические опыты «восторженной чепухой». Это не кокетство. Стихи Мережковского действительно были слабыми. Поэт трезво оценивал собственные начинания. В конце 1879 года он записывает: «Я чувствую, что пошлая жизнь гасит во мне тот огонек, который, может быть, тлеет в моей груди. Но я вовсе не уверен в своем таланте: может, это пустая глупость, может, я сам через несколько лет буду над ней смеяться! Но зачем же тогда

¹ Мережковский Д. С. Автобиографическая заметка // Русская литература XX века (1890–1910). Кн. 1. С. 274–275.

² Кумпан К. А. Д. С. Мережковский-поэт (у истоков «нового религиозного сознания») // Мережковский Д. С. Стихотворения и поэмы. С. 10.

³ РО ИРЛИ. № 24. 271. Л. 115.

⁴ Мережковский Д. С. Автобиографическая заметка // Русская литература XX века (1890–1910). Кн. 1. С. 275–276.

эти дивные мгновенья, когда слезы наполняют мне очи, когда я всем умом порываюсь воплотить тот призрак, который предо мною восстает в таинственном ореоле фантазии; зачем я с таким болезненным прилежанием приискиваю слова, чтобы выразить этот аромат поэзии, который я иногда ясно чувствую. Я себя слишком мало знаю, и очень возможно, что обманываю...»¹ Это признание 14-летнего юноши говорит о многом. Но прежде всего — об ответственном отношении к творчеству.

В октябре 1880 года в журнале «Живописное обозрение» было опубликовано первое стихотворение Мережковского «Тучка». До этого начинающий поэт почти год посылал в разные журналы свои произведения, но безрезультатно. Наконец-то дебют состоялся. Юный стихоплет оказался весьма плодовитым. Известно более 200 его сочинений, написанных до 1883 года.

Я Пушкину бесстыдно подражал,
Но, ослеплен туманом романтизма,
В «Онегине» я только рифм искал:
Нужна была мне сказочная призма —
Луна и пурпур зорь, и груды скал;
Мятежный Пушкин, полный байронизма
И пышных грез, мне нравился тогда,
Каким он был в двадцатые года².

Другим источником подражаний стал М. Ю. Лермонтов. В творчество Мережковского начинают проникать и гражданские мотивы в духе поэзии С. Я. Надсона. В то же время Мережковский пробует себя в переводах Гейне, Гете, Шиллера. В его ранних стихах встречаются переложения античных сюжетов (в дальнейшем интерес писателя к древности только упрочится).

Современность оказывала не меньшее влияние: «1 марта 1881 года я ходил взад и вперед по нашей столовой в нижнем этаже дома, сочиняя подражание Корану в стихах, когда прибежавшая с улицы прислуга рассказала об оглушительном взрыве, слышанном со стороны Марсова поля и Екатерининского канала через Летний сад. Отец приехал к обеду из дворца весь в слезах, бледный, расстроенный и объявил о покушении на жизнь государя.

— Вот плоды нигилизма! — говорил он. — И чего им еще нужно, этим извергам? Такого ангела не пощадили...

Старший брат Константин, студент-естественник (впоследствии известный биолог), ярый «нигилист», начал заступаться за «извергов». Отец закричал, затопал ногами, чуть не проклял сына и тут же выгнал его из дому. Мать умоляла простить, но отец ничего не хотел слышать.

¹ РО ИРЛИ. № 24. 271. Л. 111.

² Мережковский Д. С. Старинные октавы // Он же. Стихотворения и поэмы. С. 578–579.

Ссора длилась долго, несколько лет. Мать заболела от горя. Тогда и началась у нее та мучительная болезнь печени, которая свела ее в могилу¹.

А что же Мережковский?

10 марта 1881 года он пишет «Плач народа по Освободителе», но спустя время в тетради Мережковского на тексте «Плача...» появляется карандашная помета: «Мерзость, как я мог написать?! Впрочем — мальчишка»². Пример старшего брата воодушевлял.

И за героем я рвался на волю,
Я сам дрожал от злобы и горел:
Душа была смятением объята;
Я разделить хотел бы участь брата³.

Между тем судьба К. С. Мережковского, в дальнейшем профессора биологии Казанского университета, сложилась печально. В 1914 году на него было заведено уголовное дело по статье «растление малолетних девочек». О «скандальной истории на почве полового вопроса» писали чуть ли не все газеты: «Останавливаться на подробностях “дела” профессора казанского университета К. С. Мережковского долго нельзя. Слишком отвратительны они, слишком далеко зашла извращенность человека, чувствовавшего полнейшую безнаказанность»⁴. Спустя несколько лет брат уже известного писателя покончит с собой в Швейцарии. В юношеские годы его влияние на Дмитрия было особенно ошутимо.

Мне объяснял фанатик молодой
Открытья, чудеса лабораторий,
Неясные мелькали предо мной
Отрывки дерзновеннейших теорий;
Показывал он в капле водяной
Друг друга пожиравших инфузорий,
И слушал я, потупив робкий взор,
Про Дарвинов естественный подбор.

Я чувствовал, что он не прав во многом:
Краснея, запинаясь я, дрожал,
Ребяческим и неумелым слогом
На доводы науки возражал,

¹ Мережковский Д. С. Автобиографическая заметка // Русская литература XX века (1890–1910). Кн. 1. С. 275.

² РО ИРЛИ. № 24. 269. Л. 154.

³ Мережковский Д. С. Старинные октавы // Он же. Стихотворения и поэмы. С. 563–564.

⁴ Казанский Старожил. Проф. Мережковский, его сподвижники и покровители // Русские ведомости. 1914. 2 апреля. № 76. С. 5. См. также: Золотоносов М. Н. Братья Мережковские. Кн. 1. М., 2003.

Когда, смеясь над чертом и над Богом,
Он все, во что я верил, разрушал...
Хотя и страшно было мне и больно, —
Запретный плод прельщал меня невольно¹.

На рубеже 1870–1880-х годов вопрос о вере всерьез волновал Мережковского. Законоучителем и настоятелем гимназической церкви был К. И. Ветвеницкий. Именно он готовил класс к принятию Тайн Святых, но у юного Дмитрия вызывал лишь «холод неприязни». Надо заметить, что отторжение от церкви появилось у нашего героя еще в детские годы. По субботам в гости к Мережковским приходил «ученый поп» («миссионер для обращения Кости»), и будущий писатель не раз становился свидетелем споров о Боге.

Эти, казалось бы, мелочи невероятно важны для понимания будущего богоискательства Мережковского. Не случайно в своих воспоминаниях З. Н. Гиппиус будет утверждать: «Д. С. Мережковский — писатель религиозный, как всем известно. Что таким был в течение нескольких последних десятилетий своей жизни — слишком ясно, но был ли он религиозен с юности — это вопрос»². Отнюдь не риторический.

¹ Мережковский Д. С. Старинные октавы // Он же. Стихотворения и поэмы. С. 561.

² Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Она же. Ничего не боюсь. С. 39.

ГЛАВА 3.

УНИВЕРСИТЕТ (1883–1888)

Но он — студент. Какой счастливый день!
С каким восторгом он вошел под сень
Таинственных больших аудиторий.
Он с трепетом заглядывает в тень
Немых библиотек, лабораторий;
На лекциях он — весь вниманье, слух...
Но скоро в нем научный жар потух¹.

В августе 1883 года Мережковского зачисляют на историко-филологический факультет Петербургского университета. Ситуация с высшим образованием в то время была критическая. После убийства Александра II наступила очередная реакция. А поскольку роль университетов в общественно-политической жизни страны всегда была существенной (основную поддержку террористические организации искали именно в студенческой среде), то политика за переустройство высших учебных заведений усилилась. Ее сторонники рассматривали университеты как «рассадники царевбийц». Согласно Университетскому уставу (1884), председатели и члены экзаменационных комиссий назначались министерством. Автономия университетов была практически уничтожена. Факультеты не имели права переносить лекции с одного часа на другой. О студентах и говорить нечего. Их зависимость от администрации стала вопиющей. Одно возвращение к карцеру чего стоит?! Огромный ущерб был нанесен гуманитарному образованию. Особенно пострадали историко-филологические факультеты. Для них министерство установило основным предметом древние языки, древнюю историю и мифологию. Декан историко-филологического факультета, на котором учился Мережковский, предупреждал об ударе правильному филологическому образованию и насилании всей науки и учебных убеждений. Доходило до того, что будущий филолог мог не прослушать такие курсы, как история России, русский язык и литература! Внешней стороне дисциплины уделялось не меньше внимания. Была восстановлена обязательная форма для студентов. Отвечать во время экзамена нужно было стоя, как в военных академиях. Профессорам же предлагалось учитывать прежде всего доверчивую откровенность в ответах на вопросы². Впечатления от учебы Мережковский красноречиво передал в поэме «Вера» (1890):

¹ Мережковский Д. С. Вера // Он же. Стихотворения и поэмы. С. 277.

² См.: Щетинина Г. И. Университетский вопрос в 1870–1880-х гг. и Устав 1884 г.: дис.... канд. истор. наук. М., 1965.

С тупым лицом, рябой и косоглазый,
 Какой-то метафизик примирял
 Учение церкви с Кантом. Он дремал,
 Цедя сквозь сон медлительные фразы,
 И, не боясь свистков, провозглашал
 Тот принцип, что почтение к людям надо
 Определять количеством оклада¹.

«Университет дал мне немногим больше, чем гимназия. У меня так же не было школы, как не было семьи»², — вспоминает писатель. Все, что Мережковский мог иметь в душе в это время, — он имел от себя же — никак не извне. По словам Гиппиус, у него не было ни одного друга: «Вот как бывает у многих, нашедших себе друга в университете, сохраняющих отношения и после. Иногда — реже — сохраняется даже гимназическая дружба. Но у Д<митрия> С<ергеевича> никакого “друга” никогда не было. Множество дружеских отношений и знакомств, но я говорю не об этом. Он, в сущности, был совершенно одинок, и вся сила любви его сосредоточилась, с детства, в одной точке: мать. В “Старинных октавах” он сам рассказывает об этом лучше, чем я могу это сделать. Он и со мной мало говорил о своей любви к матери — очень редко, — так целомудренно хранил эту любовь в душе до последнего дня»³.

В студенческие годы для Мережковского на первом месте были вовсе не занятия, а вхождение в литературные круги. Осенью 1883 года начинающий писатель посещает «Студенческое научно-литературное общество» фольклориста, историка русской литературы О. Ф. Миллера, образ которого с любовью передан в поэме «Вера»:

Был старичок-профессор: пылкий, страстный,
 Гуманностью он увлекал без слов —
 Одной улыбкой мягкой, детски ясной;
 Идеалист сороковых годов,
 Он умереть за правду был готов⁴.

В небольшой квартире на Васильевском острове сходились представители самых разных направлений: от толстовцев до позитивистов. Здесь Мережковский читал свои стихотворения и спорил с убежденным позитивистом, впоследствии политическим деятелем и публицистом, В. В. Водовозовым, доказывая, что «невозможно обосновать мирозозерцание, дающее

¹ Мережковский Д. С. Вера // Он же. Стихотворения и поэмы. С. 277.

² Мережковский Д. С. Автобиографическая заметка // Русская литература XX века (1890–1910). Кн. 1. С. 276.

³ Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Она же. Ничего не боюсь. С. 42.

⁴ Мережковский Д. С. Вера // Он же. Стихотворения и поэмы. С. 278.

смысл жизни, на “Непознаваемом” Спенсера»¹. При этом Мережковский сам «очень увлекался позитивной философией — Спенсером, Контом, Миллем, Дарвиным (sic! — А.Х.). Но, с детства религиозный², смутно чувствовал ее недостаточность, искал, не находил и безвыходно мучился»³.

Одним из самых интересных мест, посещаемых Мережковским, был салон баронессы В.И. Иксуль фон Гильдебрандт (урожд. Лутковская, в первом браке Глинка). О хозяйке салона, умевшей соединить людей разных положений и профессий, ходило множество слухов. Одни говорили, что баронесса сначала вышла замуж за молодого красивого человека, занимавшего хорошую должность, но затем бросила его, чтобы выйти за его начальника, старше ее на 30 лет. По словам других, она находилась в дружеских отношениях с людьми из радикального крыла либеральной партии, но еще в более интимных связях — с полицеймейстером Петербурга, благодаря которому добывала множество помилований. Неоспоримо одно — это была женщина редкой красоты, ума, вкуса и изящества. О ее обаянии писала даже жена Мережковского: «Мгновенно влюбилась в эту очаровательную женщину, с первого свидания, да иначе и быть не могло»⁴.

Салон Иксуль располагался в особняке у Аларчина моста на набережной Екатерининского канала. Скорее всего, Мережковский впервые появился здесь в 1885 году и сразу же увлекся этой удивительной женщиной, посвятив ей несколько стихотворений. Есть среди них и такое:

Ты читала ль преданья, как жгли христиан,
Как за Бога они умирали
И с восторгом молили, не чувствуя ран,
Чтоб сильней палачи их терзали?

Так за имя твое прикажи умереть, —
И на смерть я пойду, дорогая:
Буду громко «осанна!», как мученик, петь,
Буду славить любовь, умирая»⁵.

В салоне баронессы бывали не только деятели искусства, но и министры, академики и прочие видные особы. Разумеется, Мережковский познакомился со многими интересными людьми, но особенно близко сошелся с Н.М. Минским. В дружеском кругу его называли «Вилочкой», так как

¹ Мережковский Д. С. Автобиографическая заметка // Русская литература XX века (1890–1910). Кн. 1. С. 276.

² О том, был ли Мережковский религиозен в детстве, см. вторую главу.

³ Мережковский Д. С. Автобиографическая заметка // Русская литература XX века (1890–1910). Кн. 1. С. 276.

⁴ Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Она же. Ничего не боюсь. С. 42.

⁵ Мережковский Д. С. «Ты читала ль преданья, как жгли христиан...» // Она же. Стихотворения и поэмы. С. 158.

«Мне бы хотелось, — утверждает Мережковский, — умирая, сказать: все-таки мир прекрасен, даже в этой глубочайшей бездне сомнения, позора и мук я чувствую благодатное присутствие Бога. Да, мир прекрасен: чтобы убедиться, стоит только посмотреть на вечные, яркие звезды там в небесах, или на столь же яркие буквы сияющего слова, начертанного в глубине моего сердца, таинственного слова: добро»¹.

Летом 1883 года Мережковский отдыхал в Ялте. Любопытны «внешние» условия его отдыха: «...удовольствия: лежание на боку в созерцании небес, барахтание в соленой воде, поедание шербета и мороженого, гуляние при луне; *невзгоды*: жара, москиты, комары, скука, скука и скука. *Искусства*: театр ниже всякой критики, оркестр — еще хуже театра². *Просвещение*: библиотека, исключительно состоящая из Поль де-Кока и Монтепена. *Население*: больные с четырех концов света, черномазые татары, турки, жида и, наконец, большое изобилие так называемых “туристов”, попросту прощелыг. *Слабый и прекрасный пол*: 1) *туземный элемент*: 90 % — гречанок (писанные дуры, по Вашему выражению), 9 % — жидовок, 1 % — русских. Хорошеньких очень мало, интересных вовсе нет, впрочем с полдюжиной экземпляров из этой коллекции я имел несчастье познакомиться, вынес — одно заключение, что местная болезнь — атрофия мозга и хронический столбняк. 2) *Приезжие* — для меня пока *terra incognita*, впрочем, судя по виду, они не подают надежды на что-нибудь более отрадное.

Осталось последнее и самое главное, для чего я и приехал, — *природа*; но об ней — благоговейное молчание; Вы его, конечно, поймете лучше всех описаний»³. Умолчав о природе в письме, Мережковский воспел ее в стихах. Вторую часть первого поэтического сборника «Стихотворения» (1888) открывает эпиграф: «К чему стремишься ты, Природа, того и я хочу. *Марк Аврелий*». Пейзажная лирика Мережковского во многом обязана творчеству Ф.И. Тютчева. Это не отрицал и сам поэт: «Там, где Л. Толстому и Достоевскому нужны целые эпосы, Тютчеву достаточно несколько строк; солнечные системы, туманные пятна “Войны и Мира”, “Братьев Карамазовых” сжимает он в один кристалл, в один алмаз»⁴. Между тем лирический субъект «Стихотворений» Мережковского самобытен. Он находится в состоянии

¹ Мережковский Д. С. Письма к С. Я. Надсону // Новое литературное обозрение. № 8 (1994). С. 180–181.

² Нужно сказать, что Мережковский никогда не любил и не понимал музыку. «Оттого ли не любил, что не понимал, или обратно...» — не знала даже его жена. Иногда это становилось предметом их семейных «полуссор» (Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Она же. Ничего не боюсь. С. 32).

³ Мережковский Д. С. Письма к С. Я. Надсону // Новое литературное обозрение. № 8 (1994). С. 183.

⁴ Мережковский Д. С. Две тайны русской поэзии. Некрасов и Тютчев. Пг., 1915. С. 10.

безвременья и готов безропотно встретить смерть. Нечто похожее испытывал сам Мережковский: «Овидий, кажется в своих “Апогес”, говорит, что в объятиях любимой женщины, в минуты высшего, почти нечеловеческого, почти нестерпимого наслаждения, в ползузабытия, обращался он к богам с одной безумно-страстной мольбою: “смерти, смерти!” Я испытываю что-то весьма близкое к этому сумасшедшему порыву, упиваясь южною природою; душа изнемогает, удрученная исполинским бременем какого-то необъятного восторга; буря наслаждения потрясает существо мое; не помня себя, шепчу я в эти мгновения в объятиях моей единственной, вечной любовницы природы: “умереть, умереть!”»¹.

В 1883 году Мережковский решает: «... всю свою жизнь (если только буду жив), все свои силы (если таковые окажутся) посвящу я литературе (хотел бы, но не смею сказать “поэзии”), чем я буду в этой области — поэтом ли, публицистом, издателем, книготорговцем, переводчиком или просто наборщиком, — это предоставляю решить моей счастливой или несчастливой звезде»².

К началу 1884 года Мережковский находится в активном творческом поиске: «Пишу, но больше все задумываю»³. Круг чтения молодого писателя расширяется. В это время он знакомится с творчеством Эдгара По. Произведения американского классика открылись Мережковскому новым, неведомым миром («точно с другой планеты»). От них веяло правдой и таким «совершенным реализмом», что приходилось верить этому «бреду сумасшедшего»⁴. Позднее писатель переведет на русский язык поэму По «Ворон» (1890) и его же новеллу «Лигейя» (1893).

В 1884 году Плещеев вводит Мережковского в литературно-музыкальный салон музыканта, директора Петербургской консерватории К. Ю. Давыдова и его жены, в будущем издательницы журнала «Мир Божий», А. А. Давыдовой. Салон посещала самая пестрая публика: от толстовцев до первых легальных марксистов. Здесь Мережковский встречался с И. А. Гончаровым, В. М. Гаршиным, Н. К. Михайловским, Г. И. Успенским и другими известными литераторами. А летом 1885 года он вместе с Давыдовыми отправился в свое первое заграничное путешествие по Франции и Швейцарии. «Не знаю, как другие, — писал Мережковский еще в гимназическом сочинении за пятый класс, — но я нахожу в путешествии какую-то оригинальную, совершенно-своеобразную прелесть и поэзию. Когда я смотрю на паровоз, который с головокружительной быстротой исчезает в далеком, таинственном тумане, когда я слежу взором за кораблем, который торжественно

¹ Мережковский Д. С. Письма к С. Я. Надсону // Новое литературное обозрение. № 8 (1994). С. 183.

² Там же. С. 184.

³ Там же. С. 189.

⁴ Там же.

и величаво удаляется в лазурную даль вод, — я невольно забываюсь и мчусь за ними прилежной думой»¹. Уже скоро заграничные путешествия станут неотъемлемой частью жизни нашего героя.

В 1885 году Давыдовы познакомили Мережковского с А. М. Евреиновой, которая только что основала «Северный вестник». В новом журнале молодой писатель принял самое деятельное участие. В 11 номере за 1888 год опубликована его первая критическая статья «Старый вопрос по поводу нового таланта», посвященная творчеству А. П. Чехова. Спустя десятилетия Мережковский вспомнит: «Двадцать три или двадцать четыре года тому назад, вскоре после закрытия “Отечественных записок”, возник журнал “Северный вестник”. Редактором была А. М. Евреинова, издательницей — Сабашникова. Беллетристикой заведовал Плещеев, критическим отделом вначале — Михайловский. Последний очень строг был к молодым сотрудникам вроде меня, и я до сих пор не понимаю, как могла проскользнуть помимо него восторженная статья о Чехове. Верно, случилось это за время редакторского отсутствия. А может быть, он уже тогда фактически стал отдаляться от “Северного вестника”. Помню, однако, его резко осудительное письмо ко мне по поводу этой статьи. В то время глаза всех были устремлены на Гаршина. Его трагическая кончина еще усилила его влияние. Чехов едва начинал, под крылом Суворина. Вышел томик его рассказов “Хмурые люди”. И никому не хотелось после “Красного цветка” глядеть в сторону “Хмурых людей”»².

Своими «духовными наставниками» середины 1880-х годов Мережковский считал Николая Михайловского и Глеба Успенского. По словам писателя, они стали его первыми учителями: «Я ездил в Чудово к Глебу Ивановичу и проговорил с ним всю ночь напролет о том, что тогда занимало меня больше всего, — о религиозном смысле жизни. Он доказывал мне, что следует искать его в мирозерцании народном, во “власти земли”. Дал мне адреса знатоков народной жизни, сельских учителей и статистиков, советуя побывать у них»³. Так начиналось «народничество» Мережковского. Впервые писатель отправился в глубь России летом 1884 года: по Волге, Каме, в Уфимскую и Оренбургскую губернии. Мережковский ходил пешком по деревням, беседовал с крестьянами, собирал и записывал самое интересное. В Тверской губернии он посетил Василия Сютеева⁴, у кото-

¹ РО ИРЛИ. № 24. 360 (б). Лл. 11–11 об.

² Мережковский Д. С. Брат человеческий // Он же. Акрополь: Избр. лит.-критич. статьи. М., 1991. С. 247.

³ Мережковский Д. С. Автобиографическая заметка // Русская литература XX века (1890–1910). Кн. 1. С. 276.

⁴ В. К. Сютеев (1819–1892) — крестьянин Тверской губернии, основатель религиозно-нравственного учения, последователи которого получили название «сютеевцев». Они отвергали все христианские таинства, не ходили в церковь, не поклонялись ни иконам, ни святым, отрицали присягу. Сютеевцы проповедовали

рого незадолго до этого побывал Л. Н. Толстой. Влияние «яснополянского старца» не обошло стороной начинающего писателя. Мережковский зачитывался только что появившейся, еще рукописной, «Исповедью» Толстого, а идейное влияние «патриарха» отразилось в фантастической драме «Сильвио» (1890). Впрочем, разговор об отношениях Мережковского и Толстого еще впереди.

Мережковский всерьез собирался по окончании университета «уйти в народ», сделаться сельским учителем, но вскоре эти идеи оставили его. Стихотворение «Дон Кихот» (1887) и статья «Дон Кихот и Санчо Панса» (1889) помогают увидеть эволюцию «народнических» взглядов Мережковского.

В стихотворении «Дон Кихот» герой предстает «святым бойцом» во имя справедливости, братства и любви.

«Люди добрые, ликуйте, —
Наступает праздник вечный:
Мир не солнцем озарится,
А любовью бесконечной...

Будут все равны; друг друга
Перестанут ненавидеть;
Ни алькады, ни бароны
Не посмеют вас обидеть.

Пойте, братья, гимн победный!
Этот меч несет свободу,
Справедливость и возмездье
Угнетенному народу!»¹

Эти строки написаны под влиянием знаменитой речи И. С. Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот» (1860). «В нем (подразумевается Дон Кихот — А. Х.) нет и следа эгоизма, он не заботится о себе, он весь самопожертвование, — утверждает Тургенев, — оцените это слово! — он верит, верит крепко и без оглядки»². Мережковский почти дословно повторяет: «...И в лице худом и бледном — / Сколько веры безмятежной». Далее у Тургенева читаем: «Дон Кихот, мы должны в этом сознаться, положительно смешон. Его фигура едва ли не самая комическая фигура, когда-либо нарисованная поэтом. Его имя стало смешным прозвищем даже в устах русских мужиков»³. И с этим

взаимную любовь среди людей, а к достижению своего идеала стремились путем самосовершенствования.

¹ Мережковский Д. С. Дон Кихот // Он же. Стихотворения и поэмы. С. 188.

² Тургенев И. С. Гамлет и Дон Кихот // Он же. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения. Т. 5. М., 1980. С. 332. (См. также: Пильд Л. Мережковский и Тургенев // Русская литература. 1998. № 1.)

³ Там же. С. 334.

поэт не спорит: «Смейтесь, люди, но быть может, / Вы когда-нибудь поймете, / Что возвышенно и свято / В этом жалком Дон Кихоте». Но по прошествии двух лет позиция Мережковского изменилась до неузнаваемости. «Тургенев... неверно определяет характер... Дон Кихота»¹, — читаем в статье Мережковского «Дон Кихот и Санчо Панса». Если Тургенев говорил о том, что Гамлет живет «внутри себя», то Мережковский утверждает обратное: про Дон Кихота гораздо правильнее было бы сказать, что он весь «внутри себя». Если для Мережковского-поэта высшим благом были любовь и вера, согревавшая душу, то, по мнению Мережковского-критика, «мы слишком превознесли веру, чувство, инстинкты в ущерб разуму, сомнению и науке»². Причина столь резкой перемены — разочарование в прежних идеалах и, как следствие, отход от них. «В “народничестве” моем, — признается писатель, — много было ребяческого, легкомысленного, но все же искреннего, и я рад, оно было в моей жизни и не прошло для меня бесследно»³.

В первом поэтическом сборнике Мережковского «Стихотворения» (1888) отражаются не только народнические настроения, но и душевные метания поэта от любви и веры к ненависти и неверию. В целом книга произвела на современников положительное впечатление. Хотя не обошлось и без заслуженных обвинений в эпигонстве. «И дребезжащая струна Надсона, — писал критик, — и рассудочно-поэтическая диалектика г-на Минского отразились в стихотворениях г-на Мережковского. Вся самостоятельная, не переводно-компилятивная часть книги оказалась каким-то литературным вариантом уже знакомых стихотворений, с очень крупными, бросающимися в глаза недостатками: перепев г-на Мережковского фальшиво-тенденциозен, резонерски холоден, то вял и растянут, то несдержанно-криклив и несдержанно патетичен»⁴. Между тем, читая первый сборник Мережковского, невольно обращаешь внимание на строго выстроенную композицию, причинно-следственную связь между частями, удивительную логику, с которой автор составил свою книгу. Первые три раздела могут восприниматься только как целое. Связанные с помощью эпиграфов, они призваны рассказать об одиноком поэте, который готов принести себя в жертву толпе, природе, женщине и в то же время — бороться до последнего вздоха. В оставшиеся два раздела («Поэмы и легенды» и «Эскизы») включены стихотворные переложения и переводы как знаменитых шедевров мировой литературы, так и менее популярных легенд и сказаний. По более позднему признанию самого Мережковского, «бессмертные образы мировой поэзии служат для человече-

¹ Мережковский Д. Дон Кихот и Санчо Панса // Северный вестник. 1889. № 9. С. 32.

² Там же. С. 40.

³ Мережковский Д. С. Автобиографическая заметка // Русская литература XX века (1890–1910). Кн. 1. С. 277.

⁴ Волынский А. Символы (песни и поэмы) // Д. С. Мережковский: pro et contra. С. 30–31.

тва как бы просветами, громадными окнами в бесконечное звездное небо: каждое поколение подходит к ним и, вглядываясь в таинственный сумрак, открывает новые миры, новые отдаленнейшие созвездия»¹. Пройдут годы, и на фоне общеоценочного отношения к лирике Мережковского перевод и компиляция будут признаны естественной сферой его дарования. Мережковский был хорошим версификатором. Его поэзия изобилует как большими (эпическими и драматическими), так и малыми (лирическими) формами. Однако, владея октавой не хуже, чем терцинами, Дмитрий Сергеевич не любил экспериментировать со стихом. Высокий уровень философского содержания позволял критикам называть его опыты «поэзией мысли». И чем больше мысль Мережковского углублялась, тем сложнее было выразить ее в рамках стихотворения. Выпустив три авторских сборника², а также два «Собрания стихов»³, наш герой перестанет печататься как поэт, то есть перестанет осознавать себя в этом качестве. «Вы знаете, я до чего дошел, — в 1900 году признается он. — Мне стихи чем-то лишним кажутся. Мне пишу для души подавай, а стихи что, детское»⁴. Но, несмотря ни на что, продолжит рифмовать. «В последние годы своей жизни, — пишет мемуарист, — он, лежа по вечерам у себя на кушетке, исправляет свои старые стихи — переставляет запятыя, меняет слова, что-то вычеркивает, что-то прибавляет, потом отдает их в переплет»⁵.

Несмотря на многочисленные знакомства в литературных кружках и салонах, Мережковский чувствовал себя чужим как среди «шестидесятников», так и среди молодежи. Одиночество неотступно сопровождало поэта: «В цвете жизни, в блеске счастья / Вкруг тебя — толпы друзей. / Сколько мнимого участия, / Сколько ласковых речей!»⁶

В апреле 1888 года, после представления диссертации «Монтань», Совет университета утверждает Мережковского в степени кандидата. Учеба закончилась, впереди — новые горизонты.

¹ Мережковский Д. С. Вечные спутники // Он же. Полное собрание сочинений. В 24-х тт. М., 1914. Т. 17. С. 102. (Далее — ПСС с указанием тома и страниц.)

² «Стихотворения» (1888); «Символы» (1892); «Новые стихотворения» (1896).

³ В 1904 и 1910 годах.

⁴ Брюсов В. Я. Дневники. Автобиографическая проза. Письма. М., 2002. С. 116.

⁵ Статья В. Злобина о З. Н. Гиппиус / Вступит. ст., публ. и коммент. О. В. Сергеева // Российский литературоведческий журнал. 1994. № 5–6. С. 337.

⁶ Мережковский Д. С. Песнь баядер // Он же. Стихотворения и поэмы. С. 186.

ГЛАВА 4.

ЛИТЕРАТУРНАЯ «КАРЬЕРА» (1888–1901)

О беззаботная, влюбленная чета!
Что может быть милей? Вы думаете оба,
Что жизнь — какая-то воздушная мечта,
Что будут соловьи вам песни петь до гроба?¹

«По окончании университета я уехал летом на Кавказ, встретился там случайно в Боржоме с З.Н. Гиппиус, очень скоро сделал ей предложение, в ту же зиму, в Тифлисе, женился на ней и вернулся с нею в Петербург»². История любви поместилась у Мережковского в одном предложении. Между тем эта важная страница его биографии заслуживает отдельного рассмотрения, тем более что в браке супруги прожили 52 года. К счастью, Гиппиус в своих воспоминаниях оказалась более многословной.

Наверное, прежде чем обратиться к упомянутым воспоминаниям, было бы уместно сказать несколько слов о самой Зинаиде Николаевне. Масштаб личности этой удивительной женщины заслуживает специального изучения, а энциклопедические сведения о ней сегодня более чем доступны. Напомним здесь, что она родилась в городе Белеве Тульской губернии. В связи со служебными переводами отца семья часто меняла место жительства, и уже после его смерти (отец умер в 1881 году) переселилась сперва в Москву, где Гиппиус училась в частной классической гимназии Фишер, а затем (в 1885-м) — в Тифлис. Летом 1888 года Гиппиус вместе с родными отдыхала в Боржоме, куда прибыл Мережковский.

Дело в том, что сразу после окончания университета наш герой вместе с Минским отправился в путешествие. Вскоре спутники расстались. Мережковский посетил самые разные города, в том числе Одессу, откуда писал оставленному другу: «Ровно ничего я не могу вам описывать, ибо описывать — дерзость и глупость. Я могу только повторять в сладком безумье — море, море!..»³ Из Одессы Мережковский отправился в Сухуми, а потом, спустившись по Военно-Грузинской дороге, случайно (кто-то в пути посоветовал) оказался в Боржоме. «Встретил его Боржом неприветливо: это было в мае — и шел непрерывный дождь. Серое небо, сы-

¹ Мережковский Д. С. Семейная идиллия // Он же. Стихотворения и поэмы. С. 366.

² Мережковский Д. С. Автобиографическая заметка // Русская литература XX века (1890–1910). Кн. 1. С. 277.

³ РО ИРЛИ. Ф. 39. № 279. Л. 1 об.

рость, а гостиницы в тогдашнем Боржоме были ужасные. Да Д<митрий> С<ергеевич> еще и не попал в лучшую, “Кавалерскую”, а в какой-то просыревший барак»¹. Он уже собирался уезжать, но начальник почтовой конторы, оказавшийся любителем литературы, приютил на своей уютной даче столичного поэта. Конечно, его стихотворения не могли составить конкуренцию творчеству недавно умершего Надсона, но еще за год до описываемых событий Гиппиус наткнулась в журнале на имя Мережковского среди дифирамбов Надсону и даже прочитала одно из его стихотворений, которое, по собственному признанию Гиппиус, ей не понравилось: «Но неизвестно почему — имя запомнилось...»² И вот на одном из танцевальных вечеров она увидела Мережковского — «худенького молодого человека, небольшого роста, с каштановой бородкой»³. Знакомство состоялось. Но с первого же дня Гиппиус и Мережковский «стали... ну, не ссориться, а что-то вроде»⁴. Впрочем, это не помешало им встречаться ежедневно. «Все мое молодое окружение, — признается Гиппиус, — было от Мережковского в восторге — и, может быть, это меня немножко раздражало»⁵. В те дни часто устраивались дальние поездки большой компанией молодых людей, среди которых Мережковский был центром: «Но отнюдь не был он тем, кого называют “душой общества”. Никого он не “занимал”, не “развлекал”: он просто говорил весело, живо, интересно — об интересном. Это останавливало даже тех, кто ничем интересным не интересовался»⁶. Как видно, Мережковский еще в юности приобрел славу успешного оратора. Впоследствии он всю жизнь будет умело использовать этот талант, не только увлекая, но и завлекая собственными речами даже самых искушенных слушателей. В числе «покоренных» окажется строгий ко всем и каждому поэт и литературный критик Георгий Адамович: «...эстрада, звонок председателя, скачущие дамы в первом ряду, нервничающий “предыдущий оратор”, которому, как водится, не дали хорошенько высказаться, а Мережковский, будто на очередном Вселенском соборе, ораторствует о таких вещах, о которых надо и можно думать, но как-то неудобно устраивать дебаты. Оратор, еще раз скажу, он был такой, какого за всю жизнь слышать мне не приходилось: доклады, заранее приготовленные, читал он скучновато, но порой, под конец вечера, когда его, бывало, раззадорят или взволнуют, говорил так, что, казалось, простым смертным остается только “внимать арфе серафима”»⁷. Но

¹ Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Она же. Ничего не боюсь. С. 23.

² Там же. С. 22.

³ Там же. С. 24.

⁴ Там же. С. 25.

⁵ Там же. С. 26.

⁶ Там же.

⁷ Адамович Г. В. Мережковский // Он же. Одиночество и свобода. СПб., 2002. С. 59.

в речах юного Мережковского была еще и «заразительная веселость, не злая, а детская насмешливость»¹.

Ольгин день (11 июля) 1888 года стал особенным для нашего героя. «Но тут, — пишет Гиппиус, — не было ни “предложения”, ни “объяснения”: мы, и главное, оба — вдруг стали разговаривать так, как будто давно уже было решено, что мы женимся и что это будет хорошо»². В сентябре Мережковский проводил семью невесты в Тифлис, после чего отправился в Петербург, чтобы уладить предсвадебные дела с родителями и снять квартиру, а уже в конце ноября вернулся опять в Тифлис, где вскоре (8 января 1889 года) состоялось венчание. Церемония, по словам невесты, прошла скромно и почти незаметно: «Д<митрий> С<ергеевич> ушел к себе в гостиницу довольно рано, а я легла спать и забыла, что замужем»³. Наступила первая брачная ночь. 10 января 1889 года супруги отправились в дорогу: через Владикавказ и Москву — в Петербург, где их ожидала новая жизнь.

По приезде Мережковские поселились в доме № 12 по Верейской улице. Материальное положение не позволило молодым снять квартиру в другом месте. Выбранный район славился недорогими комнатами с услугами (кипяток, уборка). Как правило, здесь квартировали студенты. У Зинаиды Николаевны была очень узкая спальня, из которой шел выход в ее же кабинет. На другой стороне — столовая, а по коридору — комната Дмитрия Сергеевича. Ванная была устроена прямо на кухне, за занавеской. Зная о музыкальных пристрастиях супруги, Мережковский сразу же раздобыл рояль («не новый, но хороший, длинный»⁴). Отношения молодоженов были далеки от идиллии.

«Не хочешь ли гулять?» — мне говорит жена. —
«Я занят, не мешай!» — и мы не в духе оба...
Хандра, расстройство нерв... Из этих пустяков
Выходит глупый спор: предлог уже готов;
В душе — холодная, мучительная злоба»⁵.

Проза любви не вдохновляла поэта: «Когда долго живешь с любимым человеком, так привыкаешь к нему, что наконец перестаешь видеть его лицо, как не видишь своего собственного лица, перестаешь слышать его голос, как не слышишь своего собственного голоса. И возвращается вечное, старое одиночество. Только теперь это одиночество вдвоем. Любишь его как часть самого себя. И жизнь становится вдвое страшнее, потому что теперь грозят две смерти — моя собственная и смерть того, кого я люблю»⁶. А вот что по

¹ Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Она же. Ничего не боюсь. С. 29.

² Там же. С. 28.

³ Там же. С. 35.

⁴ Там же. С. 38.

⁵ Мережковский Д. С. Семейная идиллия // Он же. Стихотворения и поэмы. С. 366.

⁶ Мережковский Д. С. Записная книжка 1891 г. / Публ. М. Ю. Кореневой //

этому поводу думала Гиппиус: «Мы с Д<митрием> С<ергеевичем> так же разнились по натуре, как различны были наши биографии до начала нашей совместной жизни. Ничего не было более различного, и внешне, и внутренне, как детство и первая юность его — и мои»¹. В первые годы совместной жизни отношения супругов представляли собой не что иное, как «любовь-вражду».

О, эти вечные упреки!
О, эта хитрая вражда!
Тоскуя — оба одиноки,
Враждуя — близки навсегда².

Со временем семейная жизнь налаживается, и в одном из стихотворений Мережковский признается:

Но как порой любовь ни проклиную —
И жизнь, и смерть с тобой я разделяю.
Не знаешь ты, как я тебя люблю,
Быть может, я и сам еще не знаю.

Но слов не надо: сердце так полно,
Что можем только тихими слезами
Мы выплакать, что людям не дано
Ни рассказать, ни облегчить словами³.

Первое, что делает Мережковский для своей супруги, — вводит ее в столичные литературные круги⁴: «Куда только не возил меня Д<митрий> С<ергеевич>, кого только не показывал! Очень было интересно, только очень уж много разнообразных кругов»⁵. Любопытно впечатление, которое осталось у Ю.И. Фаусек⁶ от встреч с Мережковскими в домах Давыдовых и Плещеева:

Пути и миражи русской культуры. СПб., 1994. С. 355–356.

¹ Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Она же. Ничего не боюсь. С. 39.

² Мережковский Д. С. Любовь-вражда // Он же. Стихотворения и поэмы. С. 485.

³ Мережковский Д. С. Признание // Он же. Стихотворения и поэмы. С. 484–485.

⁴ Подробнее о литературных объединениях, участниками которых были Мережковские, см.: Шруба М. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. М., 2004; Шруба М. Дополнения к словарю «Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов» // Новое литературное обозрение. № 77 (2006).

⁵ Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Она же. Ничего не боюсь. С. 44.

⁶ Ю.И. Фаусек (в девичестве — Андрусова; 1863–1942) — педагог, ученый; с 1888 г. — жена Виктора Андреевича Фаусека (1861–1910) — профессора зоологии, энтомолога.

«У Давыдовых я встречала молодую чету Мережковских (встречала их также и у Плещеева). Мережковский в то время только что женился на Зинаиде Ник<олаевне> Гиппиус. Оба они были тогда очень молоды и, надо отдать им справедливость, были большие кривляки, особенно Зиночка. Алекс<ей> Ник<олаевич> Плещеев, — очень простой и добрый человек, относился к ней, как к балованной девочке, но не очень-то восхищался ее кривлянием. Как сейчас помню ее первый визит к Плещееву: она была в коротенькой юбочке, белой матроской блузке, в высоких польских сапожках, с двумя довольно длинными, но тонкими светло-русыми косами с красными бантиками. “Вот моя Зина”, отрекомендовал ее Алекс<ею> Николаевичу “Митенька”, как тогда называли Дм. С. Мережковского. Зиночка кокетливо вздернула головкой, хлопнула Митеньку по руке и громко сказала так, чтобы все слышали: “я не твоя собственность и принадлежу только самой себе” и протянула руку Ал<ексею> Ник<олаевичу>. “Зина, Зина, ведь ты же моя”, завопил Митенька. “Не твоя и не твоя — я принадлежу миру”, возразила Зина. — “Пойдемте, милая мировая птишка, чай пить”, сказал Ал<ексей> Ник<олаевич> и повел ее к чайному столу. За столом почти все время было занято рассказами Митеньки о Зине, о разных ее необычайных качествах и поступках, вроде того, что она во сне сочиняет стихи и декламирует их, не просыпаясь, с закрытыми глазами, а Митенька их записывает. “Дневная суeta мешает ее вдохновению”, говорил он. У Давыдовых играл роль больше Митенька, чем Зиночка. Он тогда выпустил свой первый сборник стихотворений, который пользовался известностью, и постоянно декламировал свои стихи, Зиночка же как-то терялась среди массы разнообразного народа, собиравшегося у Давыдовых»¹. Воспоминания Юлии Фаусек тем интереснее, что представляют наблюдения человека, не принадлежащего к писательскому «сословию», а значит — не выражающего кружковые интересы.

Помимо уже упоминавшихся собраний Мережковские часто бывали в доме прославленного поэта Я. П. Полонского на Знаменской улице, где по пятницам проходили очень симпатичные вечеринки: «Вечеринки эти — или приемы — не носили характера “литературного”. Собирались просто знакомые поэта и его семьи; иногда, впрочем, читали стихи»². Полонского Мережковский называл одним из своих учителей. При этом любопытно, что, по свидетельству очевидца, сам Полонский «явно не любил Мережковского, ни как поэта, ни лично, несмотря на постоянный энтузиазм Мережковского к его стихам»³. Встречи у Полонского были так популярны, что

¹ ОР РНБ. Ф. 807. Ед. хр. 3. Тетрадь № 15. Лл. 105–107.

² *Барятинский В.* «Пятницы Полонского» и «Пятницы Случевского». Из серии воспоминаний «Догоревшие огни» // Воспоминания о серебряном веке. М., 1993. С. 295.

³ *Перцов П. П.* Литературные воспоминания. 1890–1902 гг. М., 2002. С. 113.

после смерти хозяина их традицию унаследовали Литературно-художественный кружок имени Я. П. Полонского и «пятницы» К. К. Случевского, не менее известного поэта. К тому времени Мережковский уже перестанет быть начинающим литератором. «Обыкновенно, — вспоминает участник вечеров на квартире Случевского, — после прослушивания того или иного поэтического произведения высказывали свое мнение о нем самые маститые представители поэзии — Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, С. А. Андреевский и сам хозяин дома. Первые двое говорили, так сказать, на два клироса: один договаривал или развивал мысли другого, что было весьма интересно. Их критика была иногда сурова, но всегда облечена в очень корректную форму»¹. Известно, что Мережковский был довольно снисходителен и терпим к своим собеседникам, он часто преувеличивал их ум и знания, а иногда находил особую значительность и глубину в самых обыкновенных мыслях и словах. Но в конце 1880-х годов чета Мережковских только начинала свою литературную «карьеру». В постоянных разъездах по столичным салонам прошли первые месяцы 1889 года. Гиппиус узнала всех наиболее близких знакомых мужа. И вместе с ним отдалась литературной работе. Супруги заключили соглашение: Мережковский пишет только стихи, Гиппиус — прозу. Впрочем, соблюдалось оно не долго.

Особый интерес представляет распорядок дня Мережковского. «У Д<митрия> С<ергеевича>, — рассказывает Гиппиус, — была неизменная привычка (как у его отца) гулять каждый день утром (перед завтраком, после работы, а работать каждый день с утра, это тоже было неизменно) — потом среди дня и вечером. Если мы никуда не ехали вместе, то дни его так регулярно и проходили. Это осталось у него (и у отца его) на всю жизнь. Только самое последнее время, последний год, когда Д<митрий> С<ергеевич> был уже слаб, он выходил только раз в день, и со мною. Тогда же и потом он «гулял» один, а я, днем, выходила тоже одна. Но утреннюю работу он не покидал *никогда*, вплоть до дня своей смерти. Даже в путешествиях, если мы где-нибудь оставались на более долгое время»².

Несмотря на занятость, Мережковские не забывали каждое воскресенье обедать у родителей Дмитрия Сергеевича. Так было и в один из мартовских дней 1889 года. Однако мать Мережковского чувствовала себя плохо, а на следующий день ее не стало. Это был настоящий удар. Впоследствии Гиппиус часто вспоминала о смерти матери Мережковского и не понимала, «как бы он это пережил, вдруг оставшись *совершенно один*»³. Но испытания не закончились. В 1890 году врачи диагностировали у Гиппиус тяжелое заболевание. Думали, что надежды на выздоровление

¹ Бярятинский В. «Пятницы Полонского» и «Пятницы Случевского» // Указ. изд. С. 297.

² Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Она же. Ничего не боюсь. С. 45.

³ Там же. С. 46.

уже нет. К счастью, все обошлось. По признанию самого Мережковского, смерть матери, болезнь жены и некоторые другие тяжелые обстоятельства личной жизни стали причиной того «религиозного переворота», который он пережил¹.

* * *

*...Милый друг,
И я, как ты, в сомненьях грешен,
Я разделяю твой недуг,
И я безверьем не утешен,
Богов неведомых ищу
И верить в старых не хочу².*

В теплое время года Мережковские, как правило, выезжали из Петербурга. Весной и летом 1889-го они побывали в Крыму, на Кавказе и даже погостили на подмосковной даче у родственников Зинаиды Николаевны. Осенью супруги вернулись в Петербург. Квартиру на Верейской было решено оставить, а новая располагалась в доме Мурузи на углу Литейного проспекта и Пантелеймоновской улицы. Уже в 1890 году Мережковские поспешили организовать у себя журфиксы. Принимали хозяева, как правило, по воскресеньям. Гостями Мережковских в разное время бывали: Н. А. Бердяев, А. А. Блок, В. Я. Брюсов, С. А. Есенин, В. В. Розанов, Ф. К. Сологуб и другие. «Воскресения» у Мережковских стали неотъемлемой частью культурной жизни Петербурга рубежа XIX-XX веков.

Лето 1890 года супруги проводили под Москвой. К этому времени Мережковский уже задумал написать большой роман о Юлиане Отступнике, нарушив тем самым собственное же условие. Какое? «А такое, — вспоминает Гиппиус, — что я буду писать только прозу, но не стихи. А он — стихи»³. Однако это вовсе не значило, что Мережковский бросает поэзию. Напротив, он долгое время считал себя прежде всего поэтом, «и даже “ранг” критика казался ему чуть ли не унижительным»⁴. Сотрудничество в популярных периодических изданиях сам писатель расценивал только как средство заработка. Когда же он принялся за «Юлиана Отступника», наступила очередь Гиппиус содержать семью. «...Сколько-сколько работ было ею загублено, — вспоминает Андрей Белый, — для облегчения Мережковскому быть учителем жизни; она отдувалась за все; деловые сношения, беседы с людьми и активнейшую пропаганду “сознания Мережковского” ведь брала на себя она, чтоб Д<митрий> С<ергеевич> мог в роскошных уютах просторного

¹ Мережковский Д. С. Автобиографическая заметка // Русская литература XX века (1890–1910). Кн. 1. С. 277.

² Мережковский Д. С. Смерть // Он же. Стихотворения и поэмы. С. 222.

³ Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Она же. Ничего не боюсь. С. 49.

⁴ Перцов П. П. Указ. изд. С. 336.

кабинета систематически выжимать из себя по отмеренной порции текста романа...»¹

Подготовительный этап работы над будущей трилогией «Христос и Антихрист» (в которую войдут романы «Смерть Богов. Юлиан Отступник», 1895; «Воскресшие Боги. Леонардо да Винчи», 1900; «Антихрист. Петр и Алексей», 1905) начался в библиотеке. Писатель запасался многочисленными выписками из античных авторов (не случайно впоследствии он будет прозван «полководцем» цитат), составил подробнейший план с указанием использованных источников. Помимо чтения книг Мережковский стремился непременно побывать в местах, где разворачивалось действие его произведений, «видеть и ощущать тот воздух и ту природу»². Однажды историк А. В. Половцов полюбостствовал у Дмитрия Сергеевича, как идет собирание материалов для второго романа о Леонардо. «Я постепенно собираю, — ответил Мережковский, — но совсем не спеша... Для собирания материалов я побываю во Флоренции, Милане... наконец в Париже, в Лувре, где масса его (Леонардо — А. Х.) произведений, особенно рисунков. Но писать в Италии я не буду ни одной строчки: это совершенно невозможно»³. Дмитрий Сергеевич считал, что обстановка должна противодействовать творчеству, не иметь с ним ничего общего: «Это довольно трудно объяснить, но это так. Вы можете воскресить в вас самих древний мир, быт, вообще исторический момент, настроение только — если снаружи не получаете никаких в чем-нибудь совпадающих с этими настроениями впечатлений. Так в Италии новейшие наслоения, смешивающиеся с остатком прежнего, были бы постоянною помехою»⁴.

Впервые Мережковские попали в Италию весной 1891 года. С тех пор заграничные поездки стали неотъемлемой частью их совместной жизни. Некоторые путешествия были связаны с этапами духовной эволюции нашего героя. Часто «внешней» причиной поездок становилось слабое здоровье Гиппиус. У нее был хронический плеврит. А поскольку самым страшным бичом Петербурга в то время оставался туберкулез (до 20 % умерших), смена климата для жены Мережковского была жизненно необходима. Дал о себе знать и другой, не менее значимый импульс, — любовь Мережковского к странствиям: «Я вполне живу, только когда путешествую. Здесь я совсем не тот; в П<етербурге> если и хорошая погода, я как-то не верю ей. И небо голубое, а мне оно кажется каким-то поддельным, точно эмалированным»⁵.

¹ Белый А. Воспоминания о Блоке // Он же. О Блоке. М., 1997. С. 159.

² Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Она же. Ничего не боюсь. С. 55.

³ Цит. по: Соболев А. Л. Д. С. Мережковский в работе над романом «Смерть Богов. Юлиан Отступник» // Д. С. Мережковский. Мысль и слово. М., 1999. С. 45.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 37.

Проездом через Варшаву и Вену Мережковские добрались до Венеции, где совершенно случайно повстречали двух русских туристов: сутулого, но бодрого старика в крылатке, а рядом с ним — молодого человека с бледным лицом и бородкой. «Старика я знал, — описывает встречу Мережковский. — Это был Суворин. Почему я угадал, что спутник его — Чехов, не помню. Должно быть, я встречался с ним в редакции “Северного вестника”, мельком»¹. В тени собора на площади Святого Марка все познакомились и провели этот мартовский день вместе.

Мережковский одним из первых в русской критике по достоинству оценил Чехова в статье «Старый вопрос по поводу нового таланта» (1888), которой сам Чехов остался не доволен: «Мережковский пишет гладко и молодо, но на каждой странице он трусит, делает оговорки и идет на уступки — это признак, что он сам не уяснил себе вопроса...»² Впоследствии наш герой посвятит Чехову еще не одну статью. С годами былая восторженность пройдет. «По поводу Чехова, — напишет он Брюсову в 1910 году, — я мог бы сейчас только ругаться... от Чехова пошел в русской литературе — дурной вкус, дурной запах, который кончился Арцыбашевым, Куприным и проч. Но всего этого публично сказать нельзя»³. Связано это будет не столько с Чеховым (талант которого, по собственному выражению Мережковского, «как был, так и остался до конца»⁴), сколько с эволюцией взглядов самого писателя, но об этом чуть позже.

Венеция так и останется для Мережковских «самым первым городом на свете»⁵. В письме Минскому от 26 марта 1891 года Дмитрий Сергеевич обещает: «Я непременно напишу поэму “Венеция”, но только не теперь»⁶. Однако в том же году появилось стихотворение:

Прощай, Венеция! Твой Ангел блещет ярко
На башне городской, и отдаленный звон
Колоколов Святого Марка
Несется по воде, как чей-то тихий стон.
Люблю твой золотой, твой мраморный собор,
На сон, на волшебство, на вымысел похожий,

¹ Мережковский Д. С. Брат человеческий // Он же. Акрополь. С. 248. См. также: Чудаков А. П. Чехов и Мережковский: два типа художественно-философского сознания // Чеховиана: Чехов и «серебряный век». М., 1996. С. 50–67; Письма Д. С. Мережковского к А. П. Чехову / Подгот. текста и коммент. А. М. Долотовой // Там же. С. 258–268; Поварцов С. «Люди разных мечтаний»: (Чехов и Мережковский) // Вопросы литературы. 1988. № 6.

² Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Письма. Т. 3. М., 1976. С. 54.

³ НИОР РГБ. Ф. 386. К. 94. Ед. хр. 45. Лл. 2 об. — 3.

⁴ Мережковский Д. С. Брат человеческий // Он же. Акрополь. С. 249–250.

⁵ Гиппиус З. Живые лица // Она же. Ничего не боюсь. С. 396.

⁶ РО ИРЛИ. Ф. 39. № 279. Л. 18 об.

Народной площади величье и простор
И сумрак галерей в палатко древних Дожей,
Каналы узкие под арками мостов
И ночью в улице порою звук несмелый
Ускоренных шагов;
Люблю я мрамор почернелый
Твоих покинутых дворцов,
Мадонны образок с лампадой одинокой
Над сваями, в немых лагунах Маломокко,
Где легче воздуха прозрачная вода:
Она живет, горит, и дышит, и синеет,
И, словно птица, в ней гондола, без следа,
Без звука, — черная, таинственная реет¹.

Мережковский подарил это стихотворение Чехову, с которым они всякий вечер гуляли по итальянскому городу, а потом шли пить фалерно в салон суворинских апартаментов. «Салон этот, — вспоминает Гиппиус, — был увешан венецианскими, безрамными, зеркалами и люстрами со сверканьем стеклянных подвесок. Золотое фалерно тоже сверкало. И все были веселы. Веселее всех — Суворин. Болтал без умолку, даже на месте усидеть не мог, все вскакивал. Каждую минуту мы с ним затевали спор. Спорили горячо, убеждал, доказывал, отстаивал свое мнение и... вдруг останавливался. Пожимал плечами. Совсем другим тоном прибавлял:

— А черт его знает! Может, оно все и не так»².

А. С. Суворину русская литература обязана как минимум именами Антона Чехова и Василия Розанова. Эти писатели всегда имели возможность публиковаться в его изданиях. Среди других газетных сотрудников Суворина выделялся литературный критик В. П. Буренин, который мог написать (и чаще всего писал) грубые и оскорбительные фельетоны. Уже скоро Мережковский на себе испытает, каково оказаться под хлестким пером «новременского Зоила», про которого поэт Д. Д. Минаев сказал в одной эпиграмме: «По невскому бежит собака, / За ней Буренин, тих и мил... / Городовой, смотри, однако, / Чтоб он ее не укусил!»³

Рано или поздно посиделки в апартаментах Суворина заканчивались, и хозяева провожали Мережковских до гостиницы. В Венеции наш герой не упускал малейшую возможность поговорить с Чеховым о наблевшем. «Говорю ему, бывало, о “слезинке замученного ребенка”, которой нельзя простить, а он вдруг обернется ко мне, посмотрит на меня своими ясными, не смешливыми, но немного холодными, “докторскими” глазами и промолвит:

¹ Мережковский Д. С. Венеция // Он же. Стихотворения и поэмы. С. 501.

² Гиппиус З. Живые лица // Она же. Ничего не боюсь. С. 398–399.

³ Цит. по: Чукоккала: Рукописный альманах Корнея Чуковского. М., 2006. С. 197.

— А, кстати, голубчик, что я вам хотел сказать: как будете в Москве, ступайте-ка к Тестову, закажите селянку — превосходно готовят, — да не забудьте, что к ней большая водка нужна.

Мне было досадно, — сокрушался Мережковский, — почти обидно: я ему о вечности, а он мне о селянке. Раздражало это равнодушие, даже как будто презрение к мировым вопросам; я начинал подозревать Чехова в “отсутствии общих идей”¹, коих у самого Дмитрия Сергеевича было более чем достаточно.

Примечательно, что Мережковский в описанной ситуации оказался в положении Дмитрия Дмитрича Гурова из известного чеховского рассказа (даже имя совпало): «Однажды ночью, выходя из докторского клуба со своим партнером, чиновником, он не удержался и сказал:

— Если б вы знали, с какой очаровательной женщиной я познакомился в Ялте!

Чиновник сел в сани и поехал, но вдруг обернулся и окликнул:

— Дмитрий Дмитрич!

— Что?

— А давеча вы были правы: осетрина-то с душком!

Эти слова, такие обычные, почему-то вдруг возмутили Гурова, показались ему унижительными, нечистыми².

Едва ли не оскорбленный Мережковский не мог успокоиться: «Я был молод; мне все хотелось скорее разрешить вопросы о смысле бытия, о Боге, о вечности. И я предлагал их Чехову, как учителю жизни. А он сводил на анекдоты да на шутки»³.

В записной книжке Чехова читаем: «Вечером разговор с Мережковским о смерти»⁴. Вопрос о бессмертии и поисках бога давно и серьезно волновал Мережковского. С особой остротой он встает во втором сборнике стихотворений писателя. С одной стороны, поэт завидует древним мудрецам:

Блажен, кто смерть улыбкой встретит,
Как воин — доблестную брань,
Кто на призыв ее ответит,
Подав ей дружескую длань.
Так, выпив яд, учитель строгий,
Сократ, без горя и тревоги,
Благословив учеников,
Одежду на главу накинул

¹ Мережковский Д. С. Асфодели и ромашка // Он же. ПСС. Т. 16. С. 40–41.

² Чехов А. П. Дама с собачкой // Он же. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения. Т. 10. М., 1977. С. 137.

³ Мережковский Д. С. Асфодели и ромашка // Он же. ПСС. Т. 16. С. 40.

⁴ Чехов А. П. <Записная книжка I> // Он же. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения. Т. 17. М., 1980. С. 8.

С последним звуком мудрых слов
И мир наш радостно покинул,
И для него была светлей
И легче смерть, чем сон детей...¹ —

но, с другой стороны, — понимает:

Нет! Страха смерти победить
Умом нельзя... А жизнь уходит...
От всех познаний, дум и книг
Какая польза в страшный миг?...²

В результате мучительных раздумий Мережковский приходит к своему решению проблемы: человек способен победить смерть, если познает Бога через любовь. Подтверждением тому служит переложение средневековой легенды «Имогена». Сюжет прост. Чтобы жениться на дочери барона, бедный оруженосец должен пройти через родительское испытание, но не один, а вместе с возлюбленной.

Ты возьмешь ее на плечи,
По скалам и по стремнине
Ты пойдешь с бесценной ношей
Ко кресту на той вершине.

Путь не легок: поскользнешься —
Смерть обоим... Если ж с нею
До креста дойдешь, — навеки
Будет дочь моя твоею³.

Герой достигает цели. Бледный, он падает с драгоценной ношей у подножия креста, и раздается победный крик:

«Ты моя, моя навеки!»
«Поскорей разнять их!» — грозно
Закричал барон... Со свитой
Он примчался — было поздно...

Слишком крепко Имогена
Обвила его руками...
На лице — покой и счастье,
И уста слились с устами.

¹ Мережковский Д. С. Смерть // Он же. Стихотворения и поэмы. С. 231.

² Там же. С. 243.

³ Мережковский Д. С. Имогена // Он же. Стихотворения и поэмы. С. 354.

«Что ж вы медлите? Скорее
Разлучить их!» Но стояли
Все, поникнув головою,
Полны страха и печали.

Лишь один ответил робко:
«Никакая власть и сила
Разделить, барон, не может
То, что смерть соединила...»¹

Такова авторская философия. «Антонио, — говорит героиня одной из итальянских новелл Мережковского, — благословенна да будет смерть, которая научила нас любить, благословенна да будет любовь, которая сильнее смерти!»² По всей вероятности, писатель, подобно своему герою из «Железного кольца», «прочел в комментариях к божественному Платону, что и грешному человеку порою достаточно бывает одного мгновения высшего блаженства, чтобы темная душа его очистилась и соединилась с Богом»³. Уже к началу 1890-х годов Мережковский не сомневался: «Или Смерть, или Бог — нет другого исхода — или верить в Смерть, или верить в Бога»⁴. Но в какого Бога?

В юности для Мережковского характерно пантеистическое принятие мира. Постичь Бога — значит слиться с природой, «вернуться» к ней:

*Я Бога жаждал — и не знал;
Еще не верил, но, любя,
Пока рассудком отрицал, —
Я сердцем чувствовал Тебя.
И ты открылся мне: Ты — мир.
Ты — все. Ты — небо и вода,
Ты — голос бури, Ты — эфир,
Ты — мысль поэта, Ты — звезда...»⁵*

Но и на общем пантеистическом фоне просматривались проблески «нового религиозного сознания».

Рим — это мира единство: в республике древней — свободы
Строгий языческий дух объединял племена.
Пала свобода, — и мудрые Кесари вечному Риму
Мыслью о благе людей вновь покорили весь мир.

¹ Там же. С. 355–356.

² Мережковский Д. С. Любовь сильнее смерти // Он же. ПСС. Т. 19. С. 23.

³ Мережковский Д. С. Железное кольцо. Новелла XV века // Он же. ПСС. Т. 19. С. 51.

⁴ Мережковский Д. С. Записная книжка 1891 г. // Пути и миражи русской культуры. С. 343.

⁵ Мережковский Д. С. Бог // Он же. Стихотворения и поэмы. С. 213.

Пал императорский Рим, и во имя Всевышнего Бога
В храме великом Петра весь человеческий род
Церковь хотела собрать. Но, вслед за языческим Римом,
Рим христианский погиб: вера потухла в сердцах.
Ныне в развалинах древних мы, полные скорби, блуждаем.
О, неужель не найдем веры такой, чтобы вновь
Объединить на земле все племена и народы?
Где ты, неведомый Бог, где ты, о будущий Рим?¹

Частые путешествия за границу (в 1890-е годы Мережковские побывали в Италии, Франции, Греции, Турции и других европейских странах) не мешали супругам вести насыщенную литературную жизнь.

После возвращения в Петербург осенью 1891 года Мережковский становится корреспондентом Чехова. Очевидно, что причиной завязавшейся переписки была не душевная близость двух писателей. «Если это письмо до Вас достигнет, — пишет Мережковский, — сообщите мне адрес Суворина... Мне нужен адрес его вот для чего: я хочу ему предложить издать мою вторую книгу стихотворений»². Чехов откликнулся на просьбу Мережковского, и уже в начале 1892 года Суворин издает «Символы». «Наконец книга вышла... — сообщает Мережковский. — Сегодня в понедельник вдруг — *объявление* на первой странице среди других книг: Д. Мер<еж>ков<ский> — «Символье» (!!!) Что это значит? Я озаглавил книгу «Символы» (Песни и Поэмы). И вместо этого Символье — что-то похожее на *Воронье*»³.

Этот, казалось бы, незначительный казус симптоматичен для литературной «карьеры» Мережковского. Несмотря на популярность, творчество писателя будет сопровождать непонимание со стороны современников. «Вообще, — сетует Мережковский, — в русской литературе встречали меня недоброжелательно...»⁴ Дмитрий Сергеевич выделялся на фоне русских писателей: «Его отличие и от современников, и от писателей более старых выражалось даже в мелочах: в его привычках, в регулярном укладе жизни и, главное, работы»⁵. Близкие знакомые обращали внимание на «чужестранность» писателя: «Помню, однажды, в сумерках вечера, попрощавшись с г-ном Мережковским на улице, я отыскал себе извозчика, и когда затем, нагнав его, идущего по тротуару, вторично ему поклонился, то с высоты пролетки следя за его сутуловатой, высохшею фигуркою, идущею небольшим и вдумчивым шагом, без торопливости и без замедления,

¹ Мережковский Д. С. Будущий Рим // Он же. Стихотворения и поэмы. С. 338.

² НИОР РГБ. Ф. 331. К. 51. Ед. хр. 58. Л. 6 об.

³ Там же. Л. 13 об.

⁴ Мережковский Д. С. Автобиографическая заметка // Русская литература XX века (1890–1910). Кн. 1. С. 277.

⁵ Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Она же. Ничего не боюсь. С. 54.

“для здоровья и моциона”, я подумал невольно: “так, именно *так*, — русские никогда не ходят! ни один!!” Впечатление чужестранного было до того сильно, физиологически сильно, что я, хотя и ничего не знал о его роде-племени — но не усомнился заключить, что так или иначе, в его жилах течет не чисто русская кровь. В ней есть несомненные западные примеси; а думая о его темах, о его интересах — невольно предполагаешь какие-то старокультурные примеси. Что-нибудь из Кракова или Варшавы, может быть из Праги, из Франции, через прабабушку или прадеда, может быть неведомо и для него самого, но в нем есть. И здесь лежит большая доля причины, почему он так туго прививается на родине, и так ходко, легко прививается на Западе»¹.

Мережковский действительно не был чистокровным русским (если таковые вообще встречаются?!). Его прадед, Федор Мережки, был войсковым старшиной на Украине, а дед, Иван Федорович, в конце XVIII века переехал в Петербург, переименовав малороссийскую фамилию на русскую. Но, несмотря на «внешнюю» чужеродность, творчество Мережковского принадлежит отечественной культуре. А «Символы» знаменуют начало Серебряного века *русской* литературы. «Кажется, — вспоминает писатель, — я раньше всех в русской литературе употребил это слово. “Какие символы? Что значит: символы?” — спрашивали меня с недоумением»². Название сборника стало созвучно новому художественному направлению.

Сегодня это очевидно, а в 1892 году обозреватель писал: «К сожалению, попытка г-на Мережковского имеет все признаки расчетливой тенденциозности: черты мистицизма, рассеянные в “Символах”, являются какими-то случайными придатками к совершенно обычным и банально разработанным сюжетам»³. Впрочем, были и другие отзывы. Одним из первых читателей «Символов» оказался будущий лидер русского символизма Валерий Брюсов. Весной 1891 года (еще до появления сборника) он выписывает в свою записную тетрадь отдельные фрагменты из поэм «Семья» («Семейная идиллия») и «Смерть»⁴, а после выхода книги заносит в дневник: «Осенью я взял-

¹ Розанов В. Среди иноязычных (Д. С. Мережковский) // Д. С. Мережковский: pro et contra. С. 83. Любопытно сравнить это высказывание с мнением западного критика: «Мережковский никогда не тривиален, но слишком часто страдает изысканностью и вымученностью. Неужели его русские читатели действительно считают естественным то, что он упорно сопоставляет Пушкина с Рафаэлем, Толстого с Микель-Анджело и Достоевского с Леонардо? *Надо во всяком случае быть русским, чтобы делать такие сопоставления и наслаждаться ими*» (Брандес Г. Мережковский // Он же. Собрание сочинений. Т. 19. СПб., [1913]. С. 325). Курсив мой — А. Х.

² Мережковский Д. С. Автобиографическая заметка // Русская литература XX века (1890–1910). Кн. 1. С. 277.

³ Волынский А. Символы (песни и поэмы) // Д. С. Мережковский: pro et contra. С. 33.

⁴ НИОР РГБ. Ф. 386. К. 4. Ед. хр. 2. Лл. 13–15 об., 46–46 об.

ся за Мережковского. Все начали читать “Символы”. Теперь я — декадент¹. Даже по прошествии времени Брюсов не отречется от юношеского увлечения, а с благодарностью признается: «Появление “Символов” было некоторым событием в моей жизни. Эта книга сделалась моей настольной книгой. До сих пор всю ее (при своей несколько показной памяти на стихи) я знаю наизусть»².

В центре внимания оказались не только «Символы». 26 октября 1892 года Мережковский выступил в Русском литературном обществе с лекцией «О причинах упадка русской литературы». Выступление повторилось 8 декабря, а 15-го числа того же месяца писатель прочел вторую часть доклада — «О новых течениях современной русской литературы». Тексты лекций легли в основу брошюры «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (далее «О причинах упадка...» — А.Х.), вышедшей в январе 1893 года. Работа Мережковского считается первым манифестом русского символизма. Принимая такое определение, уместно рассмотреть ее в контексте сборника «Символы». Так теоретические суждения могут быть подкреплены их творческим воплощением. По всей вероятности, именно к этому стремился писатель. Недаром он говорил: «Критики — всегда враги, поэты — всегда друзья, и стремятся разными путями к одной цели»³.

* * *

Взгляд Мережковского на современный литературный процесс определяется его же словами: «Только то поколение, которое научится ценить доброе и прекрасное в своих предшественниках, прощать их недостатки и признавать их силу, имеет право надеяться на будущее. Живое взаимодействие, примирение прошлого и настоящего — вот величайшая основа всякой культуры»⁴. Это высказывание определяет идейно-эмоциональный настрой брошюры «О причинах упадка...», которая, в отличие от большинства манифестов, лишена не только наступательного характера, но и стремления порвать связи с ближайшей традицией.

Прежде чем говорить об «упадке» русской литературы, Мережковский делает важное разграничение. Он отделяет собственно литературу от поэзии — силы «первобытной», «вечной», «стихийной»⁵. Наличие отдельных гениев (Пушкин, Толстой, Достоевский), полагает писатель, — залог существования великой русской поэзии, но не литературы: «Несомненно, что в России были истинно великие поэтические явления. Но вот вопрос: была

¹ Брюсов В. Я. Дневники. Автобиографическая проза. Письма. С. 29.

² Там же. С. 235.

³ Мережковский Д. С. Вечные спутники // Он же. ПСС. Т. 18. С. 78.

⁴ Мережковский Д. С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // Он же. ПСС. Т. 18. С. 246.

⁵ Там же. С. 177.

В Акрополе Мережковский увидел барельеф, изображающий самую обыденную сцену: нагие стройные юноши ведут молодых коней, они спокойно укрощают их мускулистыми руками¹. За этой, казалось бы, повседневной сценой писатель увидел символ свободного эллинского духа: «Человек укрощает зверя. Это не только сцена из будничной жизни, но вместе с тем — целое откровение божественной стороны нашего духа. Вот почему такое неистребимое величие, такое спокойствие и полнота жизни в искаленном обломке мрамора, над которым пролетели тысячелетия»². Обыденная жизнь, по мысли Мережковского, может скрывать за собой символы, разгадать которые нельзя в одночасье. Автор «Символов» берется за создание поэзии будничной жизни и, как древний грек, «высекает барельефы» на тему современной ему действительности:

Ужель нельзя писать, забыв хотя на миг
Про то, как пишутся новеллы и романы,
Отвергнув, наконец, условные обманы
Ненужных вымыслов и спутанных интриг?
Ужель изобразить мне легче смерть и муку
Героев, гибнущих в невиданном бою,
Чем разговор с женой и комнату мою,
Унылый вид в окно и будничную скуку?
А между тем из них, из этих мелочей,
Забытых книгами и слишком некрасивых,
Чтоб их рассказывать в строфах красноречивых,
Слагается жизнь, простая жизнь людей³.

Заметьте, Мережковский не просто делает слепок с жизни (как к тому стремились приверженцы натуральной школы). Он пытается извлечь из глубины действительности символы времени и пространства.

Где два, три дерева, там — целый мир пред нами,
Там всей природы жизнь, там вся ее краса,
И бесконечные синеют небеса,
Сквозя меж темными, поникшими ветвями, —
Так двух иль трех людей довольно, чтоб порой
В житейской пошлости великое, святое, —
Что есть у всех, — любовь просветом в мир иной
Сияла, вечная, как небо голубое!⁴

¹ Мережковский Д. С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // Он же. ПСС. Т. 18. С. 215.

² Там же. С. 216.

³ Мережковский Д. С. Семейная идиллия // Он же. Стихотворения и поэмы. С. 358.

⁴ Там же. С. 370.

Со временем поэтизация будничной жизни станет характерной чертой символистской эстетики (см.: «Ночь, улица, фонарь, аптека...» Блока, «Сумерки» Брюсова и многие другие тексты).

2) Символы «выражают безграничную сторону мысли»¹. Благодаря символам «художественное вещество» поэзии делается «одухотворенным, прозрачным, насквозь просвечивающим, как тонкие стенки алебастровой амфоры, в которой зажжено пламя»².

Несказанное, по мысли Мережковского, «действует сильнее на сердце, чем то, что выражено словами»³. Иначе говоря, символ примечателен своей многозначностью, неуловимостью.

3) Символами могут быть и характеры (Санчо Панса и Фауст, Дон Кихот и Гамлет, Дон Жуан и Фальстаф).

«Идею таких *символических характеров*, — пишет Мережковский, — никакими словами нельзя передать, ибо слова только определяют, ограничивают мысль...»⁴ Символ универсален, он связан с жизнью всего человечества и выражает безграничную сторону мысли не столько создателя образа, сколько писателя, взявшегося за его интерпретацию. В нашем случае — Мережковского, стремившегося включить собственное творчество в максимально широкий культурно-исторический контекст.

4) Содержание символа в основе своей религиозно.

«Без веры в божественное начало мира, — полагает Мережковский, — нет на земле красоты, нет справедливости, нет поэзии, нет свободы!»⁵ Поскольку литература понимается писателем как «своего рода церковь», то говорить о «новом», «идеальном» искусстве можно только с религиозных позиций. Не случайно одним из эпиграфов к «Символам» Мережковский выбирает слова из обращения Апостола Павла к афинянам, а открывает сборник стихотворение с говорящим названием «Бог».

В первой половине 1890-х годов в сознании Мережковского причудливо сочетаются, с одной стороны, установка на интуитивно-эмоциональное познание действительности, мечты о новом идеализме, а с другой — еще не укрепившаяся религиозность, поиск божественного идеала (как в язычестве, так и в христианстве⁶). Для писателя существуют три равнозначные величины: культура, культ, религия. Не случайно Мережковский

¹ Мережковский Д. С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // Он же. ПСС. Т. 18. С. 217.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 273.

⁶ В «Вечных спутниках» Мережковский спрашивал: «Не было ли христианство проявлением того, что невидимыми путями подготавливалось в недрах языческого мира?» (Мережковский Д. С. Вечные спутники // Он же. ПСС. Т. 17. С. 52).

долго колебался с названием второго сборника стихотворений. Первоначальный вариант «Неведомому Богу» в декабре 1891 года был заменен на «Вечные волны». И только в начале 1892 года появляется окончательное название — «Символы»¹. При этом каждый вариант был значим для Мережковского и не потерялся в бумагах. Первый встречается в эпиграфе к сборнику: «...И став Павел среди Ареопага, сказал: “Мужи Афиняне, по всему вижу, что вы благочестивы. Ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я нашел жертвенник, на котором написано: *Неведомому Богу*. Сего-то, которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам”»². Второй, немного изменившись, переходит в название сборника критических статей Мережковского «Вечные спутники» (1897), на страницах которого автор обращается к религиозно-мистической сущности искусства (культуры)³.

Выбор «вечных спутников» концептуален. В каждом из них Мережковский находит частичку себя. «Я не знаю, — пишет он в статье об Аврелии, — более сладкого и глубокого ощущения, чем то, которое испытываешь, встречая свои собственные, никому не высказанные мысли в произведении человека далекой культуры, отдаленного от нас веками. Тогда только перестаешь на мгновение чувствовать себя одиноким и понимаешь общность внутренней жизни всех людей, общность веры и страданий всех времен»⁴.

Вероятно, причастность к мировой культуре помогала Мережковскому преодолевать одиночество, сопровождавшее писателя с детства. Символизируя культурное время и пространство, он стал родоначальником новой критики, которая характеризуется как «психологическая, неисчерпаемая, беспредельная по существу своему, как сама жизнь, ибо каждый век, каждое поколение требует объяснения великих писателей прошлого в *своем* свете, в *своем* духе, под *своим* углом зрения»⁵. Свой критический подход Мережковский назвал «субъективно-художественным». Причем сделал это задолго до появления «Вечных спутников», еще в первых статьях о Чехове и Сервантесе (конец 1880-х годов). Примечательно, что появление «Вечных спутников» не вызвало в критике особого внимания, зато в начале 1910-х годов эта книга «была особенно популярна и даже выдавалась как награда кончающим средние учебные заведения»⁶.

¹ Кумпан К. А. Д. С. Мережковский-поэт (у истоков «нового религиозного сознания») // Мережковский Д. С. Стихотворения и поэмы. С. 52–53.

² Мережковский Д. С. Стихотворения и поэмы. С. 213.

³ «Все искусство, — писал Мережковский, — безнадежный плач человеческой души о Боге» (Мережковский Д. С. Записная книжка 1891 г. // Пути и миражи русской культуры. С. 351).

⁴ Мережковский Д. С. Вечные спутники // Он же. ПСС. Т. 17. С. 39.

⁵ Там же. С. 6.

⁶ Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Она же. Ничего не боюсь. С. 75.

Литературно-критические работы, написанные Мережковским в 1880–1890-е годы, отличаются от поздних отсутствием явной тенденциозности и публицистичности. Тем не менее, критическое наследие писателя на протяжении всего творческого пути будет отличать устойчивый интерес к широкому историко-литературному контексту, стремление ответить на сложнейшие вопросы бытия, выйти за рамки исследуемой проблемы.

Расширение художественной впечатлительности

По мнению Мережковского, истинной чертой «нового идеального искусства, грядущего в России на смену утилитарному пошлому реализму», является импрессионизм¹. В 1890-е годы писатель расширит границы прекрасного вплоть до поэтизации зла. Идея так называемой «новой красоты» будет связана с ницшеанским периодом творчества Мережковского и воплотится в романах о Юлиане Отступнике, Леонардо да Винчи и сборнике «Новых стихотворений».

Есть одна только вечная заповедь — жить
В красоте, в красоте, несмотря ни на что,
Ужас мира поняв, как не понял никто,
Беспредельную скорбь беспредельно любить², —

напишет поэт, познавший «прелесть Зла»³.

Индивидуализм и эстетизм включают творчество Мережковского середины 1890-х годов в «аксиологическую парадигму раннего символизма»⁴. Сам писатель оказался не готов к реальной роли лидера «нового искусства», но его лекции вкупе с «Символами» и «Юлианом Отступником» оказали сильнейшее влияние на людей, провозгласивших себя «вожаками» русского символизма.

* * *

Многие критики встретили «манифестацию» враждебно. Буренин неистовствовал: «Г-н Мережковский, накопивший целых два тома посредственных и холодных стихов, вздумал обратиться к прозе и накопал посредственную статейку под длинным и претенциозным заглавием...»⁵ Все обвинения сводились к измене народолюбивым идеалам, расплывчатости философского

¹ Мережковский Д. С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // *Он же*. ПСС. Т. 18. С. 220.

² Мережковский Д. С. Смех // *Он же*. Стихотворения и поэмы. С. 475.

³ Мережковский Д. С. Леонардо да Винчи // *Он же*. Стихотворения и поэмы. С. 475.

⁴ Кумпан К. А. Д. С. Мережковский-поэт (у истоков «нового религиозного сознания») // Мережковский Д. С. Стихотворения и поэмы. С. 65.

⁵ Буренин В. Критические очерки // Д. С. Мережковский: pro et contra. С. 35.

кредо и необоснованности суждений. Чехов расценил выступление Мережковского как неэтичное: «В каждом обществе, будь то народность, секта, сословие или просто круг людей, связанных одной общей профессией, непременно существует этика отношений, не допускающая, между прочим, чтобы дурно отзывались о своих в присутствии чужих, если нет к тому достаточно сильных поводов вроде уголовщины или порочного поведения — поводов, указанных практикою»¹.

Несмотря на остервенение критиков, «маленькому, странно-неуклюжему, хотя европейски корректному человечку, вещавшему с кафедры все эти вечно новые истины»², из глубины аудитории сочувственно внимал молодой поклонник. По окончании лекции он почему-то не решился на личное знакомство, хотя еще в 1890 году отправил Мережковскому первое письмо:

Милостивый Государь
Господин Мережковский!

Я не имею чести знать Вас лично, я не знаю даже имени и отчества Вашего, и мне, вероятно, никогда не придется встретиться с Вами, но я, тем не менее, решаюсь посредством письма выразить Вам чувство глубокого удивления к Вашему таланту, которое охватило меня, когда я прочел Вашу «Веру». — Я — человек, глубоко любящий всякую поэзию вообще, а русскую в особенности, я живо интересуюсь нашей литературой и, опять-таки, особенно нашей поэзией, и потому не удивительно, если Ваша поэма произвела на меня такое впечатление, что я решился написать Вам письмо, рискуя показаться Вам смешным.

Я принадлежу к тому самому поколению, ярких и типичных представителей которого изобразили Вы в Вашей поэме; оно, это самое поколение, уже давно ждало такого изображения, уже давно ждало, чтобы явился поэт, который понял бы его глубоко, со всеми его достоинствами и недостатками, и дал бы ему такие же цельные и прекрасные его портреты, какие прежние поколения находили для себя в «Евгении Онегине», «Герое нашего времени», «Рудине», «Отцах и детях»... И вот теперь, наконец, сбылись наши надежды и мечты — наше поколение имеет *свою* поэму и может, в ответ людям прошлого времени, указывающим на *их* поэмы, указать на *нашу* и сказать: «Мы имеем такого же художника, каких имели вы». Вот этим-то Вы и заслужили искреннюю благодарность всей нашей молодежи, и я смело скажу Вам от ее лица «честь Вам и слава!» и не боюсь явиться самозванным ее представителем, потому что я сам стою в ее рядах, и не могу думать и чувствовать иначе, чем она. И действительно, не раз случалось

¹ Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Письма. Т. 5. М., 1977. С. 143–144.

² Перцов П. П. Указ. изд. С. 88.

мне слышать сравнение Вашей поэмы с «Евгением Онегиным», сравнение, по-моему, вполне верное и наглядно показывающее, какое значение имеет для нас Ваше произведение.

И что еще особенно дорого нам в Вашей поэме, это — проникающая ее горячая любовь к свету и правде. Мы не можем относиться иначе, как с чувством глубокого уважения и сочувствия, к поэту, посылающему свой привет «всем, желающим блага отчизне», всем работающим на ее пользу и страдающим за нее. Позвольте же мне, «безвестному и далекому» Вашему другу, который, однако, принадлежит к одной с Вами семье и который гордится тем, что он — Ваш современник, позвольте ему, хотя посредством письма, позжать Вашу руку, ту руку, которая написала поэму, составляющую гордость и славу моего поколения.

*Студент юридического факультета Казанского университета
Петр Перцов¹.*

«Редко в жизни я бывал так счастлив, — вспоминает Перцов, — как в тот летний день 1890 г., когда, зайдя в университет (я был еще студентом) и просматривая выставленные за проволоочной сеткой письма “до востребования”, увидел, где-то в углу, большой белый конверт, на котором странным, готическим почерком была написана моя фамилия. Я не верил своим глазам, так как никогда не ожидал, что с петербургского Олимпа — от самого автора “Веры” — спустится ко мне ответ»²:

К сожалению, Вы не дали своего адреса, так что я не знаю, дойдет ли это письмо до Вас, но, может быть, и дойдет. Спасибо, милый товарищ! Вот такие простые, искренние отзывы, как Ваш, — лучшая награда писателей! В минуты нравственного одиночества и недоверия к своим силам, в минуты, которые часто у меня бывают, я стану вспоминать, что есть у меня хоть один дружественный мне читатель, и мне станет легче. Итак будьте убеждены, что Ваше письмо не пропало даром, оно доставило мне светлую, хорошую минуту, за которую я Вас от всего сердца благодарю, и Вас и всех Ваших товарищей, о которых Вы говорите и которые думают так же, как Вы.

Крепко, крепко жму Вашу руку, «далекие, безвестные друзья».

Д. Мережковский³.

Личное знакомство состоялось 8 октября 1893 года. «Наше свидание, — вспоминает Перцов, — было свиданием двух нашедших друг друга друзей...»⁴

¹ Там же. С. 363–364.

² Там же. С. 64.

³ Письма Д. С. Мережковского к П. П. Перцову / Вступит. заметка, публ. и примеч. М. Ю. Кореньевой // Русская литература. 1991. № 2. С. 159.

⁴ Перцов П. П. Указ. изд. С. 94.

Спустя годы он назовет свое отношение к Мережковскому «товарищеским ученичеством»¹.

Удивительный это был человек — П. П. Перцов. Когда символизм только прививался на русской почве, он задумал составить сборник «Молодая поэзия» (1895), в который вошли стихотворения поэтов, выступивших в предшествовавшие 10–15 лет, а на следующий год — издать в духе эстетической критики 1840-х годов сборник «Философские течения русской поэзии» (1896), инициатором и участником которого был наш герой. Кроме того, Перцов издал сборник Мережковского «Вечные спутники» (1897), а в 1903–1904 годах был редактором и официальным издателем журнала «Новый путь», в котором, как известно, Мережковские играли первую скрипку.

Вклад Перцова в литературный процесс рубежа веков трудно переоценить. В середине 1890-х годов у символистов не было собственного печатного органа, возможность публиковаться имел не каждый. Единственным полумодернистским изданием был «Северный вестник»², фактическое руководство которым с 1891 по 1898 год осуществляла Л. Я. Гуревич.

24 сентября 1891 года Мережковский писал Плещееву: «Сев<ерный> Вест<ник>» окончательно перешел в руки Гуревич, т. е. еврея Флексера, потому что Гуревич сама вся в руках Флексера. Он необычайно сделался важен»³. По мнению исследователей, среди русских журналов «Северный вестник» выделялся одной особенностью — абсолютной гегемонией критика А. Л. Волынского (это псевдоним Х. Л. Флексер), который видел себя в качестве наставника зарождающегося русского символизма.

Несмотря на острую критику некоторых работ Мережковского, Волынский усматривал в творчестве писателя «живую нервную восприимчивость к тому, что возникает и нарастает в душах современных людей»⁴, ростки уже символистского, а не декадентского творчества.

Волынский исходил из разделения современного ему искусства на декадентство и символизм. «...Декадентство, — писал критик, соглашаясь с мнением молодого писателя Л. Денисова, — диаметрально противоположно символизму, хотя в современной европейской литературе оба явления обозначались в один и тот же исторический момент: первое — как протест против старых философских воззрений, второе — как творческая переработка художественных впечатлений в новом свете»⁵. Мережковский принимал та-

¹ Там же. С. 338.

² Подробно о «Северном вестнике» см.: Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX века, 1890–1904: Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1982. С. 91–128.

³ НИОР РГБ. Ф. 359. К. 8228. Ед. хр. 48. Л. 2.

⁴ Волынский А. Литературные заметки // Северный вестник. 1896. № 2. С. 335.

⁵ Волынский А. Литературные заметки // Северный вестник. 1896. № 12. С. 251–252.

кое разделение. Но если сначала под декадентством он подразумевал только протест против грубого материализма и натурализма в искусстве, то впоследствии этот ярлык стал навешиваться на все, от чего так или иначе веяло индивидуализмом, эстетизмом, а главное — религиозной бессодержательностью. При поддержке Волынского на страницах «Северного вестника» в 1895 году появился «Отверженный» («Юлиан Отступник») Мережковского — первый символистский роман, привлечший колоссальное внимание, которое почему-то не радовало автора. Впрочем, не только его.

«Успех этого романа, — пояснял Перцов, — к сожалению несомненный — очень мало радует меня: я предпочел бы откровенную тупость непонимания предательским похвалам, в виде особой милости сравнивающим Мережковского... с Эберсом!¹ В «Отверженном» они видят биографию Юлиана, что-то вроде дополнения к павленковской серии; в восстании богов — археологические изыскания исторической беллетристики. И все это потому, что в заглавии романа стоит маскирующее слово «исторический»!² «...Надо быть «русскою публикою», — вторил Мережковский, — чтобы назвать меня «русским Эберсом»: не знаю, как Вам, а мне и от немецкого — тошно»³.

Массовый читатель вряд ли мог оценить новаторский роман Мережковского — символический и символистский в равной степени. Система образов которого — ряд едва уловимых символов двух разделенных, но стремящихся слиться миров: языческого (дионисийского) и христианского (галилейского). Их соотношение всю жизнь волновало писателя. В 1890-е годы основная мысль Мережковского, выраженная, прежде всего, в «Юлиане Отступнике», сводилась к тому, что существует две правды: христианство — правда о небе, и язычество — правда о земле. В их соединении — полнота религиозной истины. Однако Гиппиус почему-то считала, что уже с первого романа у Мережковского произошел поворот к христианству, углубление в него⁴. Может, она права, но в работах Дмитрия Сергеевича этот «поворот» станет очевиден только на пороге XX века.

Мережковский не скрывал, что в лице Юлиана изобразил мирозерцание своих современников⁵. «Как тебе это объяснить — не знаю. Старые, глупые песни трогают меня до слез. Я люблю вечер больше утра, осень — больше весны. Я люблю все уходящее. Я люблю благоухание умирающих цветов. Что же делать, друг мой? Таким меня создали боги. Мне нужна эта

¹ Георг Эберс (1837–1898) — немецкий писатель, автор исторических романов.

² Цит. по: *Соболев А. Л.* Д. С. Мережковский в работе над романом «Смерть Богов. Юлиан Отступник» // Д. С. Мережковский. Мысль и слово. С. 31.

³ Письма Д. С. Мережковского к П. П. Перцову // Русская литература. № 2. 1991. С. 160.

⁴ *Гиппиус З.* Дмитрий Мережковский // *Она же.* Ничего не боюсь. С. 54.

⁵ См.: *Соболев А. Л.* Д. С. Мережковский в работе над романом «Смерть Богов. Юлиан Отступник» // Д. С. Мережковский. Мысль и слово. С. 44–45.

сладкая грусть, этот золотистый и волшебный сумрак. Там, в далёкой древности, есть что-то несказанно прекрасное и милое, чего я больше нигде не нахожу. Там — сияние вечернего солнца на пожелтевшем от старости мраморе. Не отнимай у меня этой безумной любви к тому, чего нет! То, что было, прекраснее всего, что есть. Над моею душою воспоминание имеет большую власть, чем надежда...»¹ — Юлиан умолк, но его речь мог бы продолжить сам Мережковский, посвятивший «детям ночи» одноименное стихотворение:

Устремляя наши очи
На бледнеющий восток,
Дети скорби, дети ночи,
Ждем, придет ли наш пророк.
Мы неведомое чуем,
И, с надеждою в сердцах,
Умирая, мы тоскуем
О несозданных мирах.
Дерзновенны наши речи,
Но на смерть осуждены
Слишком ранние предтечи
Слишком медленной весны.
Погребенных воскресенье
И, среди глубокой тьмы,
Петуха ночное пенье,
Холод утра — это мы.
Наши гимны — наши стоны;
Мы для новой красоты
Нарушаем все законы,
Преступаем все черты.
Мы — соблазн неуголенных,
Мы — посмешище людей,
Искра в пепле оскорбленных
И потухших алтарей.
Мы — над бездною ступени,
Дети мрака, солнца ждем,
Свет увидим и, как тени,
Мы в лучах его умрем².

На положительное решение редакции «Северного вестника» о публикации романа Мережковского не могли не повлиять близкие отношения Волынского и Гиппиус, которая «тогда позировала на женщину роковую и на

¹ Мережковский Д. С. Смерть богов (Юлиан Отступник) // *Он же*. ПСС. Т. 1. С. 208.

² Мережковский Д. С. Дети ночи // *Он же*. Стихотворения и поэмы. С. 470.

какое-то “воплощение греха” и была не прочь, чтоб ореол сугубой греховности горел вокруг ее чела. Да и Дмитрий Сергеевич не только терпел то, что в другом супружестве могло создать весьма натянутые отношения, но точно поощрял в жене те ее “странности”, которые могли оправдать прозвище “белой дьяволицы”, данное ей чуть ли не им же самим. Ходил даже анекдот, будто, войдя как-то без предупреждения в комнату жены и застав ее в особо оживленной беседе с Волынским, он отпрянул и воскликнул: “Зина! Хоть бы ты запирала дверь!”¹. Но, кокетничая с идеологом «Северного вестника», Гиппиус не переставала думать о нем как о человеке «среднего рода»². Рано или поздно в таких отношениях должен был наступить разрыв.

Дружба Мережковских с Волынским продолжалась до 1897 года. Они даже совершили весной 1896-го совместное путешествие в Италию «по следам Леонардо да Винчи», роман о котором Дмитрий Сергеевич надеялся опубликовать в «Северном вестнике». Но его чаяниям не суждено было сбыться. В 1897 году, после разрыва личных отношений с Гиппиус, которому предшествовала череда грубых ссор, Волынский начал публиковать собственное исследование о Леонардо да Винчи, а вдобавок без предупреждения исключил имена Мережковских из списка сотрудников «Северного вестника». «Смердяковская у него сущность»³, — возмущался таким поступком Мережковский. В январе 1898 года в отношениях с Волынским была поставлена точка. В том же году прекратил свое существование «Северный вестник».

Тем временем в Петербурге готовился к выпуску совершенно новый для России журнал. Еще весной 1898 года молодой художник А. Н. Бенуа размышлял: «Авось, нам удастся соединенными силами насадить хоть кое-какие более путные взгляды. Действовать нужно смело и решительно, но без малейшего компромисса. Не гнушаться старины (хотя бы “вчерашней”) и быть беспощадным ко всякой сорной траве (хотя бы модной и уже приобретенной почет и могущей доставить чрезвычайно шумный внешний успех). В художественной промышленности избегать вычурное, дикое, болезненное и нарочитое, но проводить в жизнь, подобно Моррису, принципы спокойной целесообразности — иначе говоря, “вечной” красоты. Отчего бы не назвать наш журнал “Возрождение” и в программе не объявить гонение и смерть декадентству, как таковому? Положим, все, что хорошо, как раз и считается у нас декадентским, но я, разумеется, не про это ребяческое невежество говорю, а про декадентство истинное, которое грозит гибелью всей культуре, всему, что есть хорошего. Я органически ненавижу эту модную болезнь, да и моду вообще!»⁴ Первый номер журнала, получившего громкое по тем

¹ Бенуа А. Мои воспоминания. В 5 кн. М., 1980. Кн. 4. С. 49.

² Гиппиус З. Contes d'amour. Дневник любовных историй (1893–1904) // Она же. Дневники. В 2-х кн. М., 1999. Кн. 1. С. 52.

³ Письма Д. С. Мережковского к П. П. Перцову // Русская литература. 1991. № 2. С. 172.

⁴ Бенуа А. Указ. изд. Кн. 4. С. 223–224.

временам название «Мир искусства», увидел свет осенью 1898 года¹. Орел, выбранные в качестве эмблемы, стал постепенно собирать «птенцов символизма под свои мощные крылья»².

Мережковский писал Перцову: «В Петербурге... выходит новый декадентно-символический иллюстри<ованный> журнал — “Мир Искусства” — редактор Дягилев, помощник Философов. Издатели — кн. Тенишева и Мамонтов. Говорят, есть деньги, и журнал будет издаваться роскошно. Они очень меня зовут, но пока не разделяюсь с Леонардо — не пойду никуда»³. Приглашение Мережковского к сотрудничеству объяснялось общностью интересов. «Мы все были в те годы мучительно заинтересованы загадкой бытия, — вспоминает Бенуа, — и искали разгадку ее в религии и в общении с людьми, посвятившими себя подобным же поискам. Отсюда получилось привлечение в сотрудничество по журналу четы Мережковских...»⁴

* * *

Конец века был настолько важен в жизни Мережковских, что, не оставившись на нем, нельзя понять и последующие годы. Это время отмечено встречей Дмитрия Сергеевича с Брюсовым, сближением с Розановым и группой журнала «Мир искусства». О наиболее значимых личностях из нового круга знакомых Мережковского речь еще впереди. Пока же вернемся на жизненный путь главного героя биографии.

Осенью 1899-го Мережковские уехали из России и прожили целый год в городах Италии и Германии. Связь с родиной поддерживалась только с помощью переписки, которую преимущественно вела Гиппиус. Дмитрий Сергеевич тем временем работал над трактатом «Л. Толстой и Достоевский» и все больше «пленился» Христом, через которого вплотную подошел к вопросу о христианской церкви. Еще летом 1899 года Мережковский поделился с женой сокровенной мыслью: «Конечно, настоящая церковь Христа должна быть единая и вселенская. И не из соединения существующих она может родиться, не из соглашения их, со временными уступками, а совсем новая, хотя, может быть, из них же выросшая. Но тут много еще чего, что нам надо знать...»⁵ Мережковскому было над чем подумать за границей. По возвращении в Петербург осенью 1900 года мысли писателя о христианской церкви стали приобретать более определенные очертания.

¹ Там же. С. 230.

² Перцов П. П. Указ. изд. С. 227. Подробно о «Мире искусства» см.: Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX века, 1890–1904: Буржуазно-либеральные и модернистские издания. С. 129–178.

³ Письма Д. С. Мережковского к П. П. Перцову // Русская литература. № 2. 1991. С. 178.

⁴ Бенуа А. Указ. изд. Кн. 4. С. 291.

⁵ Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Она же. Ничего не боюсь. С. 67.

Осенью 1900 — зимой 1901 годов в квартире Мережковских только и слышались разговоры «о Евангелии, о тех или других словах Иисуса, о том, как они были поняты, как понимаются сейчас и где, или совсем не понимаются или забыты»¹. Свидетелем одной из подобных бесед стал Бенуа: «Сидели мы в тот вечер в просторном, но довольно пустынном кабинете Дмитрия Сергеевича, я и Розанов на оттоманке, Дмитрий Сергеевич и Зинаида Николаевна поодаль от нас, на креслах... Беседа и на сей раз шла на религиозные темы, и дошли мы здесь до *самой важной* — а именно до веры и до “движущей горами” силы ее. Очень вдохновенно говорил сам Дмитрий Сергеевич, тогда как Василий Васильевич только кивал головой и поддакивал. Вообще же настроение у всех было “благое”, спокойное и ни в малейшей степени не истерическое. И вот, когда Мережковский вознесся до высшей патетичности и, вскочив, стал уверять, что и сейчас возможны величайшие чудеса, стоило бы, например, повелеть с настоящей верой среди темной ночи: “да будет свет”, то свет и явился бы. Однако, *в самый этот миг*, и не успел Дмитрий Сергеевич договорить фразу, как во всей квартире... погасло электричество и наступил мрак. Все были до такой степени поражены таким совпадением и, говоря по правде, до того напуганы, что минуты две прошли в полном оцепенении, едва только нарушаемом тихими восклицаниями Розанова: “с нами крестная сила, с нами крестная сила!”, причем при отблеске очага я видел, как Василий Васильевич быстро-быстро крестился. Когда же свет снова сам собой зажегся, то Дмитрий Сергеевич произнес только: “Это знамение”, Розанов заторопился уходить, а Зинаида Николаевна, верная себе, попробовала все повернуть в шутку и даже высмеяла нас за испуг»².

В разговорах на религиозные темы Мережковский проводил время не только у себя в квартире. Вместе с женой он посещал «воскресенья» Розанова, которые не носили чисто литературного характера, и кружок «Мира искусства». Но писателю казалось, «что разговоры эти мало-помалу вырождаются в беспощадные споры, не очень даже оживленные, и что каждый... думает больше о чем-то своем, личном, нежели о вопросе общем»³. Из кружка «Мира искусства» наиболее близким по духу Мережковским показался двоюродный брат Сергея Дягилева — Дмитрий Владимирович Философов. Зинаида Николаевна предложила Мережковскому поговорить с ним отдельно, дабы устроить разговоры втроем. Как оказалось, Философов тоже думал об этом. Первый шаг к формированию будущего «троебратства» был сделан. А отношения с Дягилевым (а значит и с «Миром искусства», где Мережковский в 1900–1902 годах публиковал исследование «Л. Толстой и Достоевский»), который не хотел терять любимого брата и верного помощника, дали трещину.

¹ Там же. С. 65.

² Бенуа А. Указ. изд. Кн. 4. С. 295.

³ Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Она же. Ничего не боюсь. С. 75.

Здесь можно было остановиться на личном влечении супруги Мережковского к Философову, рассказать о ее любви к двоюродному брату Дягилева и борьбе за него, тем более что сюжет этот чрезвычайно интересен. Однако такой поворот объяснялся бы желанием удержать читательское внимание не самым изысканным способом. Отношения, сложившиеся между Гиппиус и Философовым, будут рассмотрены в свой черед, но только в той мере, в какой они прольют свет на фигуру главного героя биографии.

Лето и начало осени 1901 года Мережковские проводят на даче в Луге. Дмитрий Сергеевич был занят подготовкой заключительной части трилогии «Христос и Антихрист». Зинаида Николаевна, как и муж, увлеченная идеей создания новой церкви, искала возможность заговорить о «Главном» и только первого сентября решилась спросить:

— Что ты думаешь делать эту зиму? Продолжать вот эти наши беседы?

Он (Мережковский — А.Х.) не очень решительно посмотрел на меня и неуверенно сказал:

— Да... я думаю продолжать. Собрать их всех и предложить высказаться определенно, чего они хотят — и чего не хотят. Там и посмотрим...

В этот день я ничего больше не сказала, но на другой, за завтраком, решила продолжать разговор:

— Разве ты не видишь, — отлично видишь, что все эти беседы ни к чему нас не ведут. Говорим о том же, с теми же людьми, у которых у каждого своя жизнь, и никакого общения у нас не происходит. То есть внутреннего, настоящего. Даже с Философовым, который нам ближе других и больше понимает главную идею. Разве не стоял все время между нами страшный и нерешенный вопрос: а какое она, эта идея, и вообще все это, имеет отношение к жизни? Нашей, и не только даже нашей, а просто к жизни?

Д<митрий> С<ергеевич> сказал только задумчиво: «Да». А я продолжала:

— По-моему, нам нельзя теперь говорить о далекое, об отвлеченных каких-то построениях, очень уж мы беспомощны. И ничего мы тут не знаем, — я, по крайней мере, чувствую, что чего-то очень важного мне не хватает. Мы в тесном крошечном уголке, со случайными людьми стараемся слепивать между ними — искусственно-умственное соглашение, зачем оно? Не думаешь ли ты, что нам лучше начать какое-нибудь реальное дело в эту сторону, но пошире, и чтоб оно было в условиях жизни, чтоб были... ну, чиновники, деньги, дамы, чтоб оно было явное, и чтобы *разные* люди сошлись, которые никогда не сходились и не сходятся, и чтобы...

Д<митрий> С<ергеевич> вскочил, ударил рукой по столу и закричал: «Верно!» Я очень обрадовалась, мне хотелось договорить, что ведь это не помешает нам создавать и внутренние наши круги, если он найдет это нужным, — напротив...

Но договаривать не пришлось, так как Д<митрий> С<ергеевич> все это сам уже понял во всем объеме, — вероятно, давно понимал и знал. Мы

в тот день ходили до вечера по осеннему лесу и только об одном этом и говорили.

Очень скоро вернулись мы в Петербург и тотчас принялись за дело.

Определенно мысль наша приняла такую форму: создать открытое, по возможности официальное общество людей религии и философии для свободного обсуждения вопросов церкви и культуры¹.

Одной из особенностей союза Мережковских было то, что Зинаида Николаевна, как правило, высказывала какую-нибудь идею раньше, чем она же возникала у Дмитрия Сергеевича: «В большинстве случаев он ее тотчас же подхватывал (так как она, в сущности, была его же), и у него она уже делалась сразу *махровее*, принимала как бы тело...»² Роль Гиппиус этим ограничивалась, и далее она уже следовала за мужем: «По совести должна сказать, что никогда не отрицала я влияния Мережковского на меня уж потому, что сознательно шла этому влиянию навстречу, — но совершенно так же, как он шел навстречу моему. Из этой встречности нередко рождалось новое, мысль или понимание, которые уже не принадлежали ни ему, ни мне, может быть, — “нам”»³. Мысль о создании «официального общества людей религии и философии для свободного обсуждения вопросов церкви и культуры» принадлежала им. Еще весной 1900 года, находясь во Флоренции, Мережковский писал Перцову о необходимости перейти от разговоров к действию: «Как нам душу свою спасти — вот о чем я все думаю, — нам нельзя спасти душу свою, не ответив на те вопросы, которые нам сейчас поставила русская и всемирная культура, нам нет спасения в одном *ожидании* религии, потому, повторяю, что мы уже слишком ясно увидели ее возможность, ее необходимость...»⁴

В начале октября 1901 года, находясь в Петербурге, Мережковские приступают к долгожданному *действию*.

¹ Там же. С. 76–77.

² Там же. С. 41.

³ Гиппиус З. Н. Автобиографическая заметка // Русская литература XX века (1890–1910). Кн. 1. С. 174.

⁴ Письма Д. С. Мережковского к П. П. Перцову // Русская литература. № 3. 1991. С. 147.

ГЛАВА 5.

Религиозно-общественные проекты (1901–1906)

Боже, дай нам избавленья,
Дай свободы и стремленья,
Дай веселья Твоего.
О, спаси нас от бессилья,
Дай нам крылья, дай нам крылья,
Крылья духа Твоего!¹

Без обращения к Религиозно-философским собраниям (РФС) понимание жизненного и творческого пути нашего героя было бы неполным. Еще в 1899 году Мережковский заговорил с Гиппиус о необходимости создания «новой Церкви»: «...Церковь нужна, как лик религии евангельской, христианской, религии Плоти и Крови»². Писатель надеялся, что на вопрос о возможности существования *такой* церкви помогут ответить Собрания, предполагавшие открытый диалог интеллигенции с духовенством. В условиях жесточайшей цензуры и закрепощенности церкви государством разрешение подобных Собраний казалось немыслимым. Однако озабоченность культурной части русского общества религиозными вопросами помогла Мережковским найти сторонников своей безумно смелой идеи.

8 октября 1901 года Мережковский и уполномоченные члены-учредители Собраний отправились за официальным разрешением Синода. Обер-прокурором в то время был всесильный К. П. Победоносцев: «Бледный, как покойник, с потухшим взором прикрытых очками глаз, он своим видом вполне соответствовал тому образу, который русские люди себе создавали о нем, судя по его мероприятиям и по той роли, считавшейся роковой, которую он со времен Александра III играл в русской государственной жизни.

Это было какое-то олицетворение мертвенного и мертвящего бюрократизма, олицетворение, наводившее жуть и создававшее вокруг себя ледяную атмосферу. Тем удивительнее было то, что Победоносцев умел очень любезно, мало того — очень уютно беседовать, затрагивая всевозможные темы и не выказывая при этом своих политических убеждений»³. К такому человеку нужен был особый подход. Вечером того же дня уполномоченные члены-учредители Собраний посетили в Александро-Невской лавре

¹ Мережковский Д. С. Молитва о крыльях // *Он же*. Стихотворения и поэмы. С. 527.

² Гиппиус З. О Бывшем (1899–1914) // *Она же*. Дневники. Кн. 1. С. 89.

³ Бенца А. Указ. изд. Кн. 4. С. 196.

митрополита Антония. «В общем, — вспоминает один из участников поездки, — все сошло как нельзя лучше. Митрополит обещал свою поддержку, и возвращались мы из Лавры в том приподнятом настроении, в котором полагается быть после одержанной победы или после выдержанного экзамена»¹. Вскоре Собрания были официально разрешены. Трудно сказать, что именно повлияло на положительное решение. Но, кажется, не последнюю роль сыграли некоторые поступки со стороны Мережковского.

Сюжет, о котором пойдет речь², интересен по двум причинам. Во-первых, он касается одного из мотивов официального разрешения Собраний. А во-вторых, — проливает свет на мировоззренческие установки и нравственный облик нашего героя. Не будем забывать, что хлопоты по организации Собраний проходили на фоне «отлучения» Льва Толстого от церкви. Вероятно, не следовало заключать *отлучение* в кавычки. Можно подумать, что это слово употреблено в ироническом или условном смысле. Хотя формально никакого отлучения не было. Согласно Определению святейшего синода от 20 — 22 февраля 1901 года (№ 557), церковь перестала считать Толстого своим членом, пока он не раскается и не восстановит своего общения с нею. Но по сути это была анафема, так что от кавычек правильнее отказаться.

За несколько дней до Определения Синода Мережковский выступал в Петербурге с лекциями о Толстом. Религиозные рассуждения автора «Войны и мира» были названы «нравственной пошлостью», «богохульством»³. Сыграв роль прокурора, Мережковский обвинил Толстого в безбожии, за что его похвалил В. М. Скворцов — чиновник особых поручений при обер-прокуроре Синода. 17 февраля 1901 года он написал Победоносцеву о важности слов Мережковского в борьбе с «толстовизмом»⁴. Через несколько дней Толстой был признан «отпавшим» от церкви. В декабре 1901 года, уже после разрешения Собраний и очередного антитолстовского выступления в Москве, Скворцов устроил Мережковскому личную встречу с Победоносцевым, который в тот же день написал начальнику Главного управления по делам печати Н. В. Шаховскому: «Любезный кн. Николай Владимирович. Мережковский читал мне свою статью о Толстом, ту самую, которая прочитана была им публично в Москве и не только не вызвала возмущения или протеста, но встретила сочувствие. Статья *превосходная*... Не занимайтесь тем, чтобы отнимать у нас оружие для действия поумнее против

¹ Там же. С. 291.

² См. также: Холиков А. «Мало ли что из подлости можно сделать!» (об эволюции взглядов Д. Мережковского на учение Л. Толстого) // Вопросы литературы. 2009. № 3.

³ См.: Россия. 1901. 8 февраля. № 643. С. 2.

⁴ См.: Прокопчук Ю. В. Религиозно-философские собрания 1901–1903 годов и русское общество: дис.... канд. истор. наук. М., 2003. С. 62. Прокопчук кратко излагает историю отлучения Толстого от церкви и также упоминает о малопривлекательной роли Мережковского в этом деле.

Толстого»¹. Позднее Мережковский изменит предельно жесткое отношение к толстовскому христианству: «...если вы отлучили от церкви Л. Толстого, то отлучите и нас всех, потому что мы с ним, а мы с ним потому, что верим, что с ним Христос»².

Напрашивается мысль о холодной расчетливости Мережковского в 1901 году. Подобные подозрения возникали уже у современников писателя. С. Н. Булгаков, к примеру, в «Письмах из России» называл Мережковского «Иудушкой новейшей формации»³. Негодование Булгакова было вызвано чтением «Заключения к статье “Л. Толстой и Достоевский”» в «Мире искусства» (1902. № 2). На страницах этого издания Мережковский публиковал свой знаменитый трактат «Л. Толстой и Достоевский», куда вошел материал прочитанных им лекций. Подобное мнение бытовало и в массовом сознании. «До недавнего времени, — утверждала в 1909 году современница писателя, — с именем Мережковского у читателя, почти всегда, соединялось неприятное чувство. Откуда оно, как создалось, на это он вряд ли мог дать точный ответ. Да он и сам не знал, откуда оно, потому что Мережковского читал мало, а если и читал, то его романы или стихи, а в них не мог бы он узнать источника своего чувства к автору.

Смутно копошились в голове читателя воспоминания о каких-то слухах, говоривших, что Мережковский оправдывал отлучение от церкви Л. Толстого и будто бы похвалил Синод за это отлучение, что Мережковский нашел оправдание самодержавию, что Мережковский держится с попами... Все эти смутные слухи заползали в голову читателя и, не проверенные, властно царили там, а имя Мережковского произносилось чуть не с отвращением»⁴.

На ситуацию 1901 года проливает свет дневник Брюсова. 9 декабря 1898 года поэт записал: «...пошли мы к Мережковскому, который болен... Он лежал раздетым на постели. Сразу начал он говорить о моей книге и бранить ее резко.

— Ее даже бранить не за что, в ней ничего нет. Я почти со всем в ней соглашаюсь, но без радости. Когда я читаю Ницше, я содрогаюсь до пяток,

¹ ОР РНБ. Ф. 847. Ед. хр. 153. Лл. 12–12 об.

² Мережковский Д. С. Лев Толстой и церковь // Он же. ПСС. Т. 16. С. 150.

³ Булгаков С. Н. Письма из России // Он же. От марксизма к идеализму. Статьи и рецензии. 1895 – 1903. М., 2006. С. 362.

⁴ Щеглова Л. В. (В. А. Щ.). Мережковский: Публичная лекция, прочитанная в феврале 1909 г. в С.-Петербурге, в зале Соляного Городка. СПб., 1910. С. 1. К этому можно добавить еще одну небезынтересную цитату из дневника С. П. Каблукова: «На улице В. Усп[енский] высказывает мысль, что толчком для Синодск[ого] отлучения были выкрики Мережк[овского] в его книге Л. Т. и Д.: “почему Церковь молчит?”» (цит. по: Ермичев А. А. Религиозно-философское общество в Петербурге (1907–1917): Хроника заседаний. СПб., 2007. С. 104). Хотя непосредственно таких «выкриков» в указанной книге Мережковского нет, высказанное мнение очень показательное.

а здесь я даже не знаю, зачем читаю»¹. «И правда, — признается далее Брюсов, — он говорил от чистого сердца, бранил еще больше, чем меня, Толстого, катался по постели и кричал: “Левиафан! Левиафан пошлости!”»². Выходит, что за три года до злополучных выступлений в феврале 1901-го и последовавшего вскоре отлучения Мережковский «катался по постели» и обвинял Толстого в той же «пошлости». Значит не расчет?

Но можно ли считать простым совпадением выступления Мережковского накануне отлучения Толстого, письмо Скворцова к Победоносцеву, Определение Синода, активную деятельность Мережковского по организации Собраний, лекцию о Толстом в Москве и последовавшую за ней личную встречу с Победоносцевым?

Вопрос далеко не риторический, если учесть поздние высказывания самого Мережковского. «Да, — напишет он Философову в 1917-м, — сейчас нужен героизм, чтобы быть живым и здоровым. Или подлость? Уж не знаю. По моей метафизике для тебя и Зины — не подлость, а героизм. Ну, а для себя, пожалуй, и подлость — отчасти. Или так: героизм с подлостью вместе? Прости за глупую метафизику. Без нее ведь тоже нельзя»³.

Или другой факт: однажды Мережковский попытался у Г. В. Адамовича, как тот мог написать хвалебную статью о бездарном писателе:

— Просто из подлости, Дмитрий Сергеевич. Он мне не раз помогал.

Мережковский радостно закивал:

— Так бы и говорили! А то я испугался, что он вам действительно нравится. А если из подлости, то понятно, тогда совершенно не о чем говорить. Мало ли что из подлости можно сделать!⁴

Поступки Мережковского не всегда соответствовали высоким идеалам, и писатель, как видно, это понимал. Впрочем, подобная «метафизика» может быть названа юродствующей. Не напоминают ли рассуждения Мережковского о подлости (хотя бы отчасти) самобичевания Н. В. Гоголя, отыскивающего в себе всевозможные «мерзости»?

На положительное решение обер-прокурора могли повлиять не только выступления Мережковского или ходатайство митрополита. Особую роль сыграло обещание не затрагивать животрепещущие темы: рабочее движение, студенческие волнения, аграрный вопрос. Однако прежде чем приступить к рассказу о роли Религиозно-философских собраний в жизни нашего героя, целесообразно закончить сюжет, связанный с эволюцией взглядов Мережковского на учение Толстого.

¹ Брюсов В. Я. Дневники. Автобиографическая проза. Письма. С. 69.

² Там же.

³ ОР РНБ. Ф. 481. Ед. хр. 189. Л. 15.

⁴ См.: Одоевцева И. На берегах Сены // Она же. Избранное. М., 1998. С. 639.

* * *

О том, что 1901 год стал кульминационным в идейных расхождениях Мережковского с Толстым, свидетельствует не только история с отлучением и организацией Религиозно-философских собраний. Подтверждение этому можно найти в дневнике Брюсова: «Мережковский пишет о Толстом и Достоевском. Напрасно. Все, что он может сказать о них, им уже сказано»¹. Запись относится к октябрю 1899 года, а в 1901-м у нее появляется авторское примечание: «Я ошибался»². Как изменилась позиция Мережковского за столь короткое время?

Вероятно, было бы логично разделять взгляды Мережковского на Толстого-художника и Толстого-мыслителя, как это делал сам критик. Между тем специфика исследовательской манеры Мережковского такова, что во всех произведениях разбираемого автора он, в конечном счете, усматривал одну-единственную личность, одного-единственного героя — самого Толстого: «От Николеньки до старца Акима, от Левина до Пьера Безухова, от Платона Каратаева до дяди Ерошки — все он же, Толстой»³. Такой подход применялся Мережковским и к художественным, и к философско-публицистическим текстам (не говоря уже о дневниковых записях и письмах).

Наиболее рельефно раннее отношение Мережковского — литературного критика — к Толстому отразилось в брошюре «О причинах упадка...» и сборнике статей «Вечные спутники».

В Толстом молодой Мережковский увидел «мучительное раздвоение», характерное для «всех современных людей»⁴, «детей ночи». В «Вечных спутниках» эта мысль получила дальнейшее развитие. Мережковский различает, с одной стороны, бессознательного художника, а с другой — мыслителя (принимая первого, критикует второго). В трактате «Л. Толстой и Достоевский» идея эта займет центральное место. Чем же была неприемлема для Мережковского философия Толстого-мыслителя?

Еще в начале 1890-х писатель полагал, что «у Толстого индивидуальность, личность отдельных людей почти всегда подавлена силами природы и человечества, массовыми движениями, войною, смертью, болезнью, деторождением, неразрешимыми вопросами о Боге, о вечности, о правде»⁵. Сам Мережковский выступал за развитие волевое начало и в учении Христа видел не только величайшее самоотрицание, но и величайшее самоутверждение личности. Прежде всего, он не смог простить Толстому низвержение Наполеона *как личности* на страницах «Войны и мира»: «Многозначительно, что величайшее из

¹ Брюсов В. Я. Дневники. Автобиографическая проза. Письма. С. 93.

² Там же.

³ Мережковский Д. С. Лев Толстой и революция // Он же. ПСС. Т. 16. С. 153.

⁴ Мережковский Д. С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // Он же. ПСС. Т. 18. С. 227.

⁵ Там же. С. 221.

произведений Льва Толстого развенчивает то последнее воплощение героического духа в истории, в котором недаром находили неотразимое обаяние все, кто в демократии XIX века сохранил искру Прометеева огня — Байрон, Гете, Пушкин, даже Лермонтов и Гейне. Наполеон превращается в “Войне и мире”... в комического генерала Бонапарта московских лубочных картин. Вот когда достигнута последняя ступень в бездну, вот когда некуда дальше идти, ибо здесь дух черни, дух торжествующей пошлости кощунствует над Духом Божиим, над благодатным и страшным явлением героя»¹.

К другим «грехам» Толстого-мыслителя Мережковский отнес «сведение всех слишком опасных бесплодных вершин и глубин в одной практически-полезной, сельскохозяйственной плоскости»², объяснение сути религии через нравственность и отрицание культурного наследия человечества: «Еще только один человек в современной Европе дошел до такого же богохульства, как Л. Толстой, — это Фридрих Ницше»³. Трудно поверить, что это говорит критик, некогда приветствовавший Толстого: «Слава Богу — *он есть у нас!* А пока у народа есть один такой человек, — несмотря ни на какие испытания, народ не имеет права отречься от надежды, что ему принадлежит великая будущность!»⁴ Не эта ли новизна взглядов Мережковского заставила Брюсова признать ошибочность своих ранних дневниковых суждений?

Весь пройденный Толстым религиозный путь Мережковский свел к нескольким фразам: «...начал тем, что поверил в Ничто; кончил тем, что не верит ни во что; начал с незапамятно-древнего буддийского нигилизма; кончил даже не вчерашним, а третьегоднешним, отпрыгнувшимся русским, базаровским нигилизмом»⁵.

Стоит ли после этих слов удивляться, что Мережковский поддержал отпадение Толстого, как *мыслителя*, от христианства⁶? Но вот вопрос: исчерпывает ли религиозная мысль, сознание Толстого всю глубину его подлинного религиозного существа? В интерпретации Мережковского — нет. «Уже не отдельными страницами, — пишет он, — а всюю книгою моею я ведь только и старался показать, до какой степени слабо, скудно, мимолетно все, что Л. Толстой сознает, во что он верит или не верит, как мыслитель, — по сравнению с тем, что он “знает бессознательно”, как вещей “тайновидец плоти”; всюю книгою моею я старался показать, что в Л. Толстом живут и всегда жили два не только отдельные, но иногда и совершенно друг другу противоположные, враждебные существа, “два поочередно сменяющиеся

¹ Мережковский Д. С. Вечные спутники // Он же. ПСС. Т. 18. С. 168.

² Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский // Он же. ПСС. Т. 11. С. 214.

³ Там же. С. 237.

⁴ Мережковский Д. С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // Он же. ПСС. Т. 18. С. 227.

⁵ Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский // Он же. ПСС. Т. 11. С. 208.

⁶ Там же. С. 37.

характера”, как бы два человека; маленький мыслитель, лже-христианин, “старец Аким”, и великий подлинный язычник, дядя Ерошка. Что обманчивый “двойник”, призрачный “оборотень”, “самозванец” Л. Толстого, не столько даже “мыслящий”, сколько “умствующий” старец Аким, отпал от Христа и в своем бесплотном и бездушном, всеотрицающем “христианстве” дошел до почти совершенного безбожья, буддийского нигилизма, — в этом, повторяю, сомнения быть не может. Но истинный Л. Толстой, великий язычник, дядя Ерошка, не отпадал, да и не мог бы отпасть от христианства, уже по той причине, *что он и не был никогда христианином*¹.

Мережковский не принимал в Толстом мыслителя, но приветствовал художника, «тайновидца плоти», который может «бессознательно» сказать о главном. Главной же для Мережковского была мысль о язычестве не как противоположном христианству явлению, а как дохристианском, неизбежно ведущем к христианству. Очевидно, с этим связано частичное оправдание Толстого-художника перед засвидетельствованием Синода, которое выглядит не иначе, как ложка меда в бочке дегтя².

В более поздних статьях о Толстом Мережковский меняет интонацию собственных суждений, хотя и уверяет нас в примечании к статье «Лев Толстой и церковь» (1903), что со времени написания книги о Толстом и Достоевском он изменил во многом свое отношение к историческому христианству и православной церкви, «но не ко Л. Толстому»³.

Да, Мережковский по-прежнему не разделяет религиозного учения Толстого⁴, но дело не в том, *что* говорит критик, а в том, *как* он это говорит. Внимание читателя полностью переключается на Толстого-художника, «христианина-язычника»⁵, и от этого меняется тональность поздних статей («Лев Толстой и революция», «Смерть Толстого», «Зеленая палочка», «Две России», «Поденщик Христов», «Л. Толстой и большевизм»). Чем продиктована такая перемена?

¹ Там же. С. 32–33.

² Выступая с докладом «Лев Толстой и русская церковь» на Религиозно-философских собраниях, Мережковский пытался смягчить собственную же критику учения Толстого: «Нельзя было церкви не засвидетельствовать об отпадении Л. Толстого как *мыслителя* от христианства. Но, может быть, это не последнее слово церкви о нем; может быть, она когда-нибудь засвидетельствует и то, что, подобно языческому слепцу “Омиру”, чей лик изображен рядом с ликами православных святых в Московском Благовещенском соборе, — и этот новый слепец христианства, в своем ясновидении всей “Божьей твари”, касается “Духа Святого”, “устремляется к Слову, Богу славу поет, Христу плачет, себе неведомо, тайной жития своего совершая сие”» (Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901–1903 гг.). М., 2005. С. 57).

³ Мережковский Д. С. Лев Толстой и церковь // Он же. ПСС. Т. 16. С. 148.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 149.

Причиной мог быть личный визит Мережковских в Ясную Поляну весной 1904 года. Брюсов сообщает об этом в письме к Перцову: «Вы лучше меня знаете, что такое Д<митрий> С<ерегеевич>, — вернувшись от Толстого, он уже уверял, что Т<олстой> выше всех и всего: вершина в небе, нет — за пределами неба. Что Достоевский! Не будь Толстого, никто не понял бы Достоевского»¹.

После смерти Толстого речи Мережковского стали еще более хвалебными. Оказывается, не только художественным творчеством, «не словами, а всей жизнью и смертью он (Толстой — А.Х.) Христа исповедал»². Говоря же об отлучении, Мережковский едва ли не вопиет: «Но поймите же, что отлучить его от Христа — значит отлучить все человечество; проклясть его — значит проклясть весь мир»³. Через несколько лет Мережковский окончательно отречется от своих обвинительных речей. «Нам казалось, — читаем в статье «Поденщик Христов» (1916), — что Толстой, религиозный мыслитель, изменяет художнику. Ничуть не бывало: он до конца остается тем, чем был всегда, — великим реалистом, тайновидцем плоти или, вернее, того, что соединяет дух с плотью, той промежуточной области между телом и душой, которую апостол Павел называет “телом душевным”»⁴. «Во всех своих религиозных писаниях, — продолжает Мережковский, — Толстой кажется “рационалистом”. Но до какой степени рационализм для него несущественен, поверхностен — видно по “Дневнику”»⁵. Любопытно, что не художественное творчество, как это было раньше, а дневник становится свидетельством «бессознательности» Толстого, его «нерациональности». Но и на этом выводе Мережковский не останавливается. Уже в эмиграции он пишет статью «Л. Толстой и большевизм» (1921), в которой утверждает веру Толстого в «Единый Лик», отрицаемую прежде. Говоря так, критик ссылается не на творчество, не на дневник и уж тем более не на публицистику писателя, а лишь на свидетельство графини А.А. Толстой⁶, «которая знает веру его, как никто»⁷. Сам же Толстой, заключает Мережковский, «верил, но сказать не умел»⁸. Такой вот «немой пророк».

Работа «Л. Толстой и большевизм» удивительно еще тем, что ее автор как сближает, так и отдаляет Толстого относительно большевиков. В основе сближения лежит одинаковое стремление Толстого и Ленина «уничтожить

¹ Цит. по: Литературное наследство. Т. 27–28. М., 1937. С. 296.

² Мережковский Д. С. Смерть Толстого // Он же. Было и будет. Дневник. 1910 – 1914; Невоенный дневник. 1914 – 1916. С. 30.

³ Там же. С. 31.

⁴ Мережковский Д. С. Поденщик Христов // Он же. Было и будет. Дневник. 1910 – 1914; Невоенный дневник. 1914 – 1916. С. 315–316.

⁵ Там же. С. 319.

⁶ А.А. Толстая (1817 – 1904) — двоюродная тетя Л.Н. Толстого, его корреспондент и адресат, фрейлина императорского двора.

⁷ Мережковский Д. С. Л. Толстой и большевизм // Он же. Царство Антихриста: Статьи периода эмиграции. СПб., 2001. С. 152.

⁸ Там же.

культуру»¹, а также «воля к безличности»²: «Большевизм — самоубийство Европы. Начал его Толстой, кончает Ленин»³. Но если на страницах работы о Толстом и Достоевском критик уверял, что «из толстовского анархизма никогда никакой революции не выйдет; — недаром же все у него кончается буддийским “неделанием”, “непротивлением”: жестко стелет, мягко спать»⁴, то через несколько лет увидел в Толстом «лучезарное средоточие русской свободы»: «Хотят ли этого или не хотят, праздник Толстого — праздник русской революции»⁵.

Слова эти вошли в статью «Лев Толстой и революция», опубликованную 28 августа 1908 года в газете «Речь». А 11 сентября того же года В. И. Ленин поместил в «Пролетарии» свою работу со сходным названием «Лев Толстой, как зеркало русской революции»⁶. Он тоже сопоставляет имя классика с революцией, которой тот «явно не понял» и «отстранился»⁷. При этом Ленин уверен, что «если перед нами действительно великий художник, то некоторые хотя бы из существенных сторон революции он должен был отразить в своих произведениях»⁸. Не это ли Мережковский писал о Толстом двумя неделями раньше: «...в искусстве своем он для нас более вещей пророк, хотя, может быть, пророк *иного*, чем в своих пророчествах»⁹?

Безусловно, для Ленина и Мережковского Толстой был пророком разных революций, но совпадение в их работах не случайно. Пользуясь именем Толстого, популярность которого была если не всемирной, то уж точно всероссийской, они очень грамотно приумножали свой «политический капитал»¹⁰.

Если в 1908 году Толстой нужен был Мережковскому как союзник в борьбе с «цезарепапизмом», то в 1921-м — с большевизмом. Критику пришлось пересмотреть прежние взгляды на учение Толстого, который из «богохульника» и «пошляка» превратился почти что в «святого». Такая вот метафизика, по которой «религиозное кощунство» — соединять Толстого с Лениным¹¹.

¹ Там же. С. 147.

² Там же. С. 149.

³ Там же. С. 150.

⁴ Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский // Он же. ПСС. Т. 11. С. 8.

⁵ Мережковский Д. С. Лев Толстой и революция // Он же. ПСС. Т. 16. С. 156.

⁶ Мы не знаем, читал Ленин статью Мережковского или нет, но в его работе присутствует критический выпад в адрес неких «балалайкиных из “Речи”», чьи «напыщенные фразы о “великом богоискателе” — одна сплошная фальшь» (Ленин В. И. Лев Толстой, как зеркало русской революции // Он же. Полное собрание сочинений. Т. 17. М., 1968. С. 209).

⁷ Ленин В. И. Лев Толстой, как зеркало русской революции // Он же. Указ. изд. Т. 17. С. 206.

⁸ Там же.

⁹ Мережковский Д. С. Лев Толстой и революция // Он же. ПСС. Т. 16. С. 152.

¹⁰ Ленин В. И. Лев Толстой, как зеркало русской революции // Он же. Указ. изд. Т. 17. С. 209.

¹¹ Мережковский Д. С. Л. Толстой и большевизм // Он же. Царство Антихриста. С. 152.

Эволюция взглядов Мережковского не отличалась последовательностью: он начал с того, что поверил в учение Толстого, продолжил жесточайшей критикой, обвинил в «богохульстве», а кончил восхвалением. Стоит ли удивляться, что после личного визита Мережковских Толстой признался: «Этих хочу любить, и не могу»¹? Изменил бы он свое мнение, если б узнал, что человек, некогда поддерживавший его отлучение от церкви, повторит во всеулышание и без кавычек слова графини А. А. Толстой: «*Св. Лев, моли Бога о нас!*»² Можно только догадываться. Но если б не изменил, то уж наверное б помолился.

* * *

Торжественное открытие Религиозно-философских собраний состоялось 29 ноября 1901 года. Зал Географического общества на Фонтанке был переполнен. Во всю длину, напротив дверей, стоял стол, покрытый зеленым сукном. В углу — статуя Будды, закутанная темным коленкором. Среди присутствовавших были многие видные деятели как из интеллигенции, так и духовенства. Всеобщее внимание привлекла супруга Мережковского. На первом заседании она появилась в черном, на вид скромном платье. Но сшито оно было так, что при малейшем движении складки расходились, и просвечивала бледно-розовая подкладка. Создавалось впечатление, что Гиппиус — голая³. Не ее ли имел в виду Владимир Соловьев, когда начал известную сатиру так:

Я — молодая сатиресса,
Я — бес.
Я вся живу для интереса
Телес.
Таю под юбкою копыта
И хвост...
Посмотрит кто на них сердито
— Прохвост!⁴

Из докладной записки Победоносцеву об образовании Религиозно-философских собраний следовало, что каждый член-распорядитель «за свою личную ответственностью пользуется правом приглашения на эти собрания других, интересующихся вопросами веры... впоследствии, по единогласному решению распорядителей, получают право быть постоянными участниками религиозно-философских собраний, другие же всякий раз снабжаются

¹ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. Т. 55. М., 1937. С. 454.

² Мережковский Д. С. Л. Толстой и большевизм // Он же. Царство Антихриста. С. 153.

³ Злобин В. А. Тяжелая душа // Он же. Тяжелая душа: Литературный дневник. Воспоминания. Статьи. Стихотворения. М., 2004. С. 302.

⁴ Цит. по: Погорелова Б. «Скорпион» и «Весы» // Воспоминания о серебряном веке. С. 316.

карточками кого-либо из распорядителей на право входа в собрание»¹. В действительности процедура допуска была значительно проще: «На эти собрания шел и ехал всякий, кого они могли интересовать своими темами: никаких особых разрешений или пропусков не требовалось. Но народа набиралось столько, что огромный зал Географического общества у Чернышева моста на Фонтанке не мог вместить всех желающих»².

На каждое заседание назначался председатель, следивший за регламентом. Сначала заслушивали доклад, а после начиналось обсуждение, переходившее в спор. И это не удивительно. Сами темы к тому располагали: «Об отношении церкви к интеллигенции», «Лев Толстой и русская церковь», «О свободе совести», «Дух и плоть», «О браке», «О догматическом развитии». Пропасть между интеллигенцией и духовенством казалась непреодолимой. Это было два разных мира. «Знакомясь ближе с “новыми” людьми, — вспоминает Гиппиус, — мы переходили от удивления к удивлению. Даже не о внутренней разности я сейчас говорю, а просто о навыках, обычаях, о самом языке; все было другое, точно другая культура.

Ни происхождение, ни прямая принадлежность к духовному званию — ряса — не играли тут роли. Человек тогдашнего церковного мира, — кто бы он ни был — чиновник, профессор, писатель, учитель, просто богослов, и одинаково: умный и глупый, талантливый и бездарный, приятный и неприятный, — неизменно носил на себе отпечаток этого “иного” мира, не похожего на наш обычный “светский” (по выражению церковников) мир»³.

В своих воспоминаниях Гиппиус утверждала, что на открытии Собраний преобладало черное и белое духовенство: «Черного было даже, кажется, больше»⁴. Однако в большинстве заседаний духовные и светские лица участвовали в равной мере: «Беседы велись в условиях совершенной терпимости, и все высказываемые взгляды, независимо от их религиозного и философского содержания, пользовались одинаковыми правами обсуждения»⁵.

За время существования Собраний Мережковский трижды выступал с докладами по темам: «Лев Толстой и русская церковь», «Гоголь и отец Матвей», «Лев Толстой и Достоевский». Помимо этого он принимал активное участие в прениях, касаясь самых «проклятых» вопросов бытия: отношения церкви и государства, свободы совести, силы и насилия в христианстве, брака, догматического развития и других. Суждения Мережковского проливают свет на развитие его религиозного мышления, а значит — к ним следует обратиться.

¹ РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 2.

² Перцов П. П. Указ. изд. С. 232.

³ Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Она же. Ничего не боюсь. С. 79.

⁴ Там же. С. 82.

⁵ См.: Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901–1903 гг.). С. 3.

* * *

Церковь должна быть свободна от государства, — настаивал Мережковский. Это для нее жизненно необходимо, потому что там, где государство, всегда есть место насилию, если же церковь подчинена государству, то свободна ли она от насилия? «Я думаю, — допускал Мережковский, — что в самодержавии есть зерно религиозное, но ведь это только потенциально, а не реально. Мы теперь не можем вполне религиозно ощутить, что “царь отец”»¹. Следовательно, сектант, находящийся вне охраны государства, более свободен, чем православный, «вера которого официальна»².

Отстаивая свое мнение, Мережковский зачастую апеллировал к библейским текстам, но, в отличие от Толстого, не «редактировал» их. Он интерпретировал Священное Писание как символист, для которого содержание догмата предельно расширено: «Когда светскому человеку скажут “догмат”, то при этом слове прежде всего ощущается скука и невозможность говорить дальше. Под догматом нам предлагают кандалы. Ни один свободный человек не оденет добровольно цепей, ни один ум не оденет по доброй воле догмата. Тут глубочайшее недоразумение. Догматы не кандалы, не цепи, а самые далекие горизонты, к которым мы идем»³.

Мережковский протестовал против сведения христианства к этике: «Если мы пойдем по этому пути, то дойдем до толстовства. Христос дал две заповеди: любви Бога, любви людей. Любить Бога — *первая* заповедь. Человека любить абсолютно нельзя, прежде чем вы не полюбили Бога. В этом вся тайна»⁴. В своих суждениях на эту тему наш герой приходил к парадоксальным заключениям: «Я сказал бы: нравственность для христианства не менее опасна, чем безнравственность...»⁵

Будучи представителем светских участников заседаний, Мережковский ставил своей задачей приобщение церкви к миру, раскрытие правды о «Святой Плоти». Одна из главных его идей — *воплощение* христианства: все небесное и земное соединить под главою Христа.

Если в начале работы над трилогией «Христос и Антихрист» Мережковский полагал, что существует две правды («о земле» и «о небе»), то в конце пришел к мысли о слиянии языческого (земного) и христианского (небесного) начал. В «Петре и Алексее» — романе, завершающем трилогию, — утверждается идея соединения двух «правд» в учении Христа.

Мережковского отталкивала «безземность» церкви, и на Собраниях писатель провозглашал: «Земля имеет свой идеал, подобно тому, как “Плоть” имеет значение самостоятельное, а не подчиненное по отношению к Духу»⁶.

¹ Там же. С. 134.

² Там же. С. 148.

³ Там же. С. 358.

⁴ Там же. С. 210.

⁵ Там же. С. 436.

⁶ Там же. С. 27.

Иными словами, христианство не исчерпывается загробным идеалом, а религия «святой плоти» окончательно восторжествует только во «втором пришествии». Полагая так, Мережковский основывался на эсхатологическом понимании истории и с горечью отмечал, что религиозное самоощущение мирового конца совершенно утрачено его современниками: «Мало того: в первые века, когда говорили о конце мира, от страха дрожали, бледнели; теперь даже священники и люди церкви говорят о конце мира как о чем-то таком, что не имеет отношения к жизни»¹.

Богословы упрекают Мережковского за то, что он не хотел замечать нечто важнейшее — Святую Пятидесятницу: «Дух уже сошел на землю — и пребывает в бытии Церкви Христовой. То есть то, чего так страстно жаждет Мережковский (равно как и его предшественники), уже свершилось»². В отношении «святой плоти» также находятся контраргументы: «Христианство осуждает и отвергает не плоть, но грех во плоти, и именно такой смысл вкладывается в понятие отвержения плоти...»³ Историки вторят: «Субъективизм воззрений Мережковского несомненен. Для него, как и для многих богоискателей, характерно стремление не совершенствоваться (исходя из христианских идеалов), а менять христианство, приближать его к собственным представлениям»⁴.

Находясь в шаге от ереси, Мережковский не отрицал подлинность и святость христианской церкви, но искренне думал, «что помимо трех исторических церквей есть вселенская церковь, которая и останется до конца века»⁵. Вслед за Иоахимом Флорским, католическим мистиком и аскетом второй половины XII века, Мережковский пророчествовал: «Христианство до сих пор существовало в трех формах: православия, католичества и протестантизма. Далее должно явиться христианство четвертого измерения, которое включит в себя все три прежних измерения. Это христианство и будет по существу своему вселенским, ибо доньше ни одна из трех церквей не стала вселенской, и не может быть вселенской, потому что каждая отрицает две других. Принцип Иоанновой церкви — любовь. Иоанн один только слышал

¹ Там же. С. 323.

² Дунаев М. М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII — XX веках. М., 2002. С. 695.

³ Там же.

⁴ Прокопчук Ю. В. Указ. изд. С. 154.

⁵ Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901 — 1903 гг.). С. 372. Однако, если понимать ересь буквально, как малейшее противоречие церковным догматам, то в некоторых рассуждениях Мережковский все-таки переступил черту дозволенного. К такому выводу вполне обоснованно приходит П. П. Гайденко: «...возвещаемая Мережковским религия — это не христианство, а новое язычество, отличающееся от старого своей оргиастической безудержностью, демоническим пансексуализмом» (Гайденко П. П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М., 2001. С. 339–340).

о тайне последней любви, возлежа на груди Иисуса Христа. Это тайна свободы, которая еще не открылась. Это начало любви Иоанновой, начало подлинно вселенское, всемирное, и потому церковь Иоаннова есть последняя церковь второго пришествия»¹.

Судьбы по «делу» Мережковского легко усматривают в его суждениях о вселенской церкви «отголоски соблазнов», идущих от Владимира Соловьева. Но справедливо ли это?

Гиппиус настаивает, что идея вселенской церкви не была заимствована Мережковским у Соловьева, а пришла к нему совершенно самостоятельно: «Соловьевская брошюра, изданная за границей (в России цензура ее бы не пропустила), нам была тогда неизвестна, а кому известна — понятна превратно: римская церковь, считающая себя Вселенской, как бы приняла Соловьева в свое лоно, да и в России держался миф, что Соловьев “перешел в католичество”. Как будто в идею о Церкви Вселенской включалась возможность перехода из одной церкви в другую!»² Тем не менее, у Н.О. Лосского были веские основания утверждать: «Вся религиозная философия Мережковского основана на идее христианства как религии любви и, следовательно, свободы. Это сочетание любви и свободы приближает его вплотную к религиозно-философскому движению, начало которому было положено Владимиром Соловьевым»³. Да, Мережковский разделял идею вселенской церкви, но ее воплощение видел по-своему.

В то время как ученики превозносили Соловьева в однообразных панегириках, Мережковский решил снизить градус благоговения и посвятил философу статью с красноречивым названием «Немой пророк» (1908). «Чтобы дать выпуклый образ, — пишет критик, — надо обойти предмет, обнять его взглядом, увидеть обратную сторону медали. Лицевую сторону соловьевской медали видят все, обратную — никто»⁴. Занимаясь перевертыванием сторон, Мережковский забывает соловьевскую критику византизма, не придает никакого значения его антагонизму с тогдашним русским самодержавием, а также совершенно выкидывает из памяти мучительную для Соловьева теорию и практику исторического прогресса⁵. Остается обвинение в чертовщине: «Что Вл. Соловьев действительно верил в черта, хотя и старался

¹ Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901–1903 гг.). С. 396.

² Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // *Она же*. Ничего не боюсь. С. 67.

³ Лосский Н.О. История русской философии. М., 1991. С. 434.

⁴ Мережковский Д.С. Немой пророк // *Он же*. ПСС. Т. 16. С. 122.

⁵ См.: Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М., 2009. С. 597–598. См. также: Анненкова Н.В. Значение наследия В.С. Соловьева в формировании религиозно-философских взглядов Д.С. Мережковского // В.С. Соловьев: жизнь, учение, традиции. Екатеринбург, 2000. С. 10–12; Мозговая Э.Я. В.С. Соловьев и Д.С. Мережковский: грани соприкосновения // Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры исследования. Вып. 19. М., 1996. С. 112–125.

скрыть свою веру под шуткой, — видно по стихотворению “Морские черти”. И “Повесть об антихристе” доказывает, что он теоретически допускал и религиозно утверждал *видимое* воплощение зла. Да, неприлично. Но что же с этим поделаешь? Таково свойство оригинальных людей — нарушать приличия»¹. Через много лет Ирина Одоевцева имела неосторожность посоветовать Мережковским поездку в Виттель или Виши, на что Дмитрий Сергеевич в ужасе замахал руками:

— Бога побойтесь. Смерти вы нашей хотите, что ли? Минеральная вода — яд!

И Зинаида Николаевна поддержала его:

— Лучше уж, чем минеральную воду, скипидар пить, как Владимир Соловьев. — И тут же пояснила: — Владимир Соловьев пил скипидар, чтобы избавиться от чертей. Он был уверен, что черти не выносят запаха скипидара и не заберутся к нему в рот. — Зинаида Николаевна подняла свой лорнет-монокль к глазам и, полюбовавшись произведенным впечатлением, продолжала: — Но и скипидар не помог. Только смерть его ускорил. А черти преследовали его по-прежнему. Правда, мне, как я ни старалась, не удалось их увидеть, хоть мне и очень хотелось...²

Личные отношения писателя и философа не сложились, но это не помешало нашему герою признать, что одним из наиболее близких себе по духу считает Владимира Соловьева³. В то же время его религиозно-философская система представлялась Мережковскому созерцательной, лишенной установки на действие: «Стихия революционная чужда ему навеки и безнадежно, если не как человеку-деятелю, то как философу-созерцателю. Непрерывность вместо прерыва, преобразование вместо переворота, эволюция вместо революции — такова его метафизическая сущность. А последняя и единственная революция для него — переворот уже не исторический, а космический — кончина мира»⁴. Опыт Собраний и революции 1905 года утвердил Мережковского в действенном, революционном взгляде на религию: «Ни религия без общественности, ни общественность без религии, а только *религиозная общественность* спасет Россию»⁵. Роль главных «спасителей» нации отводилась интеллигенции, которая, по замыслу Мережковского

¹ Мережковский Д. С. Немой пророк // Он же. ПСС. Т. 16. С. 124.

² Одоевцева И. На берегах Сены // Она же. Указ. изд. С. 614.

³ Письма Д. С. Мережковского А. В. Амфитеатрову / Публ., вступит. заметка и примеч. М. Толмачева и Ж. Шерона // Звезда. 1995. № 7. С. 160. «Из писателей своей эпохи, — пишет Мережковский, — наиболее близким себе по духу считаю Вл. Соловьева и В. В. Розанова. Что же до учеников и последователей среди молодежи, то таковых не имею» (письмо от 10.08.1930).

⁴ Мережковский Д. С. Немой пророк // Он же. ПСС. Т. 16. С. 130.

⁵ Мережковский Д. С. Грядущий хам // Он же. ПСС. Т. 14. С. 38.

го, не только по имени, но и по существу своему должна сделаться разумом, сознанием России.

В начале XX века Мережковский искренне вступил в ряды революционной интеллигенции, которая, как показало время, «просто не думала о том, какой она будет, когда получит власть, она привыкла воспринимать себя безвластной и угнетенной и властность и угнетательство показалось ей порождением совершенно другого, чуждого ей типа, в то время как то было и их порождением. В этом парадокс исхода русской интеллигенции, ее трансформирования после победоносной революции. Часть ее превратилась в коммунистов и приспособила свою психику к новым условиям, другая же часть ее не приняла социалистической революции, забыв свое прошлое»¹. Вряд ли Мережковский предвидел Октябрь 1917 года. Но не будем опережать события.

* * *

Религиозно-философские собрания вскоре после открытия стали называться «единственным приютом свободного слова»². Неудивительно, что многие современники, ставшие участниками заседаний, с одобрением отнеслись к начинанию Мережковских «со товарищи». Хотя критики тоже нашлись. В послании одному из корреспондентов Максим Горький писал: «В Питере гг. Мережковский с женой, Розанов, Меньшиков, Скворцов — известный прохвост из миссионеров православия... и наш друг Миролюбов затевают некое религиозное общество. Так как ты тоже однажды писал мне, что “без религии жить нельзя”, то я считаю долгом товарища известить тебя о затее сей достопочтенной компании юродивых и жуликов, дабы ты, душечка, понял, кому именно без религии нельзя жить»³. Горький не верил в искренность намерений Мережковского.

Справедливости ради надо заметить, что первую часть трилогии Мережковского «Христос и Антихрист» Горький принял восторженно: «Мне нравится эта вещь, ибо и Нитцше, поскольку я его знаю, нравится мне. А это — потому, что, демократ по рождению и чувству, я очень хорошо вижу, как демократизм губит жизнь, и понимаю, что его победа будет победой не Христа, как думают иные, — а брюха»⁴. Восхищался Горький и переводами, сделанными Мережковским⁵, но учения его категорически не принимал. И как следствие — менялось отношение к творчеству.

¹ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 101.

² Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Она же. Ничего не боюсь. С. 83.

³ Горький М. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 28. М., 1954. С. 198–199.

⁴ Горький М. Полное собрание сочинений. Письма в 24-х тт. Т. 1. М., 1997. С. 246.

⁵ См. письмо К. П. Пятницкому от 15 ноября 1900 года: «Я бы с удовольствием разделил с Вами расходы по изданию переводов Мережковского, которые отчасти знаю и восхищаюсь ими» (Горький М. Полное собрание сочинений. Письма в 24-х тт. Т. 2. М., 1997. С. 68).

* * *

Касаясь истории отношений Мережковского с Горьким, вспомним едва ли не первое чествование молодого писателя из народа, организованное редакцией «Северного вестника». «Герой дня (или вечера), — вспоминает Гиппиус, — был высокий, сутуловатый, некрасивый малый в синей косоворотке с пиджаком поверх (эта его косоворотка кого не умиляла долгие годы), держался он мешковато и скорее скромно. Он такого торжества, очевидно, не ждал. Но начались речи, одна за другой, и все, точно по сговору, о новоявленном таланте, о Горьком. Когда мы узнали, что всех ораторов не переслушать (да уж и поздно было, давно кончился обед, сидели кое-как, вольно), мы с Д<митрием> С<ергеевичем>, воспользовавшись перерывом, потихоньку прошли в переднюю и спустились по бесконечной лестнице в швейцарскую. Вдруг слышим чьи-то скорые, скорые шаги по лестнице вниз. Горький! И сразу к нам (почему — до сих пор не понимаю). Лицо растерянное, потное, волосы взлохмаченные и уж тогда — его отрывистый, как бы лающий говор: “Что же это? Неужели я... и правда... так... такой талантливый?..”

Не помню, что мы ему ответили, может быть, даже ничего не ответили от неожиданности.

В последующие годы мы с ним, может быть, случайно встречались, а может быть, и нет (не в “Мире же искусства” его можно было встретить). Но все, что он далее писал (очень много), мы читали и за его ростом и всей его деятельностью следили, что было и нетрудно, так она была на виду¹.

Судя по письмам Мережковского², их личные отношения с Горьким носили сугубо деловой характер и поддерживались вплоть до эмиграции. В горьковской библиотеке сохранился «Невоенный дневник» Мережковского с дарственной надписью: «Алексею Максимовичу Горькому на память от автора. 2 ноября 1918. Петербург»³. В общественно-политических и религиозных вопросах они оставались непримиримыми оппонентами, если не сказать — врагами. «Может быть, — предполагает исследователь, — в русской литературе этого времени и не было других писателей, столь постоянно соприкасавшихся в противостоянии: выступления одного почти неизбежно “провоцировали” другого. Их борьба являлась порождением кризисного состояния самой эпохи, больные вопросы которой мучили каждого»⁴.

Горький не посвящал Мережковскому специальных статей, но его отзывы о творчестве современника встречаются в многочисленных письмах. В послании к К. П. Пятницкому читаем: «По нижегородским палестинам путешествует Мережковский, собирая материал для нового романа (“Петр

¹ Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Она же. Ничего не боюсь. С. 103–104.

² Два письма Мережковского хранятся в Архиве М. Горького (ИМЛИ РАН).

³ См.: Личная библиотека А. М. Горького в Москве. Описание. Книга I. М., 1981. С. 85, 183, 298.

⁴ Ревякина И. А. Мережковский о М. Горьком: против и за // Д. С. Мережковский. Мысль и слово. С. 243.

и Алексей” — А.Х.). Я начинаю думать, что он и в православие обратился тоже для романа, а не для души»¹. Упреки раздавались в адрес многих произведений Мережковского, например, — романа «Александр I»: «Этот фокусник сделал основоположником славянофильства немца Пестеля! А декабристы у него рассуждают по трафарету Гиппиус = Мережковский. А императрица Елизавета — по Достоевскому мыслит!»² Горький просил присылать ему на Капри то одну, то другую книжку Мережковского³, этой, по его словам, «дрессированной блохи»⁴.

Пolemические замечания Мережковского в адрес Горького носили публичный характер (см. статьи: «Чехов и Горький», 1906; «Сердце человеческое и сердце звериное», 1909; «Горький и Достоевский», 1913; «Не святая Русь. (Религия Горького)», 1916) и затрагивали наиболее острые вопросы. Например, о мещанстве.

Мережковский предостерегал: «Одного бойтесь — рабства и худшего из всех рабств — мещанства и худшего из всех мещанств — хамства, ибо воцарившийся раб и есть хам, а воцарившийся хам и есть черт — уже не старый, фантастический, а новый, реальный черт, действительно страшный, страшнее, чем его малюют, — грядущий Князь мира сего, Грядущий Хам»⁵. У этого Хама Мережковский разглядел три лица. Первое — самодержавие, отделяющее русский народ от русской интеллигенции и церкви. Второе — православие, та церковь, о которой Достоевский сказал, что она «в параличе». Третье — хамство, или босячество.

Горький, сделавший босяков героями своих произведений, предложил иное определение: «Мещанство — это строй души современного представителя командующих классов. Основные ноты мещанства — уродливо развитое чувство собственности, всегда напряженное желание покоя внутри и вне себя, темный страх пред всем, что так или иначе может вспугнуть этот покой, и настойчивое стремление скорее объяснить себе все, что колеблет установившееся равновесие души, что нарушает привычные взгляды на жизнь и на людей»⁶. Горький видит в мещанах людей, неприспособленных к битве жизни: «...они тревожно и жалко прячутся от нее, кто куда может — в темные уголки мистицизма, в красивенькие беседки эстетика, построенные ими на скорую руку из краденого материала; печально и безнадежно бродят в лабиринтах метафизики и снова возвращаются на узкие, засоренные хламом вековой лжи тропинки религии, всюду внося с собой клейкую пошлость, истерические стоны души, полной мелкого страха, свою бездарность, свое

¹ Горький М. Полное собрание сочинений. Письма в 24-х тт. Т. 3. М., 1997. С. 84.

² Там же. Т. 10. М., 2003. С. 189.

³ Там же. Т. 6. М., 2000. С. 93; Там же. Т. 7. М., 2001. С. 128.

⁴ Там же. Т. 9. М., 2002. С. 88.

⁵ Мережковский Д. С. Грядущий хам // Он же. ПСС. Т. 14. С. 37.

⁶ Горький М. Заметки о мещанстве // Он же. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 23. М., 1953. С. 341.

нахальство, и все, до чего они касаются, они осыпают градом красивеньких, но пустых и холодных слов, звенящих фальшиво и жалобно...»¹

За понятийным спором о мещанстве скрывается глубинное противоречие мировоззрений двух писателей. Отдавая «босаяцкому» автору должное за оригинальность и неповторимость в своей области, Мережковский причисляет Горького к первым «сознательным учителям» и пророкам «религии человечества» без Бога. Горький действительно писал о том, что со временем «чувство уважения человека к человеку претворится в религию, ибо религией человечества должна быть прекрасная и трагическая история его подвигов и страданий в бесконечной, грандиозной борьбе за свободу духа и за власть над силами природы!»².

«Бог против Бога, религия против религии» — так можно сформулировать смысл идеологических разногласий двух писателей. Впрочем, эти разногласия не помешали Мережковскому в 1919 году сотрудничать в горьковском издательстве «Всемирная литература», получать там паяк и возможность заработка. Горький сетовал на Мережковского: «...он у меня, как фокстерьер, повис на горле — вцепился зубами и повис»³. Мережковский, в свою очередь, жаловался К.И. Чуковскому: «Горький двурушник: вот такой же, как Суворин. Он азефствует искренне. Когда он с нами — он наш. Когда он с ними — он ихний. Таковы талантливые русские люди. Он искренен и там и здесь»⁴.

Сотрудничество писателя с горьковским издательством было вынужденным. Под угрозой голодной смерти Мережковский не гнушался большевистских денег. Из дневника Чуковского нам известно: «Был сегодня у Мережковского. Он повел меня в темную комнату, посадил на диванчик и сказал:

— Надо послать Луначарскому телеграмму о том, что “Мережковский умирает с голоду. Требуется, чтобы у него купили его сочинения. Деньги нужны до зарезу”.

Между тем не прошло и двух недель, как я дал Мережковскому пятьдесят шесть тысяч, полученных им от большевиков за “Александра”, да двадцать тысяч, полученных Зинаидой Н. Гиппиус. Итого 76 тысяч эти люди получили две недели назад. И теперь он готов унижаться и симулировать бедность, чтобы выцарапать еще тысяч сто»⁵.

Покинув Россию, Мережковский не скрывал «благодарности» своему бывшему работодателю и вечному оппоненту: «Горький — “благодетель” наш. Но не я один, а все русские писатели, художники, ученые, когда снимут

¹ Там же. С. 346.

² Горький М. О цинизме // Он же. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 24. М., 1953. С. 19.

³ Чуковский К.И. Дневник. 1901–1969. В 2-х тт. М., 2003. Т. 1: Дневник. 1901–1929. С. 147.

⁴ Там же. С. 142.

⁵ Там же. С. 130.

веревку с их шеи, скажут вместе со мною: будь они прокляты, благодения Горького!»¹

* * *

Среди символистов тоже нашлись писатели, которые, подобно Горькому, не разделяли пафоса проведения Религиозно-философских собраний. К. Д. Бальмонт, например, в письме к Брюсову от 15 февраля 1902 года очень нелицеприятно отозвался о круге Мережковского: «Все эти эпилептические, печеночные, желудочные и чахоточные философы, пророки и канатные плясуны — поистине жалости достойны. Не знаю, когда их выметет мороз, как нечисть»². В то же время Бальмонт не лишал себя возможности публиковаться в журнале «Новый путь», возникшем «из Собраний — и для Собраний»³. Это же замечание можно отнести к Брюсову, Блоку и некоторым другим символистам, которые старались держаться в стороне от религиозных дискуссий.

Журнал «Новый путь» упомянут здесь не случайно. История его возникновения и недолгого существования навсегда вписана в биографию нашего героя.

* * *

Мережковские давно мечтали иметь собственное издание. Причин тому было несколько. В начале 1900-х годов для символистов по-прежнему были закрыты двери большинства тогдашних журналов. «Северный вестник», сыгравший большую роль в популяризации нового литературного движения, закрылся еще в 1898 году. Возникший тогда же «Мир искусства» ориентировался на решение собственно художественных задач и все меньше устраивал Мережковских, для которых идейное содержание было превыше формальных изысков. Издательство «Скорпион» еще не имело собственного журнала, если не считать альманаха «Северные цветы». Но и появившиеся в 1904 году «Весы» были встречены Мережковским без энтузиазма. В статье «За или против», опубликованной в сентябрьском номере «Нового пути» за 1904 год, он упрекал москвичей в эстетстве, игнорировании «новой религиозности», «декадентстве».

Между тем потребность быть услышанным у Мережковского росла. Аудитория Религиозно-философских собраний казалась явно недостаточной для «вселенской» проповеди. Мечты о журнале не оставляли писателя. Наконец, летом 1902 года, когда Мережковские жили на даче под Лугой, появилась реальная возможность осуществить издание.

Идея «Нового пути» впервые была высказана Минским, «давно стремившимся к организации чисто литературного органа “новых течений”». Перцов

¹ Мережковский Д. С. Открытое письмо Уэллсу // Он же. Царство Антихриста. С. 131.

² Цит. по: Литературное наследство. Т. 98. В 2-х кн. Кн. 1. М., 1991. С. 120.

³ Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Она же. Ничего не боюсь. С. 91.

и Мережковский приветствовали эту идею, но видоизменили ее. Они решили, что журнал должен носить не столько литературный, сколько мистически-религиозный характер, и в значительной мере обслуживать религиозно-философские собрания. Однако они не отказались и от литературной стороны издания, представлявшего им, как и Минскому, несомненно выразителем новых течений русской поэзии. Название "Новый Путь" и форма журнала были предложены выдвигаемым на пост редактора Перцовым¹. При подготовке журнала к выходу на должность секретаря удалось привлечь Брюсова, которого сменили сначала Е. А. Егоров, а затем — Г. И. Чулков. В 1904 году редактором «Нового пути» стал Философов. Фактически журналом распоряжались Мережковские, но продолжалось это недолго. В январе 1905 года редакция уведомила читателей о приостановке издания и сообщила, что взамен его подписчикам будут высылаться номера «Вопросов жизни». Причиной реорганизации стал разлад между Мережковскими и приглашенными в «Новый путь» философами-идеалистами во главе с Сергеем Булгаковым.

Главные работы, опубликованные в журнале Мережковским («Судьба Гоголя», «Петр и Алексей»² и другие), развивали идеи, уже высказанные им на Собраниях. Кроме Мережковского и Гиппиус в журнале публиковались Василий Розанов, Павел Флоренский, Валерий Брюсов, Константин Бальмонт, Илья Репин и не только. Несмотря на недолгий век, «Новый путь» успел стать заметным явлением русской литературной жизни. В нем состоялся литературный дебют Блока³. В мартовском номере за 1903 год было опубликовано десять стихотворений, которые затем вошли в сборник «Стихи о Прекрасной Даме». Поскольку сотрудники журнала имели дело «с двумя цензурами»⁴ (светской и духовной), стихотворения Блока удалось напечатать только благодаря находчивости редакции: «Все фигурирующие в них прописные буквы, связанные с местоимением "Ты" (Прекрасная Дамы) и несомненно смутившие бы цензора заключенным в них религиозным намеком, во время представления в цензуру, были заменены строчными буквами

¹ *Евгеньев-Максимов В., Максимов Д.* Из прошлого русской журналистики: Статьи и материалы. Л., 1930. С. 148 (статья о «Новом пути» написана Д. Е. Максимовым). Подробно о «Новом пути» см.: Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX века, 1890–1904: Буржуазно-либеральные и модернистские издания. С. 179–233. См. также: Журналы «Новый путь» и «Вопросы жизни» (1903–1905): Указатель содержания. СПб., 1996.

² Во многом этот роман был написан под впечатлением от поездки на Светлое озеро, где, по преданию, находится невидимый Китеж-град. Там, на берегу озера, Мережковский провел ночь на Ивана Купала, беседуя с богомольцами и странниками, сектантами и староверами. Дневник поездки («Светлое озеро») Гиппиус опубликовала в «Новом пути» (1904. №№ 1, 2).

³ См. также: *Миц З. Г. А. Блок в полемике с Мережковскими* // Блоковский сборник. Вып. 4. Тарту, 1981. С. 116–222.

⁴ *Гиппиус З. Дмитрий Мережковский* // *Она же.* Ничего не боюсь. С. 93.

и только потом, при сдаче номера в печать, снова приведены в первоначальное состояние. Эта мера и не противоречила цензурному уставу и спасала дебют Блока»¹.

Однако главной заслугой журнала было печатание протоколов Собраний, которые закончились ничем: «Никакого “слияния” интеллигенции с церковью не происходило...»² Стороны так и не смогли договориться. 5 апреля 1903 года случилось неизбежное — Синод запретил встречи в зале Географического общества. «Сначала, — полагал один из участников заседаний, — (пожалуй, весь первый год) эти собрания... возбудившие сразу общественный интерес, были очень “содержательны”, и за этот период они получили для многих участников большое значение. Однако с течением времени они стали приобретать тот характер суесловных говорилен, на который обречены всякие человеческие общения, хотя бы основанные с самыми благими намерениями»³. Думали, что поводом к запрещению стал донос одного из сотрудников газеты «Новое время». Но, по словам Гиппиус, «просто иссякло терпение Победоносцева и он сказал “довольно”»⁴. Недаром ведь Собрания слыли «единственным приютом свободного слова». Пока это «слово» не выходило за пределы зала Географического общества, обер-прокурор терпел, но после того, как стенограммы заседаний стали появляться в журнале Мережковских «Новый путь», заседания пришлось запретить. Вскоре из журнала исчез отдел «Записки Религиозно-философских собраний в С.-Петербурге». «Это не “Новый путь”, а старая тряпина»⁵, — отзывался о первом номере журнала Победоносцев.

Мережковский ездил за поддержкой к митрополиту Антонию, но безуспешно: «В одно из моих посещений лавры на темной лестнице, ступив нечаянно на стеклянную крышу какого-то люка, я провалился, больно ушибся и порезался, — мог бы ушибиться до смерти. Это падение было для меня символическим: я понял, что мой подход к православию добром не кончится»⁶.

* * *

О попытке соединить жизнь и творчество не раз говорилось как о «правде» символизма. «Символисты, — писал В. Ф. Ходасевич, — не хотели отделять писателя от человека, литературную биографию от личной. Символизм не хотел быть только художественной школой, литературным течением. Все время он порывался стать жизненно-творческим методом, и в том

¹ *Евгеньев-Максимов В., Максимов Д.* Указ. изд. С. 245.

² *Гиппиус З.* Живые лица // *Она же.* Ничего не боюсь. С. 359.

³ *Бенца А.* Указ. изд. Кн. 4. С. 292.

⁴ *Гиппиус З.* Дмитрий Мережковский // *Она же.* Ничего не боюсь. С. 95.

⁵ Цит. по: *Прокончук Ю. В.* Указ. изд. С. 215.

⁶ *Мережковский Д. С.* Автобиографическая заметка // *Русская литература XX века (1890–1910).* Кн. 1. С. 278.

была его глубочайшая, быть может, невоплотимая правда, но в постоянном стремлении к этой правде протекла, в сущности, вся его история. Это был ряд попыток, порой истинно героических, — найти сплав жизни и творчества, своего рода философский камень искусства. Символизм упорно искал в своей среде гения, который сумел бы слить жизнь и творчество воедино. Мы знаем теперь, что гений такой не явился, формула не была открыта. Дело свелось к тому, что история символистов превратилась в историю разбитых жизней, а их творчество как бы недовоплотилось: часть творческой энергии и часть внутреннего опыта воплощалась в писаниях, а часть недовоплощалась, утекала в жизнь, как утекает электричество при недостаточной изоляции»¹.

Следуя символистскому принципу жизнетворчества, Мережковские пытались соединить религию, общественность и эрос как в теоретических построениях, так и в повседневной жизни. В этом смысле Религиозно-философские собрания были уже вторым шагом на пути к созданию «новой Церкви» как лика «религии Плоти и Крови». Первым — стало устройство церкви домашней².

Мемуарист утверждает, что Мережковский и Гиппиус были созданы друг для друга: «Но не в том смысле, в каком это обычно принято понимать, то есть — не в смысле романтическом. Сравнить их с Филемоном и Бавкидой, Дафнисом и Хлоей или с Афанасием Ивановичем и Пульхерией Ивановной можно лишь по наивности или незнанию»³. Между супругами были преимущественно платонические отношения. В 1893 году Гиппиус записывает в дневнике: «Я люблю Дмитрия Сергеевича, его одного. И он меня любит, но как любят здоровье и жизнь»⁴. Мережковские не имели детей, однако их «жизнетворческий» союз был очень плодотворным и, безусловно, спасительным: «...он их спас обоих от впадения в ничтожество, от небытия метафизического»⁵. Традиционные отношения в этом браке были нарушены: «...руководящая, мужская роль принадлежит не ему, а ей. Она очень женственна, он — мужествен, но в плане творческом, метафизическом роли перевернуты. Оплодотворяет она, вынашивает, рождает он. Она — семя, он — почва, из всех черноземов плодороднейший. В этом, и только в этом смысле он — явление исключительное, небывалое, единственное. Его производительная способность феноменальна»⁶.

¹ *Ходасевич В. Ф.* Конец Ренаты // *Он же.* Некрополь. М., 2006. С. 15.

² О «Церкви» Мережковских см. также: *Пахмусс Т. А.* Страницы из прошлого: Переписка З. Н. Гиппиус, Д. В. Filosofova и близких к ним в «Главном» // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1997. М., 1998. С. 70–114.

³ *Злобин В. А.* Тяжелая душа // *Он же.* Указ. изд. С. 296.

⁴ *Гиппиус З.* Contes d'amour. Дневник любовных историй (1893–1904) // *Она же.* Дневники. Кн. 1. С. 41.

⁵ *Злобин В. А.* Тяжелая душа // *Он же.* Указ. изд. С. 298.

⁶ Там же.

Развитое женское начало в Мережковском и мужское — в Гиппиус угадал даже далекий от нашего героя Горький, назвав его в одном из писем «Дмитрием Мережковской», а его жену — «Зинаидой Гиппиусом»¹. Их отношения словно списаны с романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?»². Мережковский явно напоминает Лопухова, а Гиппиус — Веру Павловну:

— Хорошо, Вера Павловна, я начну говорить вам грубости, если вам это приятнее. В вашей натуре, Вера Павловна, так мало женственности, что, вероятно, вы выскажете совершенно мужские мысли.

— Ах, мой милый, скажи: что это значит эта «женственность»? Я понимаю, что женщина говорит контральтом, мужчина — баритоном, так что же из этого? Стоит ли толковать из-за того, чтоб мы говорили контральтом? Стоит ли упрощать нас об этом? Зачем же все так толкуют нам, чтобы мы оставались женственны? Ведь это глупость, мой милый?

— Глупость, Верочка, и очень большая пошлость.

— Так я, мой милый, уж и не буду заботиться о женственности; извольте, Дмитрий Сергеевич, я буду говорить вам совершенно мужские мысли о том, как мы будем жить. Мы будем друзьями. Только я хочу быть первым твоим другом.³

Для окончательного сходства с романом не хватает третьего героя. Но и на эту роль нашелся «игрок». Им стал уже упоминавшийся Дмитрий Философов, с которым Мережковские познакомились еще в 1892 году в Ницце, на даче профессора Максима Ковалевского⁴.

Философов — тогда еще студент Петербургского университета — сразу привлек внимание Гиппиус: «Очень высокий, стройный, замечательно красивый, он, казалось, весь, до кончика своих изящных пальцев, и рожден, чтобы быть и пребывать эстетом до конца дней. Его барские манеры не совсем походили на дягилевские: даже в них чувствовался его капризный, упрямый, малоактивный характер, а подчас какая-то презрительность. Но он был очень глубок, к несчастью вечно в себе неуверенный и склонный приуменьшать свои силы в любой области. Очень культурный, широко образованный, он и на писание свое смотрел, не доверяя себе, хотя умел писать свои статьи смело и резко (особенно в последнее время, в Варшаве, где у него всегда имелся свой собственный журнал или газета). Он был не наносно, а природно религиозен, хотя

¹ Цит. по: Литературное наследство. Т. 95. М., 1988. С. 330.

² См.: Матич О. Христианство Третьего Завета и традиция русского утопизма // Д. С. Мережковский. Мысль и слово. С. 115; Матич О. Эротическая утопия: Новое религиозное сознание и fin de siècle в России. М., 2008. С. 172–179.

³ Чернышевский Н. Г. Что делать? Из рассказов о новых людях. М., 1984. С. 138.

⁴ М. М. Ковалевский (1851–1916) — историк, юрист, социолог; профессор Московского и Петербургского университетов.

очень целомудрен в этом отношении. Д<митрия> С<ергеевича>, как мыслителя и писателя, он сразу понял, его идеи не могли его не пленять»¹.

Чтобы дать такую характеристику, нужны долгие годы тесного общения. Философов был постоянным спутником Мережковских много лет. Но их отсчет следует вести отнюдь не с формального знакомства. Настоящее сближение Философова и Мережковских относится к 1898 году — времени сотрудничества нашего героя с художественным объединением «Мир искусства». Философов курировал в только что созданном одноименном журнале литературную часть, и при его посредничестве Мережковскому удалось опубликовать свое обширное исследование «Л. Толстой и Достоевский».

Из всех «мирискусников», которых Мережковские пытались приобщить к разговорам о религии, только Философов, двоюродный брат и помощник Сергея Дягилева, «сразу проявил самый живой интерес к этим вопросам и даже принимал участие в хлопотах по открытию Собраний»². А поскольку известно, что у Мережковских «была привычка “спасать” своих друзей (от гибели духовной, конечно)» и «даже в том случае, когда “погибающий” вовсе этого не желал», то к судьбе Философова, находившегося под влиянием Дягилева и его кружка, они не могли отнестись равнодушно, полагая, «что на человека слабохарактерного, каким был Философов, атмосфера этого кружка должна действовать разлагающе»³.

Несмотря на то что идейно Философов был ближе к Мережковскому, именно Гиппиус начинает строить планы по его «спасению». Судя по дневнику, ей движет жалость: «Только досадно, что надо жалеть. Там он пропадет, ну конечно. Для меня все ясно. Надо сделать, что могу»⁴ — которая очень скоро переходит в любовь: «О Философове — то знаю, то не знаю, есть ли; но возможно, что есть, поэтому я так хотела бы зажечь свечку около этого верхнего желания: пусть растет. Пусть ему будет “оправдание”. А там посмотрим. Лицо Божье — все-таки Лицо Божье, даже если мы Его к себе зовем. Все-таки возможность спасения — для нас и для него. Да и люблю его»⁵. Философов, в свою очередь, относился к Гиппиус более сдержанно и отстраненно, но это обстоятельство не помешало их сближению.

29 марта 1901 года, в «Великий Четверг», Мережковский, Гиппиус и Философов провели первую службу в своей домашней церкви⁶. Из дневника Гиппиус⁷ мы знаем, что заранее были куплены чаша, красный атлас, чтобы сшить

¹ Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Она же. Ничего не боюсь. С. 101.

² Там же. С. 72.

³ Злобин В. А. Тяжелая душа // Он же. Указ. изд. С. 327.

⁴ Гиппиус З. Contes d'amour. Дневник любовных историй (1893–1904) // Она же. Дневники. Кн. 1. С. 69.

⁵ Там же. С. 72.

⁶ Осуществившееся в тот день Гиппиус назвала «Бывшим», а возникшее «требратство» — «Главным».

⁷ Гиппиус З. О Бывшем (1899–1914) // Она же. Дневники. Кн. 1. С. 95–100.

покрывало, золотая тесьма для креста, свечи, три нательных серебряных креста с цепочками, красное вино, просвиры, цветы и другие атрибуты. Чтобы не начинать свою церковь как секту, Гиппиус хотела предложить Мережковскому и Философому сходить в православную церковь, исповедаться и причаститься, но почему-то не предложила. После полуночи (29 марта) все приготовления были закончены. Двадцать минут второго в дом Мурузи пришел Философов. Вместе с ним Мережковские, кланяясь, просили друг у друга прощения, целовали в ладонь руки, читали собственные молитвы и фрагменты из Библии, «причащали» друг друга, а в заключение обменялись нательными крестами. Таким образом, союз Мережковского, Гиппиус и Философова был скреплен¹.

Ошибочно думать, что причиной возникновения «троебратства» стало личное влечение Гиппиус к Философому. Тройственный союз воплощал сразу несколько идей: неохристианской Святой Троицы, целомудренного любовного треугольника (жизнь втроем), Церкви Третьего Завета.

Едва возникнув, «троебратство» оказалось на грани распада из-за сложности отношений Философова и Гиппиус, углубляться в которые не имеет смысла на страницах этой биографии. Кроме того, Дягилев делал все возможное, чтобы «отлучить» Философова от «новой Церкви». Сперва ему это удавалось, и две первые годовщины заключения тройственного союза Мережковские отмечали без Философова, но в конце 1903 года ситуация изменилась. 10 октября у Гиппиус умерла мать. Философов вновь оказался рядом — «близкий, понимающий до дна, вместе страдающий»². Тогда же Мережковским удалось привлечь к своей церкви двух сестер Гиппиус — Наталью³ и Татьяну⁴, которые, в свою очередь, заключили тройственный союз с А. В. Карташевым⁵. Правда, просуществовал он недолго: Карташев настаивал на половых отношениях, от которых предполагалось отказаться.

¹ «Хотя, — полагает Матич, — Мережковский казался асексуальным, его интересовали женщины, а может быть, и мужчины, но собственная жена не была для него физически привлекательной. Гиппиус, кажется, была фригидной, за исключением разве что отношений с гомосексуалистами и лесбиянками. Философов же, видимо, практиковал только однополую любовь. Несовместимые в своем сексуальном выборе, участники этого необычного треугольника были психологически не способны завершать свою любовь друг к другу совокуплением, хотя любили друг друга в высшем, духовном смысле» (Матич О. Эротическая утопия: Новое религиозное сознание и fin de siècle в России. С. 218).

² Гиппиус З. О Бывшем (1899–1914) // Она же. Дневники. Кн. 1. С. 130.

³ Н. Н. Гиппиус (1880–1963) — скульптор.

⁴ Т. Н. Гиппиус (1877–1957) — художница.

⁵ А. В. Карташев (Карташов) (1875–1960) — историк церкви, профессор Петербургской Духовной академии, министр вероисповеданий Временного правительства. См.: Воронцова И. В. Участие А. В. Карташева в религиозном движении «неохристиан» и эволюции его взглядов на «историческую» Церковь: по письмам 1906–1907 гг. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М., 2006. Вып. 20. С. 27–46.

Вскоре Философов захотел быть с Мережковскими на «ты», а в январе 1905 года переехал к ним в квартиру. «Но возвращение Философова, — утверждает Злобин, — не меняет, по существу, ничего. Его поединок с Гиппиус продолжается. Единственная перемена — это что отныне борьба ведется в открытую, по крайней мере со стороны Философова. Что до Гиппиус, то она свои батареи обнажает не сразу. У нее — большая выдержка и на редкость упорная воля — как раз то, чего у Философова нет. Зато у него — прямота, простота и душевное целомудрие — то, чего у Гиппиус отсутствуют»¹.

Впрочем, угрозу существованию «троебратства» представляли не только обострившиеся время от времени отношения Гиппиус и Философова, но и романтические увлечения Мережковского, который в апреле 1901 года завязал случайный роман, продлившийся около года, со своей поклонницей — Е. И. Образцовой², а в 1905-м увлекся Л. Н. Вилькиной, муж которой (Николай Минский) некогда ухаживал за Гиппиус.

«Мне нравится в Вас то, — читаем в письме Мережковского к Вилькиной, — что Вы умеете играть»³. «Я в Вас еще (или уже?) не влюблен, но если бы и влюбился, то не з<н>ал бы, в кого — в Вас, живую, или в призрак, созданный моею собственною жаждою влюбленности»⁴. Называя себя «мудрым кентавром», Мережковский уверял свою «беленькую нимфу» Бэлу⁵ (Вилькину, имя которой до принятия православия — Изабелла, — А. Х.): «...не только писем Ваших никто не читает, но никто не слышал от меня за

¹ Злобин В. А. Тяжелая душа // Он же. Указ. изд. С. 329–330.

² Подробнее об отношениях Мережковского с Образцовой см.: Матич О. Эротическая утопия: Новое религиозное сознание и fin de siècle в России. С. 368. Матич также утверждает, что в начале 1890-х годов Мережковский писал любовные письма Ольге Дмитриевне Ниловой — «загадочной фигуре», «возможно из театрального мира» (Там же. С. 204, 359). Письма Мережковского к Ниловой см.: НИОР РГБ. Ф. 178. К. 9836. Ед. хр. 3; РГАЛИ. Ф. 327. Ед. хр. 5. Сохранилось также письмо Зинаиды Гиппиус к Ниловой, в котором, в частности, читаем: «Я приду к вам сегодня немного раньше девяти. Вы еще не устали от Д<митрия> С<ергееви>ча, видно, если хотите его писем к Сн<ежной> К<оролеве>. Но я думаю так: принести вам письма — значит смеяться вдвоем над обманутым общим другом. Как бы то ни было — он писал их Снежной Королеве, и Сн<ежная> Королева, кто бы она ни оказалась, не должна показывать их никому. Ведь вы сами против дружбы двух — и одного. А мы с вами злоупотребим нашей дружбой против Дм<итрия> С<ергееви>ча, если станем вместе читать эти письма. Я не знаю писем, которые он вам пишет — и даже осудила бы вас в душе невольно, если бы вы их стали показывать третьему другу — хотя бы мне» (НИОР РГБ. Ф. 178. К. 9836. Ед. хр. 4. Лл. 1–2).

³ РО ИРЛИ. Ф. 39. Ед. хр. 882. Л. 1 об.

⁴ Письма Д. С. Мережковского к Л. Н. Вилькиной / Публ. В. Н. Быстрова // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб., 1994. С. 215.

⁵ Там же. С. 214.

все это время ни единого слова о Вас. Всегда моей мечтой было, чтобы наша дружба с Вами была совершенною тайною»¹.

Гиппиус знала об увлечении мужа. «Я говорила, — пишет ей сестра Татьяна, — <что> Дмитрий (с Бэлой) — страсть животная, *ближе* к Главному, во-первых, как 2-я ступень в человеческой жизни, во-вторых, как нечто жизненное, подлинно подземное, мировое (человеческое и звериное)»². Но из посланий сестры Гиппиус следует и другое: «...Вилькина письма Дмитрия показывает и хвастается всем»³. Разрыв был неизбежен. Игра не переросла в жизнь. Но в творчестве Мережковского романтическое увлечение нашло прекрасное воплощение. Писатель посвятил Вилькиной одно из лучших стихотворений:

Ослепительная снежность,
Усыпительная нежность,
Безнадежность, безмятежность —
И бело, бело, бело.

Сердце бедное забыло
Все, что будет, все, что было,
Чем страдало, что любило —
Все прошло, прошло, прошло.

Все уснуло, замолчало,
Где конец и где начало,
Я не знаю, — укачало,
Сани легкие скользят,
И лечу, лечу без цели,
Как в гробу иль в колыбели,
Сплю, и ласковые ели
Сон мой чуткий сторожат.

Я молюсь или играю,
Я живу иль умираю,
Я не знаю, я не знаю,
Только тихо стынет кровь.
И бело, бело безбрежно,
Усыпительно и нежно,
Безмятежно, безнадежно,
Как последняя любовь!⁴

¹ Там же. С. 247.

² История «новой» христианской любви. Эротический эксперимент Мережковских в свете «Главного»: Из «дневников» Т.Н. Гиппиус 1906–1908 годов / Вступит. ст., подгот. текста и примеч. М. Павловой // Эротизм без берегов: Сборник статей и материалов. М., 2004. С. 411.

³ Там же. С. 429.

⁴ Мережковский Д. С. «Ослепительная снежность...» // Он же. Стихотворения и поэмы. С. 622.

Однако судьбоносными в 1905 году для Мережковского были не личные, а общественно-политические события.

Все началось в воскресенье, 9 января, которое, по свидетельству Гиппиус, было морозным и безоблачным, лишь тонкий туман обволакивал землю и небо, «не съедая солнце, а только его лучи»¹. Тот день, известный как Кровавое воскресенье, послужил толчком к революции 1905 года. Многотысячная безоружная толпа под предводительством Г. А. Гапона направилась к Зимнему дворцу с петицией. Посланные навстречу войска стали расстреливать мирных людей, среди которых были женщины и дети. «Можно себе представить, — вспоминает Гиппиус, — какая у нас началась буча. Все были возмущены. Да и действительно: расстреливать безоружную толпу — просто от слепого страха всякого сборища мирных людей, не узнав даже хорошенько, в чем дело...»²

Мережковские, Философов, гостивший у них Андрей Белый и какие-то студенты отправились в знак протеста прекращать спектакль в Александринский Императорский театр. По словам современника, Мережковский «горячо говорил, требуя уважения к памяти убитых в этот день рабочих; публика устроила ему восторженную овацию и немедленно толпой покинула театр»³.

В день Кровавого воскресенья было убито и ранено несколько тысяч человек. «Больше всего, — вспоминает Бенуа, — пострадали не манифестанты, участвовавшие в самом “ходе”, а собравшиеся поглазеть на диковинное зрелище совершенно посторонние люди, с этой целью пробравшиеся в засыпанный снегом Александровский сад. Оттуда действительно можно было как-то со стороны и в казавшейся безопасности видеть то, что готовилось произойти на Дворцовой площади. И как раз эти посторонние жестоко поплатились за свое любопытство. Мальчишки, которые влезли, чтоб лучше видеть, на деревья, дети и бабы, которые стояли в саду за решеткой ограды, они-то и были почти все убиты или ранены первым же залпом тех войск, что были приведены охранять резиденцию. А царя-то вовсе в Зимнем Дворце и не было. Николай II с семьей с осени не покидал Царского Села. Таким образом, до него самого в тот день все равно депутации от рабочих не было бы возможности добраться...»⁴

Вскоре январские события были заслонены поражением России в войне с Японией. Возвращаясь из путешествия в Крым, Константинополь и на Принцевы острова, Мережковские прибыли в Одессу, где их ждала неожиданная встреча.

«Туда, — вспоминает Гиппиус, — как раз пришел пароход с ранеными из Японии. Из разных мест, а в нашей гостинице, до отправки в госпитали на север, поместили нескольких офицеров порт-артурских.

¹ Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Она же. Ничего не боюсь. С. 108.

² Там же. С. 109.

³ Цит. по: Лавров А. В. Комментарии // Белый А. О Блоке. С. 532.

⁴ Бенуа А. Указ. изд. Кн. 4. С. 419.

Были и тяжелые, и всякие недоленные. С одним, уже безногим, я подружилась и раз даже, когда его сестра милосердия куда-то ушла, а у него начались боли, я впрыскивала ему морфий. Его, по его словам, “резали, да недорезали”.

Но чего мы в их комнатах не насмотрелись! И такое осталось впечатление, что все эти “вернувшиеся” из огня войны люди уже (или еще) ненормальные.

Д<митрий> С<ергеевич> говорил, что это-то и нормально, что они ненормальные. Что иначе и быть не может. Он ненавидел всякую войну всем своим существом... Видел в войнах угрозу гибели человечества. Может быть, он уже тогда провидел свою будущую “Атлантиду”, которую написал тридцать лет спустя¹.

То, что Мережковский пережил в революционные 1905–1906 годы, имело для его внутреннего развития поворотное значение. «Я понял, — признается писатель, — опять-таки не отвлеченно, а жизненно, — связь православия со старым порядком в России, понял также, что к новому пониманию христианства нельзя иначе подойти, как отрицая оба начала вместе»². В июле 1905 года Гиппиус записала слова Мережковского: «Да, самодержавие — от Антихриста!»³ До этого времени наш герой специально не занимался общественно-политическими вопросами. Если он их касался, то под религиозным углом зрения. Современные события усилили интерес Мережковского к эпохе Павла I. Правда, он еще не знал, в какую форму этот интерес выльется.

На рубеже 1905–1906 годов Мережковский пишет работу о Достоевском («Пророк русской революции»⁴), в которой пересматривает свое прежнее отношение к самодержавию и православной церкви. Но для писателя Достоевский — только повод, чтобы поговорить о насущном.

«9 января 1905 года, — рассуждает Мережковский, — в лице сотен тысяч русских рабочих, которые шли по петербургским улицам на площадь Зимнего дворца, с детьми и женами, с образами и хоругвями, весь русский народ шел к царю своему, как дети к отцу, с верою в него, как в Самого Христа Спасителя. “Такому ли народу отказать в доверии?” Казалось бы,

¹ Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Она же. Ничего не боюсь. С. 112–113.

² Мережковский Д. С. Автобиографическая заметка // Русская литература XX века (1890–1910). Кн. 1. С. 278.

³ Гиппиус З. О Бывшем (1899–1914) // Она же. Дневники. Кн. 1. С. 134.

⁴ Сперва А. Г. Достоевская заказала Мережковскому вводную статью для юбилейного собрания сочинений своего мужа. Но после публичного чтения «Пророка русской революции» в зале Тенишевского училища Анна Григорьевна отказалась от статьи Мережковского, объясняя этот тем, что убеждения, приписанные Достоевскому, совершенно не соответствовали истинным его убеждениям. См. также: Келдыш В. А. Ф. М. Достоевский в критике Мережковского // Д. С. Мережковский. Мысль и слово. С. 207–223; Фридлендер Г. М. Д. С. Мережковский и Достоевский // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 1992. С. 3–20.

стоило только ответить верой на веру — и совершилось бы чудо любви, чудо соединения царя с народом. Казалось бы так, по Достоевскому. Но, — увы! — мы знаем, что произошло, и чем ответила власть народу, любовь отчая детской мольбе. Народоубийством, детоубийством. И в том вина — не какого-либо отдельного самодержца, а всего “православного самодержавия”, всего “христианского государства”, от Константина Великого до наших дней¹. Мережковский уже публично повторяет слова, сказанные им в частной беседе: «Самодержавие — от Антихриста»² — после чего приписывает Достоевскому собственные религиозные суждения: «Вот главное заблуждение Достоевского, источник неодолимого страха, который заставлял его скрывать новое лицо свое под ветхою личиною, вливать новое вино свое в мехи ветхие. Он думал или хотел думать, что его религия — православие. Но истинная религия его, если еще не в сознании, то в глубочайших бессознательных переживаниях, вовсе не православие, не историческое христианство, ни даже христианство вообще, а то, что за христианством, за Новым Заветом — Апокалипсис, Грядущий, Третий Завет, откровение Третьей Ипостаси Божеской — религия Св. Духа»³.

Мережковский доводит свои прежние рассуждения о «святой плоти», а также критику церкви как зависимого от власти института до логического завершения, предлагая обновленный вариант триады С. С. Уварова: вместо народности — всечеловечность, вместо самодержавия — теократия, религиозная общественность, вместо православия — религия Святого Духа⁴. В своих теоретических построениях Мережковский доходит до поразительно смелых выводов: «Мы надеемся не на государственное благополучие и долгоденствие, а на величайшие бедствия, может быть, гибель России, как самостоятельного политического тела и на ее воскресение, как члена все-ленской Церкви, Теократии»⁵.

Единственная надежда Мережковского — на религиозную революцию, пророком которой должен оказаться «заблуждавшийся» Достоевский. Пройдет чуть более десяти лет, прежде чем революция повернется к Мережковскому не религиозным лицом, а своей настоящей, атеистической, личиной, и надежда на «величайшие бедствия» и «гибель России» окажется страшным пророчеством уже самого Мережковского.

Философия Третьего Царства, или Завета, была развита Мережковским из идеи Гиппиус о «тройственном устройстве мира». «Я не понимала, — признается Гиппиус, — как можно не понимать такую явную, в глаза бросающуюся вещь, такую реальную, притом отраженную всегда и в нашем мыш-

¹ Мережковский Д. С. Пророк русской революции // Он же. ПСС. Т. 14. С. 215.

² Там же. С. 224.

³ Там же. С. 233.

⁴ Там же. С. 235.

⁵ Там же. С. 237–238.

лений, во всех наших действиях, от больших — до повседневных, в наших чувствах и — в нас самих. Мы тогда так и говорили: 1, 2, 3. Не символически, но конкретно, 1 — не есть ли единство нашей личности, нашего “я”? А наша любовь человеческая к другому “я”, так что они, эти “я”, — уже 2, а не один. (Причем единственность каждого не теряется). И далее — выход во “множественность” (3), где не теряются в долженствовании ни 1, ни 2»¹.

Летом 1905 года у Мережковского окончательно оформился план — поехать с женой и Философовым за границу. «Д<митрия> С<ергеевича>, — вспоминает Гиппиус, — интересовало католичество, и не только оно, а еще и движение “модернизма”, о котором мы что-то слышали глухо, потому что из-за цензуры определенные вести о нем до нас не доходили. В этих “неокатоликах” чуялось нам, однако, что-то интересное. Кроме того, и политическая европейская жизнь Д<митрия> С<ергеевича> в последнее время стала интересовать. Философова тоже (он в последнее время был занят вопросами “цезаре-папизма” и “папо-цезаризма”). Нас всех интересовали и наши русские “революционеры”, находящиеся в эмиграции. Это была, однако, лишь наша мечта, которую мы хотели осуществить “когда-нибудь”»².

К весне 1906 года Мережковских уже ничто не удерживало в России. Потерпели крах их общественные начинания. Религиозно-философские собрания запрещены, «Новый путь» реорганизован. В течение 1905 года Мережковские не имели собственного печатного органа и уже хотели совместно с Бердяевым издавать журнал «Меч», но этот проект так и не был реализован³. Ситуация в стране настораживала. После подавления Декабрьского вооруженного восстания царское правительство приняло жестокие меры для стабилизации обстановки. Во многих регионах было объявлено военное положение. Мережковские все меньше верили в успех революции. Внешние обстоятельства только ускорили давно запланированный отъезд за границу.

¹ Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Она же. Ничего не боюсь. С. 114.

² Там же. С. 121.

³ См.: Колеров М. А. Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». 1902–1909. СПб., 1996. С. 163–224.

ГЛАВА 6.

ПРЕБЫВАНИЕ В ПАРИЖЕ (1906–1908)

Нам и родина — чужбина,
Всюду путь и всюду цель.
Нам неизвестная долина —
Как родная колыбель¹.

Отъезд в Париж был запланирован на конец февраля. Философов уехал несколькими днями раньше, чтобы сопроводить мать в Швейцарию и найти в Париже жилье. 1-го марта 1906 года Мережковские прибыли во французскую столицу. «Отсюда, — утверждает Гиппиус, — начинается особый период в нашей жизни, втроем в Париже»². Свою петербургскую квартиру Мережковские оставили тройке единомышленников: Татьяне и Наталье Гиппиус, к которым вскоре переехал Карташев³.

По прибытии в Париж Мережковские останавливаются в отеле. Но уже через неделю перебираются на 15 bis, rue Théophile Gautier, в большую новую квартиру с видом «на парижский простор с Эйфелевой башней и с громадным, поднебесным колесом, оставшимся от последней выставки»⁴. Из Франции Мережковский написал А. Г. Достоевской: «Скоро ли вернемся, не знаю. Во всяком случае, едва ли раньше, чем через год: ведь в России надо быть теперь и немедленно или героем-мучеником, или равнодушным (более или менее) зрителем, или палачом.

А мы быть первыми не готовы, быть вторыми не умеем, быть третьими не хотим. Но только что увидим, что можно что-либо сделать в России, разумеется, вернемся сейчас же.

А вообще нам кажется, что происходящее теперь в России — *предель всякого ужаса*: это не зверство, а “бесовство” (“Бесы”, но не совсем в том смысле, как разумел Ф<едор> М<ихайлович>), *бесовство с обеих сторон* и, разумеется, больше со стороны правительства...»⁵

За границей Мережковские прожили неотлучно около двух с половиной лет, изредка выезжая из Парижа в Бретань, Нормандию, на Ривьеру или в Германию. Для «троебратства» это путешествие стало равносильно

¹ Мережковский Д. С. Чужбина-родина // Он же. Стихотворения и поэмы. С. 623.

² Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Она же. Ничего не боюсь. С. 123.

³ Ненадолго к младшему «гнезду» христианской коммуны Мережковских приехал скульптор В. В. Кузнецов (1882–1923).

⁴ Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Она же. Ничего не боюсь. С. 124.

⁵ Из Архива А. Г. Достоевской / Публ. Э. Гарэтто // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 9. М., 1992. С. 246–247.

удалению в «пустыню» с целью сжиться для «Главного». «Подчас с трудом, с мукой»¹, но им это удавалось.

Однако пустынной жизнь Мережковских и Filosofova назвать трудно. Они активно интересовались всеми, кто был связан с католичеством, модернизмом, европейской политической жизнью и русской политической эмиграцией. Не удалось им избежать встреч и со старыми знакомыми, приехавшими в Париж: Бальмонтом, Бенуа, Белым и другими. На квартире у Мережковских сами собой образовались субботние встречи: днем — со старыми друзьями-писателями, в том числе эмигрантами, а вечером — по большей части с французами. Да и связь с Россией регулярно поддерживалась через переписку, а сотрудничество с русскими газетами и журналами стало даже теснее. «Было впечатление, — размышляет по прошествии лет Гиппиус, — что мы Россию и не покидали, и не потому, что мы были не эмигранты, могли в любой день сесть в Nord-Express и почти на следующий быть в Петербурге. Нет, связь с Россией тогда не терял *никто* из русских. Самые серьезные политические эмигранты, помимо постоянной связи письменной и газетно-журнальной, имели возможность поехать в Россию немедленно и благополучно вернуться»².

Обосновавшись в Париже, Мережковский начал заниматься организацией нового журнала, а для начала решил выпустить на французском языке сборник статей разных авторов на тему анархии и теократии. К осени 1906 года было решено издать два сборника, точнее, две части одного сборника (первая должна была называться «Самодержавие и русская революция», а вторая — «Анархия и теократия») под общим заглавием «Меч». В результате в 1907 году на свет появился только один сборник «Le Tzar et la Révolution» («Царь и революция»), содержащий статьи Мережковского, Гиппиус и Filosofova на французском языке.

Несмотря на то что Мережковским не удалось организовать в Париже собственное издательство, они еще в 1906 году сблизилась с французским журналом «Metsure de France», в котором активно сотрудничали. Примерно тогда же состоялась встреча Мережковского с писателем Анатолем Франсом, о которой спустя время наш герой упомянул в статье «Цветы мещанства» (1908), и известным антропософом Рудольфом Штейнером.

В Париже началось сближение Мережковского с эмигрантами-революционерами. «Мне казалось, — признается писатель, — и теперь мне кажется, что это лучшие русские люди, каких я встречал за всю свою жизнь. Сближение наше произошло на почве не только общественной, но и религиозной. Здесь я увидел воочию, как бы осязал руками, связь русской революции с религией. В схождении с ними я пережил то, что потом часто высказывал,

¹ Гиппиус З. О Бывшем (1899–1914) // Она же. Дневники. Кн. 1. С. 135.

² Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Она же. Ничего не боюсь. С. 132.

возможность новой религиозной общественности, глубочайшую связь русского освобождения с религиозными судьбами России»¹.

«Субботники» Мережковских посещали видные члены из рядов партии социалистов-революционеров. Следует напомнить, что эсеры признавали индивидуальный террор одной из основных форм революционной борьбы. Самая «грязная» работа ложилась на плечи так называемой «Боевой организации», которая с января 1905 по июнь 1907 года привела в исполнение более 200 приговоров. Среди жертв — высокопоставленные чиновники, работники полиции.

Через И.И. Фондаминского (Бунакова) Мережковские познакомились с одним из лидеров «Боевой организации» — Б.В. Савинковым. «Великий русский патриот»² (так назовет его Мережковский), соучастник убийства Плеве и великого князя Сергея был частым гостем в квартире на улице Теофиля Готье. Мережковские быстро с ним подружились. «Главная тяжесть, — по словам Гиппиус, — была в том, что Савинков сам как будто чувствовал себя убиваемым — убивая. Говорил, что кровь убитых давит его своей тяжестью. И подходил к Д<митрию> С<ергеевичу> не то с надеждой оправдания революционного террора, не то за окончательным ему — и себе в этом случае — приговором»³. Ко всему прочему в Савинкове обнаружился литературный талант. Он написал роман о террористе, проливающим кровь во имя «высокой» идеи. Несмотря ни на что герою удается выжить, но лишь до тех пор, пока он не убивает какого-то офицера ради собственной любви. Мережковские стали едва ли не первыми слушателями и критиками захватывающей истории. «Заглавие, — вспоминает Гиппиус, — довольно нелепое, я ему переменяла, назвав роман «Конь бледный» (с эпиграфом из Апокалипсиса), а псевдоним, тоже неинтересный, предложила заменить одним из своих...»⁴ Так появился писатель В. Ропшин.

Одновременно с эсерами Мережковских привлекали анархисты, выступавшие за общественный порядок, основанный на свободном соглашении между людьми. Ничем не ограниченная свобода личности, по мнению анархистов, достигается уничтожением любой формы государственности, эксплуатации и частной собственности. Мережковским повезло. В Париже они

¹ Цит. по: *Соболев А.Л. Мережковские в Париже (1906–1908) // Лица: Биографический альманах. Вып. 1. М. — СПб., 1992. С. 353.*

² *Мережковский Д.С. Савинков и Врангель // Он же. Царство Антихриста. С. 116. См. также: «Революционное христовство»: Письма Мережковских к Борису Савинкову / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. Е.И. Гончаровой. — СПб., 2009; «Заграничные связи нам тоже слишком дороги»: письма З. Гиппиус, Д. Мережковского, Д. Filosofova к Савинкову 1912–1913 гг. / Вступ. ст., публ. и примеч. Е.И. Гончаровой // Русская литература. 2006. №№ 1, 2; «Религиозная общественность» и террор: Письма Д. Мережковского и З. Гиппиус к Савинкову (1908–1909) / Вступ. ст., публ. и примеч. Е.И. Гончаровой // Русская литература. 2003. № 4.*

³ *Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Она же. Ничего не боюсь. С. 131.*

⁴ Там же. С. 146.

познакомились со знаменитым анархистом Петром Кропоткиным. Встречу организовал И. С. Книжник-Ветров¹. О ней Гиппиус рассказала в письме к Брюсову: «А знаете, кто самый мирный и добрый человек на свете? Кропоткин. Это такой славный и безобидный дядя, что его только по лысинке хлопать, да чай с ним пить. Все о муравьях, да о пчелках, и дочку, главное, свою любит, “Сашок” ее зовут. Наряжает, веселит. Вот так анархист! Пожалуй мистические наши, и те страшнее»².

В 1907 году Мережковский дважды выступал с публичными лекциями («О насилии» и «О самодержавии»). Свою первую лекцию Мережковский прочитал на основе статьи Гиппиус, которую принял полностью, «как если бы сказанное в ней было и его собственное»³. Чтение состоялось 21 февраля 1907 года в парижском Зале Востока. «Дикая масонская зала, — вспоминает Гиппиус, — вся красная с золотом. (Очевидно, в те годы она сдавалась всем желающим.) Сошло все хорошо. Было чуть не 1000 человек. А возражения пришлось перенести еще на другой вечер»⁴. Среди оппонентов был Андрей Белый (Б. Н. Бугаев), приехавший в Париж в конце 1906 года. Именно он организовал для Мережковского встречу с лидером французского социалистического движения Жаном Жоресом (об этой встрече Мережковский тоже написал в «Цветах мещанства»). В те годы Белый не меньше, чем Мережковские, был подвержен радикальным настроениям. «Я вне партий, — писал он А. М. Ремизову, — но если бы *необходимость* толкнула, конечно был бы с крайними. Я их так полюбил»⁵.

* * *

В своих отношениях Мережковский и Белый прошли все возможные стадии. От признания Белого в одном из посланий: «*на всю жизнь преданный и любящий Вас бесконечно*»⁶ — до решительного и молчаливого разрыва, причем навсегда.

Первая встреча состоялась 6 декабря 1901 года в Москве, куда Мережковский прибыл с лекцией о Льве Толстом. Вскоре последовало и первое письмо. За подписью «Студент-естественник» Белый «сформулировал

¹ И. С. Книжник-Ветров (наст. фам. и имя И. С. Бланк; 1878–1965) — историк, библиограф. См.: РНБ. АДП. Ф. 352. Ед. хр. 173. Л. 6.

² НИОР РГБ. Ф. 386. К. 82. Ед. хр. 39. Лл. 5 об.-6.

³ Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // *Она же*. Ничего не боюсь. С. 137.

⁴ Там же. С. 137–138.

⁵ Цит. по: Лавров А. В. Достоевский в творческом сознании Андрея Белого (1900-е годы) // Андрей Белый: Проблемы творчества: Статьи, воспоминания, публикации. Сборник. М., 1988. С. 145.

⁶ См. письмо Белого к Мережковскому: Лавров А. В. Письма Андрея Белого и Валерия Брюсова в собрании Амхерстского центра русской культуры // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1996. М., 1998. С. 47.

в тезисах свое «нет» Мережковскому»¹. Завязалась переписка. Сперва с Гиппиус, супругой «русского Лютера», а после и с ним самим². Однако настоящее сближение произошло только в Петербурге, когда Белый переступил порог «новой Церкви»:

Меня встретила З. Н. Гиппиус возгласом:

— «Здравствуйте!»

— «Ну и выбрали день для приезда!»

И протянула свою надушенную ручку с подушек кушетки... Д. С. Мережковский, то показывающийся меж собравшихся, то исчезающий в свой кабинет, — не нарушал впечатления «атмосферы»; ее он подчеркивал: маленький, щупленький, как былиночка (сквознячок пробежит — унесет его), поражал он особою матовостью белого, зеленоватого иконописного лика, провалами щек, отененных огромнейшим носом и скулами, от которых сейчас же, стремительно вырывалась растительность; строгие, выпуклые, водянистые очи, прилизанные волосики лобика рисовали в нем постника, а темно-красные, чувственно вспухшие губы, посасывающие дорожную сигару, коричневый пиджачок, темно-синий, прекрасно повязанный галстук и ручки белейшие, протонченные (как у девочки), создавали опять-таки впечатление оранжереи, теплицы; оранжерейный, утонченный, маленький попик, воздвигший молеленку средь лорнеток, духов туберозы, гаванских сигар, — вот облик Д<митрия> С<ергеевича> того времени³.

Увлеченный идеями Мережковских, Белый поселился у них дома. С тех пор и вплоть до разрыва отношений петербургским адресом «арбатского святоши» будет Литейный, 24.

В мае 1905 года, уже собираясь за границу, Мережковский написал Белому: «Вы нам очень нужны. Особенно — мне. Мы должны вместе готовиться к нашему удалению в «пустыню» — т. е. в Париж, куда и Вы потом приедете, думаю, первый из всех остальных»⁴.

В Париже привязанность Белого к Мережковским только окрепла. Но вскоре после возвращения Мережковских на родину их отношения с Белым зашли в тупик.

Разрыв назревал давно. «Я, — сетовал Белый, — писатель, художник, для них безразличен был: нужен был лишний работник рабочего поля (вынашиватель совместной идеи), с которого Мережковский снимает плоды в сво-

¹ Белый А. Начало века. Воспоминания. В 3-х кн. Кн. 2. М., 1990. С. 204. Частично это письмо было опубликовано в журнале «Новый путь» (1903. № 1. С. 155–159).

² Первое из сохранившихся писем Гиппиус к Белому относится к 1902 году (НИОР РГБ. Ф. 25. К. 14. Ед. хр. 6), а Мережковского — к 1904 году.

³ Белый А. Воспоминания о Блоке // Он же. О Блоке. С. 135–136.

⁴ «Боря, Боря, мальчик мой любимый, единственный...» Письма Д. С. Мережковского Андрею Белому // Вопросы литературы. 2006. № 1. С. 161.

их грузных томах...»¹ — но несмотря ни на что признавал: «...Мережковские были воистину мне *своими родными*. Я с грустью вспоминаю те года; и хочется все-таки *через все* им сказать:

— “Вам — спасибо, спасибо: за все!”»²

Среди эпистолярного наследия Мережковского письма к Андрею Белому представляют самый интересный материал для биографа. История отношений обоих писателей стала неотъемлемой частью Серебряного века. За сюжетной линией «Белый — Мережковский» стоят события, задававшие ритм времени.

Способность Мережковского заманивать нужных людей в собственные сети гениальна. Это был настоящий политик от литературы, «ловец человеческих душ». Интерес к юному дарованию из Москвы объясняется просто. «В 1904 году, — вспоминает Ходасевич, — Андрей Белый был еще очень молод, золотокудр, голубоглаз и в высшей степени обаятелен. Газетная подворотня гоготала над его стихами и прозой, поражавшими новизной, дерзостью, иногда — проблесками истинной гениальности. Другое дело — как и почему его гений впоследствии был загублен. Тогда этого несчастья еще не предвидели.

Им восхищались. В его присутствии все словно мгновенно менялось, смещалось или озарялось его светом. И он в самом деле был светел. Кажется, все, даже те, кто ему завидовал, были немножко в него влюблены»³. Но «завербовать» юного гения не так уж и просто.

С одной стороны, Белого самого влечет к Мережковскому. «...Если я так долго остался в Петербурге, — читаем в одном из его посланий, — то только потому, что ужасно мне было хорошо — жить у Мережковских...»⁴ Но в то же время чувствуется изначальная напряженность. «...У нас с Мережковскими, — признается Белый, — свои личные, усложненные до *non plus ultra*, отношения...»⁵

Хорошо известна двойственность Белого, его переменчивость, непостоянство. «Удивительное это было существо, Боря Бугаев! — читаем у Гиппиус. — Вечное “играние мальчика”, скошенные глаза, танцующая походка, бурный водопад слов, на все “да-да-да”, но вечное вранье и постоянная измена. Очень при этом симпатичен и мил; надо было только знать его природу, ничему в нем не удивляться и ничем не возмущаться. Прибавлю, чтобы дорисовать его, что он обладал громадной эрудицией, которой пользовался довольно нелепо. Слово “талант” к нему как-то мало приложимо. Но в неимоверной куче его бесконечных писаний есть кое-где проблески гениальности»⁶.

¹ Белый А. Воспоминания о Блоке // Он же. О Блоке. С. 159.

² Там же. С. 155.

³ Ходасевич В. Ф. Конец Ренаты // Он же. Указ. изд. С. 20.

⁴ Цит. по: Литературное наследство. Т. 92. В 4-х кн. Кн. 3. М., 1982. С. 220.

⁵ Там же. С. 200.

⁶ Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Она же. Ничего не боюсь. С. 138.

Рациональнейший Мережковский понимал, что прельстить Белого можно только в парном «танце», в «игре». «Будем только *играть*, — пишет он, — ведь Вы наверное не разлюбили играть...»¹ Конечно же, нет. Судя по письмам, Белый сам заигрывал с Мережковским. Иначе как объяснить слова последнего: «То, что Вы пишете в “Весах”, не смущает меня: я знаю, что все это “маска”, и пока Вам среди тех людей, с которыми Вы живете, трудно ее снять. Но придет час, когда Вы ее снимите, или она сама спадет с Вас. Как хотелось бы, чтобы этот час пришел скорее, скорее!»²

Мережковский был убежден, что «весовская» атмосфера действует на юношу разлагающе. Москвичи казались ему слишком отвлеченными, фривольными, «декадентскими». «Вообще, — пишет он Белому, — в последнее время мы все больше чувствуем, что совершается разделение, меч ложится между нами и “декадентством”»³.

Как известно, русский символизм слагался из двух течений — друг другу параллельных, но часто пересекавшихся. Начало первого было положено в Петербурге, второго (которое Мережковский называет «декадентским») — в Москве. Находясь в самой гуще борьбы двух «символизмов», Белый был едва ли не главным трофеем. Но зачем он понадобился Мережковскому?

Безусловно, Белый прав, когда говорит о том, что Мережковскому «нужен был лишний работник рабочего поля». Приблизить Белого как автора (писателя и критика) — одна из первейших задач. «Большая просьба, — пишет ему Мережковский: — пришлите что-нибудь для “Нового Пути” для февраля. Нельзя ли полемическое, вроде статьи о Бальмонте — в “*Мире Искусства*”? Борьба с хамством? Или другое — что хотите.

Пожалуйста, голубчик, поддержите нас! М<ожет> б<ыть> — завели бы правильный отдел — корреспонденции из Москвы. Ждем с нетерпением»⁴. Надежды Мережковского не оправдались. За все время существования журнала Белый напечатал в нем только две статьи: «О целесообразности» (Новый путь. 1904. № 9) и «О теургии» (Новый путь. 1903. № 9). В письме к Брюсову Белый признавался, что когда он писал для «Нового пути», то «находился в положении гимназиста, пишущего сочинение»⁵. Давало о себе знать и «сектантское властолюбие»⁶ Мережковских, которые «всегда имели тенденции к образованию своей маленькой церкви и с трудом могли примириться с тем, что тот, на кого они возлагали надежды в этом

¹ «Боря, Боря, мальчик мой любимый, единственный...» Письма Д. С. Мережковского Андрею Белому // Вопросы литературы. 2006. № 1. С. 163.

² Там же. С. 152.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 158.

⁵ Цит. по: Литературное наследство. Т. 85. М., 1976. С. 369.

⁶ Бердяев Н. Самопознание. (Опыт философской автобиографии.) Париж, 1949. С. 152.

смысле, отошел от них и критиковал их идеи в литературе»¹. Это видно из писем.

Сперва все идет хорошо. Зазывая Белого в «Новый путь», Мережковский готов простить ему даже участие в «декадентских» «Весах». Но после известных статей Белого о Достоевском² тон петербургского «учителя» резко меняется. «Уничтожая его (Достоевского — А. Х.), — пишет Мережковский, — Вы уничтожаете нас. Отрекаясь всенародно от него, Вы от нас отрекаетесь. Но если бы нужно было выбрать (не дай Бог, чтобы предстоял этот выбор!) между Д<остоевским> и Вами, мы все остались бы с Д<остоевским>. Он — один из нас. Он живой член живой Церкви. Отлучив его, Вы нас отлучаете от Христа»³. Что же в этих статьях о Достоевском могло вызвать столь бурную реакцию Мережковского?

«У Достоевского, — писал Белый, — не было слуха. Вечно он детонировал в самом главном. В самом главном у него одни надрывы. Все положительное — в обещании. Будь он в царстве детей, он развратил бы их... Напрасно подходят к нему с формулами самой сложной гармонии, чтобы прилично объяснить его крикливый, болезненный голос. Нет мужества признать, что он всю жизнь брал фальшивые ноты»⁴.

Казалось бы, ничего страшного Белый не сделал. Он просто высказал свою точку зрения, но Мережковский усмотрел в этом обычном литературном деле факт предательства, отступничества от «новой Церкви». Позднее Белый вспоминал, что во всем тоне его заметки «откладывалось назревающее разочарование в «*религиозных путях*» Мережковских, которых любил, как людей, но которых ценил я все менее, как искателей жизни; такого деления не допускали они»⁵.

Как «мудрый учитель» Мережковский готов был простить свое «неразумное дитя»: «Боря (наст. имя Белого — А. Х.) милый, мальчик мой бедненький, не думайте, что мы Вас покинули. Мы твердо верим, что Вы ушли от нас только на время и что Вы все-таки любите нас так же, как мы Вас любим, а сила любви все покроет, все преодолееет. Но так же, как Вы что-то *всенародно сделали*, чтобы уйти от нас, так Вам нужно что-то *всенародно сделать*, чтобы снова прийти к нам. Что именно нужно сделать, это Вы сами сознаете, когда сознаете то, что сделали»⁶. Получив письмо Мережковского,

¹ Там же.

² «Ибсен и Достоевский» (Весы. 1905. № 12. С. 47–54); «На перевале». <Рец. на кн.:> А. Л. Волынский. Достоевский. СПб., 1906. В. Розанов. Около церковных стен. Т. I. СПб., 1906. (Там же. С. 68–71).

³ «Боря, Боря, мальчик мой любимый, единственный...» Письма Д. С. Мережковского Андрею Белому // Вопросы литературы. 2006. № 1. С. 164.

⁴ Белый А. Ибсен и Достоевский // Весы. 1905. № 12. С. 48.

⁵ Белый А. Воспоминания о Блоке // Он же. О Блоке. С. 201.

⁶ «Боря, Боря, мальчик мой любимый, единственный...» Письма Д. С. Мережковского Андрею Белому // Вопросы литературы. 2006. № 1. С. 165.

Белый написал в «Золотом руне» «покаянную» статью. «Достоевский, — признавал он, — один из глубочайших писателей русских. Ему мы обязаны целым рядом вопросов, вошедших в плоть и кровь нашей жизни. Его вопросы — наши вопросы. Его болезни — наши болезни»¹.

В феврале 1906 года Белый приезжает в Петербург: «Встретился я с Мережковскими: произошло объяснение; приводили к присяге меня: укоряли, стыдили, — простили; и мы — обнялись»². Как видим, политика Мережковского имела успех. Впрочем, это была лишь игра.

Белый нужен был Мережковскому не только как автор, но и как новый член «религиозной коммуны». «Как давно, как мучительно хочется быть с Вами, — писал Мережковский, — не только внутренне, но и внешне. Молиться с Вами! Несколько лет назад Вы говорили, что еще рано для Вас, не настало время. Ну, а как теперь? Все еще не настало? Вы нам нужны не только для нас самих, но и для тех, кто уже с нами, потому что круг наш расширится. И все мы ждем и верим, что Вы придете»³.

Увлеченный идеями богоискателей, Белый часами просиживал за разговорами у Мережковских. «Они приняли меня на свои тайные молитвы, — вспоминает он; — их малая община имела свои молитвы, общие; было 2 чина; 1-ых: чин ежедневной вечерней молитвы; и 2-х: чин служб: этот чин свершался приблизительно раз в 2 недели, по «четвергам»; во время этого чина совершалась трапеза за столом, на котором были поставлены плоды и вино; горели светильники; на Мережковском и Философове были одеты широкие, пурпурные ленты, напоминающие епитрахили. В числе участников «четвергов» в это время были: Мережковский, Гиппиус, Философов, Карташев, я, Татьяна Николаевна Гиппиус, Наталья Николаевна Гиппиус; вот и все: Мережковские одно время надеялись ввести в чин свой Бердяева и Волжского; но те скоро отошли от них»⁴.

Через посредничество Белого Мережковский искал новых членов своей «Церкви». Он рассчитывал сыграть не последнюю роль в «треугольнике» Белый — Блок — Менделеева. «От Любови Дмитриевны (Менделеевой — А.Х.), — пишет Мережковский, — мы получили прекрасное письмо. Я знаю несомненно, что она будет с нами — и скоро. Я ее очень и как-то сразу любил. Не только через Вас, но и непосредственно, для себя.

Она в высшей степени, может быть даже слишком, женщина — т.е. безвластная над собою, сама себя не знающая стихия — гармония, еще не окончательно, потому что несознательно, восторжествовавшая над хаосом: но это-то мне и нравится в ней. У нас у всех вообще подлинной победы

¹ Белый А. Достоевский // Золотое руно. 1906. № 2. С. 89.

² Белый А. Воспоминания о Блоке // Он же. О Блоке. С. 214.

³ «Боря, Боря, мальчик мой любимый, единственный...» Письма Д.С. Мережковского Андрею Белому // Вопросы литературы. 2006. № 1. С. 151.

⁴ Цит. по: Лавров А.В. Комментарии // Белый А. О Блоке. С. 533.

над хаосом, подлинной гармонии, хотя бы даже и бессознательной, слишком мало. Она может внести в наш круг новую огромную силу»¹.

Как известно, в августе 1906 года произошло объяснение между Белым и Менделеевой, женой Блока. Сохранилась запись М. А. Бекетовой, тети Блока, от 7 числа: «Завтра Сашура едет с Любой в Москву по делам своей книги, но, главное, объясниться с Борей. Дела дошли до того, что этот несчастный, потеряв всякую меру и смысл, пишет Любе вороха писем и грозит каким-то мщением, если она не позволит ему жить в Петербурге и видаться»².

Судя по недавно опубликованным письмам Т. Н. Гиппиус, Мережковский мог знать о произошедшем объяснении³, но предпочел услышать исповедь от самого Белого: «Боря, милый мой, бедненький, напишите подробно и точно и, по возможности, *конкретно*, что именно за это время с Вами случилось, и какие именно сомнения у Вас, и откуда они явились — все напишите откровенно и резко, безжалостно к нам и к себе, не бойтесь никакой самой, по-видимому, отчаянной и горькой правды. Знаю, как трудно, почти невозможно о таких вещах писать в письмах, но попробуйте, — ведь мы и по намекам поймем»⁴. Но Белый молчит. «Вы все-таки не написали мне о реальной *жизнейской* причине Ваших страданий. Я ведь так ничего и не знаю о ней до сих пор»⁵, — настаивает Мережковский и получает уклончивый ответ: «Вы пишете, что я не сообщил Вам о реальной *жизнейской* причине моей боли. Но моя *боль* создавалась не только под влиянием *жизнейских отношений*. Она — вывод из всех моих прегрешений, частью вольных, частью невольных. Она создала ту *сложность и кошмарность*, в которой я беспомощно барахтался последние годы»⁶. Вероятно, что в несохранившемся письме Белый все-таки рассказывает Мережковскому об истинной «жизнейской» причине своих страданий. Это следует из ответного ему послания: «То, что Вы пишете о Любе кажется мне глубоко верным и вещим: да, именно через наше общение она только и может к Вам приблизиться. И я твердо надеюсь, что, рано или поздно, это так и будет. Я мало знаю Любу, но я чувствую, что есть в ней стихийно-сильный, глубокий, хотя еще очень еще бессознательный, не проснувшийся человек. Природа в ней крепкая и здравая, несмотря на страшную внешнюю исковерканность. Такая природа

¹ «Боря, Боря, мальчик мой любимый, единственный...» Письма Д. С. Мережковского Андрею Белому // Вопросы литературы. 2006. № 1. С. 169.

² Цит. по: Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3. М., 1982. С. 617–618.

³ См.: История «новой» христианской любви. Эротический эксперимент Мережковских в свете «Главного»: Из «дневников» Т. Н. Гиппиус 1906–1908 годов // Указ. изд. С. 423.

⁴ «Боря, Боря, мальчик мой любимый, единственный...» Письма Д. С. Мережковского Андрею Белому // Вопросы литературы. 2006. № 1. С. 172–173.

⁵ Там же. С. 174.

⁶ Лавров А. В. Письма Андрея Белого и Валерия Брюсова в собрании Амхерстского центра русской культуры // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1996. М., 1998. С. 46–47.

не может остаться навсегда в декадентстве: придет время — и она рванется к свету и свободе. И вот тогда-то, может быть, даст нам Бог достаточны силы, чтобы ей помочь»¹. Операция по «спасению» Менделеевой не состоялась.

Мы уже говорили об *иррациональной* природе двойственного поведения Белого, его переменчивости. С Мережковским дело обстояло иначе. Тут был расчет, политика двойных стандартов. С одной стороны — бескорыстная любовь: «Одно знайте: что бы Вы ни говорили и ни делали, мы всегда будем любить Вас по-прежнему и еще сильнее, чем прежде»², — а с другой — использование в своих интересах. Об этом свидетельствует не только случай с Жоресом, но и постоянные просьбы «похлопотать» перед московскими издателями: «Есть у меня к Вам одна просьба: я послал в “Русскую Мысль” статью о Серафиме. Боюсь, что ее не напечатают, если будет читать какой-нибудь человек, совсем чуждый религиозным вопросам. Вы, кажется, лично знаете С.А. Котляревского, который участвует в редакции “Р<усской> М<ысли>”. Не сходите ли к нему и не попросите ли принять мою статью под свое покровительство... Если бы Котляревского не оказалось в Москве или же он по каким-либо причинам не будет читать статьи, а будет какой-либо другой член редакции, то нельзя ли об этом узнать и сходить все-таки к этому лицу и похлопотать. Вы этим, Боря, оказали бы мне лично и нам всем очень большую услугу»³.

Двойственным было и отношение Мережковского к «декадентству». «Конечно, в нем, — писал он Белому, — более всего наш черт, наша пошлость, наш провал. И в Брюсове — нечистая сила (*для нас*, сам-то он для себя может быть и невинен). Я, впрочем, с Вами не согласен, что он “колдун”. Колдуны владеют нечистой силою, а Б<рюсо>вым она владеет. Он скорее “бесноватый” — *тихий бесноватый* — самый ужасный. Да и все вообще современные декаденты — тихие или буйные бесноватые (современные “нигилисты”. Ср. с “*Бесами*” Д<осто>евского).

И поняв это, Вы уже не вернетесь к декадентству: между ими и Вами, нами — Он»⁴.

В то же время, ругая москвичей, Мережковский не брезговал в трудные времена сотрудничать с ними. В послании к Брюсову он писал: «Чувствую, что Москва (литературная Москва — А.Х.) ближе мне, чем Петербург, и радуюсь этому. Москва ближе к прошлому, а следовательно и к будущему, чем современный Петербург»⁵. Лишившись собственного журнала, Мережковский сотрудничал с «Весами».

В этой постоянной двойственности и заключалась игра Мережковского. Слово в очередном романе, он подбирал людские образы к собственным

¹ «Боря, Боря, мальчик мой любимый, единственный...» Письма Д.С. Мережковского Андрею Белому // Вопросы литературы. 2006. № 1. С. 179.

² Там же. С. 158.

³ Там же. С. 177.

⁴ Там же. С. 155.

⁵ НИОР РГБ. Ф. 386. К. 94. Ед. хр. 43. Л. 3 об.

схемам. От этого живые лица превращались в «кукол, разукрашенных археологической ветошью»¹.

Мережковский напрасно сетовал на то, что не умеет слагать письма («это моя мука и проклятье»², — утверждал он). Желание привлечь Белого выдает «эротичность» эпистолярного стиля нашего героя. Речь идет не столько о содержании писем, сколько об индивидуальной тактике обольщения.

Письма Мережковского к Белому ориентированы на известную традицию, начинателем которой по праву считается Гоголь. Сравним два пассажа.

«Дай только бог, — пишет Гоголь одному из корреспондентов, — чтобы исполнили вы нашу просьбу, меня все уверяет, что не оставите нас, что вы будете жить вместе с нами, что вы не оставите безутешную. Вы не забудете, извините, ежели смею сказать, свой долг (хотя мы вам одолжены всем) быть с теми, которые так любят и которые рады бы пожертвовать всем, чтобы возратить к себе милого родственника. Дай бог вам возможного счастья и иногда, хотя редко, легкой памяти обо мне.

Прощайте, милый дяденька! Как бы мне хотелось еще раз обнять вас»³.

А вот что Мережковский пишет Белому: «Никогда не надо расставаться — надо всем жить вместе всегда — вот урок на будущее время. Но *это* пройдет наверное. Только приезжайте поскорее. Как бы мне хотелось сейчас обнять Вас и приласкать, и успокоить, убаюкать, мальчик мой милый, бедненький!»⁴ (или: «Все мы делим Вашу вину и несем ее так, как будто сами виноваты. И все готовы помочь Вам искупить ее и вернуться к нам. Ждем Вас, зовем, никогда не уйдем от Вас, только Вы от нас не уходите!»⁵).

Мережковский заимствует едва ли не все гоголевские «ужимки», что выражается в использовании определенной лексики с уменьшительно-ласкательными суффиксами, а также серии повторов, намеков, недоговоренностей. Почти каждое письмо он заканчивает настойчивым приглашением в гости, а в заключение неременная «проповедь»:

«Христос с Вами — хоть Вы против Него и “бунтуете”, но Он все-таки с Вами и никогда Вас не покинет. И мы с Вами всегда.

Приезжайте же непременно, а то я приеду к Вам»⁶. (Ср. с Гоголем: «Вы же любите меня *во Христе*, а потому и любовь ваша вечна, как самая жизнь во Христе. Но прощайте, моя добрая, до следующего письма! Мне чувствуется, что мы теперь чаще, нежели прежде, будем писать друг к другу»⁷). Даже

¹ Белый А. Мережковский // Д. С. Мережковский: pro et contra. С. 263.

² «Боря, Боря, мальчик мой любимый, единственный...» Письма Д. С. Мережковского Андрею Белому // Вопросы литературы. 2006. № 1. С. 183.

³ Гоголь Н. В. Собрание сочинений в восьми томах. М., 1984. Т. 8. С. 28–29.

⁴ «Боря, Боря, мальчик мой любимый, единственный...» Письма Д. С. Мережковского Андрею Белому // Вопросы литературы. 2006. № 1. С. 163.

⁵ Там же. С. 165.

⁶ Там же. С. 163.

⁷ Гоголь Н. В. Указ. изд. Т. 8. С. 266.

в том случае, когда Белый публично отрешивается от Мережковских, Дмитрий Сергеевич, как колдун, продолжает свой заговор: «Боря милый, мальчик мой беденький, не думайте, что мы Вас покинули. Мы твердо верим, что Вы ушли от нас только на время и что Вы все-таки любите нас так же, как мы Вас любим, а сила любви все покроет, все преодолеет»¹.

И Гоголь, и Мережковский обожают всякого рода «приписочки» с умалчиванием. «Хотел было, — начинает Николай Васильевич, — предложить два исторические вопроса, сильно меня занимавшие. Не разрешишь ли? — но после. Они требуют много бумаги»². Не этот ли прием использовал Мережковский в письме к Белому: «Посылаю Вам одну из наших молитв: по прочтении листок *уничтожьте!* — Нет, решил не посылать. А при свидании скажу»³?

Порой кажется, что Мережковский в своих просьбах цитирует Гоголя. «Очень прошу, — обращается он к Белому: — пишите мне почаще — обо всем решительно — обо всех мелочах и даже пустяках: Вы не можете себе представить, как письма тут на чужбине дороги. Хочется длинных, длинных и фактических, даже *анекдотических* писем»⁴. А вот фрагмент из письма Гоголя к матери: «Вы имеете тонкий, наблюдательный ум, вы много знаете обычаи и нравы малороссиян наших, и потому, я знаю, вы не откажетесь сообщать мне их в нашей переписке. Это мне очень, очень нужно»⁵. И далее: «Если есть, кроме того, какие-либо духи или домовые, то о них подробнее, с их названиями и делами; множество носится между простым народом поверий, страшных сказаний, преданий, разных анекдотов и проч., и проч., и проч. Все это будет для меня чрезвычайно интересно»⁶.

В отличие от Гоголя, интерес Мережковского к мельчайшим бытовым подробностям не только писательский, но и житейский. С его помощью Дмитрий Сергеевич создает интимную, келейную атмосферу общения, когда говорят, а главное — *молчат вместе*.

«Но довольно, — пишет Гоголь; — сокровенные чувства как-то становятся пошлыми, когда облакаются в слова»⁷. «Отдохновенье нам нужно»⁸, — читаем в другом письме. «Вы чересчур много говорите о том, о чем надо молчать, — словно подхватывает его тон Мережковский, — мы все слишком много говорим, а слова истощают, от них устаешь страшно, до смерти — до того, что начинает казаться, что ничего и нет, и не было, и не будет кроме слов.

¹ «Боря, Боря, мальчик мой любимый, единственный...» Письма Д. С. Мережковского Андрею Белому // Вопросы литературы. 2006. № 1. С. 165.

² Гоголь Н. В. Указ. изд. Т. 8. С. 61.

³ «Боря, Боря, мальчик мой любимый, единственный...» Письма Д. С. Мережковского Андрею Белому // Вопросы литературы. 2006. № 1. С. 153.

⁴ Там же. С. 170.

⁵ Гоголь Н. В. Указ. изд. Т. 8. С. 33.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 163.

⁸ Там же. С. 208.

Вам нужно просто отдохнуть, помолчать»¹.

Мережковский перенимает позу гоголевского смирения. «Сначала я испугался было, — читаем в его письме к Белому. — Ну, как мне-то, такому грешному в *этой* именно области, — прощать или не прощать Вас, такого чистого? Ибо чистоту Вашу я всегда чувствовал, и она меня смущала: поймет ли, думал я, он мое великое страдание, простит ли мне мой великий грех»². Или: «Всегда за Вас молюсь и Вы за меня и за всех нас помолитесь, если не словами, не в сознании, то безмолвным вздыханием — любовью Вашею к нам, которую мы всегда чувствуем, как Вашу бесконечную молитву за нас. Верьте и Вы в нашу любовь»³. Сравните с просьбой Гоголя: «Помолись же хорошенько богу о себе, да и о мне тоже помолись, о здоровье и о силах моих слабеющих»⁴.

Из уст обоих писателей зачастую раздается призывный учительствующий глас. «Итак, — наставляет Гоголь, — светлей и светлей да будут с каждым днем и минутой ваши мысли, и светлей всего да будет неотразимая вера ваша в бога, и да не дерзнете вы опечалиться ничем, что безумно называет человек несчастием. Вот что вам говорит человек, смешавший людей»⁵.

«Боря, Боря, — читаем у Мережковского, — мальчик мой любимый, единственный, разве Вы не слышите, что “близко время”, что “Он стоит у дверей и стучит”. Кто Он? Ну, пусть Вы не хотите, не смеете произнести имени Его, но Вы уже знаете, что это Он, и никто другой...

Потому я знаю твердо, что Вы с Ним и Он с Вами, несмотря на все Ваши отречения, — потому, что могу и *должен* молиться за Вас. Когда за Вас молюсь, тогда и знаю, что Вы с Ним, хотя этого Вы сами пока еще не знаете. Не бойтесь, скоро узнаете»⁶.

Гоголь присутствует в письмах Мережковского не только на интертекстуальном уровне. Символично, что последнее из сохранившихся посланий Мережковского к Белому заканчивается словами: «Вот о Гоголе меня звали все говорить, и соблазн был великий, — но я устоял, не буду ничего говорить»⁷.

Письмо датируется весной 1909-го. Семью годами раньше Мережковский делал доклад на тему «Гоголь и отец Матвей». «Не было человека столь близкого мне, как Гоголь»⁸, — утверждал он в письме к Перцову. Но, по иронии

¹ «Боря, Боря, мальчик мой любимый, единственный...» Письма Д. С. Мережковского Андрею Белому // Вопросы литературы. 2006. № 1. С. 163.

² Там же. С. 154.

³ Там же. С. 172.

⁴ Гоголь Н. В. Указ. изд. Т. 8. С. 225.

⁵ Там же. С. 189.

⁶ «Боря, Боря, мальчик мой любимый, единственный...» Письма Д. С. Мережковского Андрею Белому // Вопросы литературы. 2006. № 1. С. 171.

⁷ Там же. С. 185.

⁸ Письма Д. С. Мережковского к П. П. Перцову // Русская литература. № 3. 1991. С. 154.

судьбы, в отношениях Белого и Мережковского распределение ролей было иным: к Гоголю оказался ближе Андрей Белый; Мережковский же в своих письмах к нему предстает как самый настоящий «отец Матвей» — «не человек, а священник — только, но за то и во всей полноте — священник», «христианство его — не словесное, не отвлеченное, а в высшей степени действенное, жизненное»¹. С одной стороны, Белый «как будто соглашается с ним во всем, выдает себя головой, только молит о последней пощаде»², но с другой — «за этой, как будто бесконечной, покорностью скрывается бесконечное сопротивление», уступая шаг за шагом, Белый, как и Гоголь, «все-таки за что-то отчаянно борется с о. Матвеем, что-то отстаивает, чем-то не может или не хочет пожертвовать, хотя бы грозила ему клятва церковная и вечная погибель. Он клонится, гнется, и в самой этой гибкости — почти неодолимая сила упорства»³. Но если автор «Мертвых душ» подчинился своему «наставнику», то Белый не захотел служить эмблемой «мертвых схем» Мережковского. Ему надоело играть в послушного, «бедняцкого мальчика».

* * *

В Париже Белый был одним из ближайших «подопечных» друзей Мережковского, но поистине бескорыстную привязанность наш герой испытал к юной русской барышне, которую Гиппиус назвала «голубой» любовью Мережковского.

«В ней было для этого все: нежная женственность, покорная беспомощность и даже какое-то вечное “девичество”. Я думаю, Д<митрий> С<ергеевич> и чисто русскую душу ее ощущал.

Он любил в жизни немногих людей. Но к кому бы и какая бы у него ни являлась любовь сердца, она никогда больше его не покидала. Я уже не говорю о его любви к матери. Ни ко мне. Но и к Философову, расставшемуся с нами после пятнадцатилетней совместной жизни, его чувство до конца оставалось прежним. Прелестную же девушку с круглым милым личиком он не забывал никогда. Мы мало встречались в Петербурге после ее замужества, — мы жили в разных кругах общества. И здесь, в эмиграции, он не видел ее иногда год, два, потом опять встречались, она приходила к нам, мы шли к ней и к ее матери, когда мать еще была жива.

Она, конечно, чувствовала его отношение и встречалась с ним всегда радостно... как теперь я с ней — и она со мной»⁴.

Если верить Гиппиус, это частное парижское знакомство оставило в жизни Мережковского глубокий след. Не оно ли наваяло стихотворение 1907 года:

¹ Мережковский Д. С. Гоголь // Он же. ПСС. Т. 15. С. 289–290.

² Там же. С. 292.

³ Там же. С. 292–293.

⁴ Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Она же. Ничего не боюсь. С. 140–141.

Ты ушла, но поздно:
Нам не разлюбить.
Будем вечно розно,
Вечно вместе жить.

Как же мне, и зная,
Что не буду твой,
Сделать, чтоб родная
Не была родной?¹

В парижские годы наш герой, как всегда, много писал. Подготовка статьи «Революция и религия» для совместного с Гиппиус и Философовым сборника «Царь и революция» положила начало сборнику Мережковского «Не мир, но меч» с красноречивым подзаголовком «К будущей критике христианства». Единство Мережковских с Философовым должна была подтвердить написанная ими тремя пьеса «Маков цвет» (1907). Одновременно Мережковский работал еще над одним произведением. Оставаясь верным своему главному принципу — говорить об одном, но в разных формах — он к концу второго года пребывания в Париже написал драму «Павел I» (1908).

Событие, положенное в основу пьесы (цареубийство 11 марта 1801 года), подтверждает мысль Мережковского о том, что «самодержавие — от антихриста!». Образ Павла олицетворяет главную сущность всего старого порядка в России, идущего со времен Петра, — поглощение церкви государством, превращение ее в «департамент дел духовных».

На замечание одного из героев: «Ваше величество, папа — глава церкви...» — Павел отвечает: «Врешь! Не папа, а я. Превыше всех пап, царь и папа вместе, Кесарь и Первосвященник — я, я, я один во всей вселенной!...»²

«Ну, а если государь — сумасшедший, — недоумевает Александр, — власть тоже от Бога? Сумасшедший с бритвою. И бритва от Бога? Хищный зверь, что вырвался из клетки... И царство зверя — царство Божье? Ничего понять нельзя...»³ Как будто он и не сын императора: «Ах, единая мечта моя — когда воцарюсь, покинуть престол, отречься от власти, показать всем, сколь ненавижу деспотичество, признать священные Права Человека — *les Droits de l'Homme*, даровать России конституцию, республику — все, что хотят — и потом уехать... бежать далеко, далеко...»⁴ Но «царство зверя» не отпускает безвольного наследника.

Ночь. Убийство. Финал:

«Пален и другие заговорщики берут Александра под руки и сводят по лестнице, как будто несут на руках. Он идет с опущенной головой,

¹ Мережковский Д. С. «Ты ушла, но поздно...» // *Он же*. Стихотворения и поэмы. С. 624, 893.

² Мережковский Д. С. Павел I // *Он же*. ПСС. Т. 6. С. 47.

³ Там же. С. 85.

⁴ Там же. С. 21–22.

с мертвенно-бледным лицом, едва передвигая ногами. Караул, отдавая честь императору, склоняет к ногам его знамена и штандарты»¹. А с площади раздается «ура!»².

Отрицая государственность и в художественном творчестве, и в публицистике, Мережковский берется за утверждение анархии на религиозной почве, где «царь» — Христос, а «закон» — любовь. Пожалуй, только один человек мог составить ему конкуренцию в стремлении «покончить с тем позорным и проклятым прошлым, когда церковь была в крепостной зависимости от государства, а русские граждане были в крепостной зависимости у государственной церкви, когда существовали и применялись средневековые, инквизиторские законы (по сю пору остающиеся в наших уголовных уложениях и уставах), преследовавшие за веру или за неверие, насилловавшие совесть человека, связывавшие казенные местечки и казенные доходы с раздачей той или иной государственно-церковной сивухи»³. Человек этот не кто иной, как Ленин.

Хорошо известно, что значительную часть жизни Мережковский посвятил идеологической борьбе с большевизмом. «Маска ложной всемирности, — писал он уже в эмиграции, — Интернационал — скрывает лицо захолустнейшего из захолустников, “идиота” из “идиотов”, в древнем смысле, — Ленина»⁴. Но разница между двумя «борцами»: с Буржуем и Антихристом — минимальная. Для одного государство было целью, для другого — средством. Один жаждал воплотить «светлое будущее», другой — «царство божие на земле». Воинствующий атеизм Ленина против не менее воинствующего теизма Мережковского. И то и другое — крайняя форма экстремизма. «Ежели ветхая государственность — гнилое дерево, то не все ли равно, сгорит оно или сгниет окончательно, а если она — железо, то огня бояться нечего: только на революционном огне куются новые государственные формы»⁵. Кто это сказал: Ленин? Нет, Мережковский. Но как похож их язык, не только на смысловом, но и на стилистическом уровне. Сравните раннюю работу Мережковского «О причинах упадка...» с «Партийной организацией и партийной литературой» Ленина.

«Другая сила, — пишет Мережковский, — разрушительно влияющая на литературную речь, та особенная сатирическая манера, которую Салтыков называл “рабьим эзоповским языком”»⁶.

«Проклятая пора эзоповских речей, — читаем у Ленина, — литературного холопства, рабьего языка, идейного крепостничества! Пролетариат положил конец всей этой гнусности, от которой задышалось все живое и свежее на Руси»⁷.

¹ Там же. С. 148.

² Там же.

³ Ленин В. И. Социализм и религия // Он же. Указ. изд. Т. 12. М., 1968. С. 144.

⁴ Мережковский Д. С. Захолустье // Он же. Царство Антихриста. С. 325.

⁵ Мережковский Д. С. Христианство и государство // Он же. ПСС. Т. 16. С. 102.

⁶ Мережковский Д. С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // Он же. ПСС. Т. 18. С. 189.

⁷ Ленин В. И. Партийная организация и партийная литература // Он же. Указ.

По убеждению Мережковского, «гонорар становится настоящей платой за самый унижительный из родов проституции, — платой, посредством которой публика и автор взаимно друг друга развращают»¹.

«Свободны ли вы от вашего буржуазного издателя, господин писатель? — спрашивает Ленин, — от вашей буржуазной публики, которая требует от вас порнографии в <романах> и картинах, проституции в виде “дополнения” к “святому” сценическому искусству?»²

С точки зрения Мережковского, «газеты и журналы становятся огромными базарами с торгово-промышленными сделками, литературными фабриками и заводами с бездушной поденной платой»³.

А вот позиция Ленина: «Выйдя из плена крепостной цензуры, мы не хотим идти и не пойдем в плен буржуазно-торгашеских литературных отношений. Мы хотим создать и мы создадим свободную печать не в полицейском только смысле, но также и в смысле свободы от капитала...»⁴

Пожалуй, достаточно: дальше — больше... По типу критического мышления Мережковский оказывается удивительно близок марксистам⁵. «Политические интересы, — пишет С. Л. Франк, — политические страсти заслонили в его сознании вневременное и сверхэмпирическое религиозное осмысление жизни. Когда божественное или Христово начало всецело отождествляется с революционным движением, а дьявольское или антихристово — с реакцией, когда вся сущность веры усматривается в одной лишь действительности, и притом общественно-политической, то “Бог и дьявол”, “Христос и антихрист” становятся простыми кличками для партийных направлений и партийной борьбы»⁶. Однако философ отдает должное Мережковскому, религиозный революционизм которого «есть во всяком случае нечто новое, молодое и оригинальное, что может еще многих соблазнить, и с чем, следовательно, поневоле приходится считаться»⁷.

Мережковский всегда искал неожиданное в знакомом, свое в чужом, новое в старом, но в молодости его критические высказывания отличались

изд. Т. 12. С. 100.

¹ Мережковский Д. С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // Он же. ПСС. Т. 18. С. 193.

² Ленин В. И. Партийная организация и партийная литература // Он же. Указ. изд. Т. 12. С. 103–104.

³ Мережковский Д. С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // Он же. ПСС. Т. 18. С. 193.

⁴ Ленин В. И. Партийная организация и партийная литература // Он же. Указ. изд. Т. 12. С. 102.

⁵ О близости критики Мережковского и Льва Троцкого см.: Михайлова М. В. Лев Троцкий о Мережковском // Д. С. Мережковский. Мысль и слово. С. 326–336.

⁶ Франк С. О так называемом «новом религиозном сознании» // Д. С. Мережковский: pro et contra. С. 311.

⁷ Там же. С. 309.

большей доброжелательностью и литературностью. Уехав из страны, писатель так и не достиг видимых результатов в своей общественной деятельности. «Как ни близка была наша связь с Россией, — вспоминает Гиппиус, — мы в начале третьего парижского года серьезно стали подумывать о возвращении. Отчасти и потому, может быть, что связь была так близка: каждый по-своему — мы чувствовали, что в России творится неладное, тосковали»¹. Весной 1908 года Мережковский узнал о смерти отца, которая, «несмотря на коренную и давнюю между ними далекость, произвела на Дмитрия Сергеевича тяжелое впечатление (которое он, конечно, не высказывал)»²: «Ведь все-таки умер тот, кто всю жизнь любил (пусть по-своему) ее, — дорогую и милую навсегда — его мать. Что-то старое, близкое ему оборвалось со смертью отца окончательно»³.

Отъезд в Россию ускорила угроза, нависшая над Мережковским. Тираж отдельного издания драмы «Павел I» был конфискован, и автор вместе с издателем обвинялся в «дерзостном неуважении к верховной власти»⁴. Вдобавок настроение писателя было испорчено болезнью жены. Как известно, в Россию Мережковские отправились через Германию. В Гамбурге у Гиппиус образовался нарыв в горле, повлекший болезненную операцию. 2 июля 1908 года, за десять дней до прибытия в Петербург, Мережковский сообщил Белому: «С тяжелым и жутким чувством мы возвращаемся в “обновленную Россию”. Что-то ждет нас там? Жалко милого Парижа. Там теперь у нас близкие родные люди. А все-таки тянет в Россию. Нужно *собственными глазами* увидеть, что там такое. Можно ли что-нибудь делать? И что именно? Лекции? Не позволят. Журнал? С кем? Нас так мало. И денег нет. И говорить о нашем главном или рано, или нельзя... Но все-таки нужно попытаться. Нужно собраться, стесниться покрепче нам всем. Сжиться. Даст Бог, и новые примкнут. Только где они? Что-то не видно. Одиночество страшное. Какие-то мы отверженные. Не ко двору в высшей степени...»⁵

¹ Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // *Она же*. Ничего не боюсь. С. 143.

² Там же. С. 148.

³ Там же.

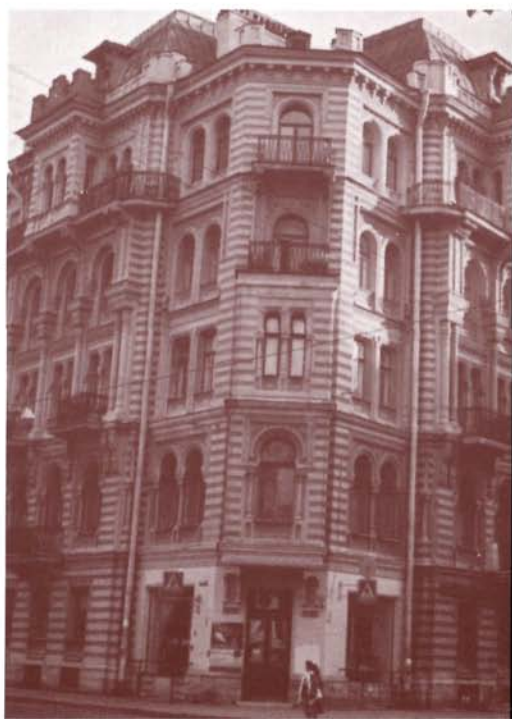
⁴ Суд состоялся только в 1912 году. Обоих оправдали «за ненахождением состава преступления», и конфискация с книг была снята. Мережковский тогда уверял, что его оправдали «по случайности», но если б не оправдали — он лучше сел бы в тюрьму, но эмигрантом не сделался (Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // *Она же*. Ничего не боюсь. С. 161).

⁵ «Боря, Боря, мальчик мой любимый, единственный...» Письма Д. С. Мережковского Андрею Белому // Вопросы литературы. 2006. № 1. С. 181.

Петербург, Набережная Фонтанки, 2. Дом, в котором
Д.С. Мережковский провел детство.

Петербург, Литейный
проспект, 24 – знаменитый
дом Мурузи, в котором
Мережковские жили до 1912
года (современный вид).

Петербург, ул. Вере́йская, 12. В этом доме
Мережковские жили первое время после
венчания (современный вид).

Рисунок работы И.Е.Репина

Д.С. Мережковский. 1890-е гг.

Д.С. Мережковский.
1910-е гг.

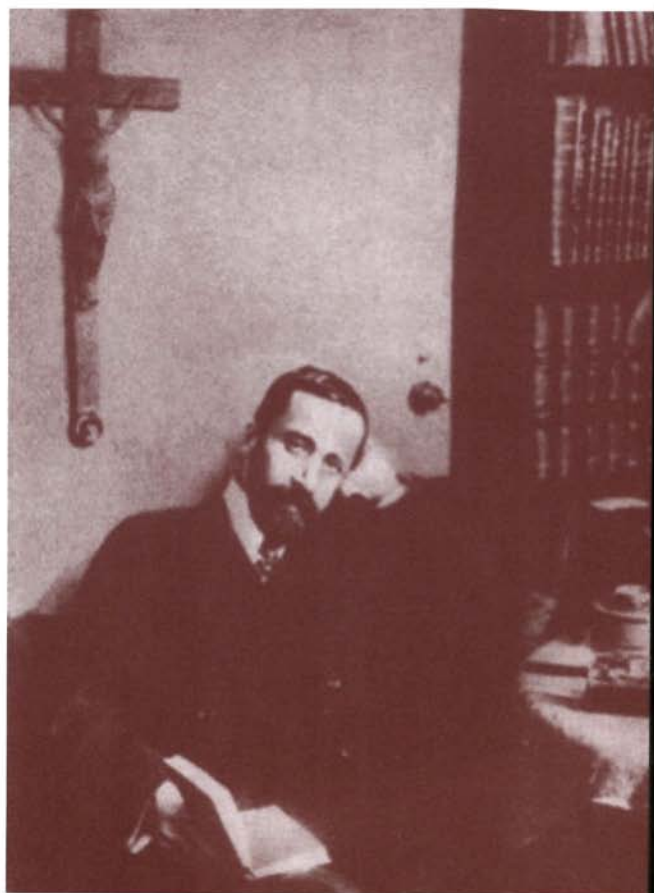
Рисунок работы Т.Н.Гиппиус

Д.С. Мережковский
за рабочим столом

Тройственный союз: Д.С.Мережковский, З.Н.Гиппиус и Д.В.Философов

Д.С. Мережковский
в домашней
обстановке

Петру Павлу Вейнбергу

отъ сердца - преданнаго ему

Д. С. Мережковскаго

О ПРИЧИНАХЪ УПАДКА

И О НОВЫХЪ ТЕЧЕНИЯХЪ

Д. С. Мережковскаго
1893.

СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

С. Мережковскаго

Д. С. МЕРЕЖКОВСКІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Фонтанка 92.

1893.

Титульный лист брошюры Д.С. Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» с дарственной надписью автора П.И. Вейнбергу (фотокопия из РО ИРЛИ).

Общество для пособія нуждающимся литераторамъ
и ученымъ

(ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФОНДЪ),

Концертный залъ Тенишевскаго Училища

(Моховая, 33),

15-го Октября 1913 года,

ЛЕКЦІЯ

ДМ. СЕРГ. МЕРЕЖКОВСКАГО:

ТАЙНА НЕКРАСОВА.

Начало въ 8½ час. вечера.

Приглашение на лекцію Д.С. Мережковскаго «Тайна Некрасова»
(фотокопия из ОР РНБ).

Книги Д.С. Мережковского

ПРОРОКЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Д. МЕРЕЖКОВСКОГО

ЦАРЕВИЧ АЛЕКСЕЙ

трагедия
в пяти действиях

Д. МЕРЕЖКОВСКОГО

государственное издательство
петербург
1920

Д. МЕРЕЖКОВСКИЙ

ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ

государственное издательство
петербург
1920

Д. МЕРЕЖКОВСКИЙ,
ЛЮБОВЬ, СИЛЬБЫЕ СМЕРТИ.

НАУКА ЛЮБИ.

ДВѢ ИТАЛЬЯНСКІЯ НОВЕЛЛЫ XV ВѢКА.

МИКЕЛЬ-АНЖЕЛО.

ХРОНИКА XVI ВѢКА.

СВЯТОЙ САТИРЪ.

ФЛОРЕНТИНСКАЯ ЛЕГЕНДА.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СКОРПИОНЪ»

МОСКВА. МСМІІ.

т

Д.С. МЕРЕЖКОВСКИЙ

ДАРЕТВО
АНТИХРИСТА

ОБЪЕМЪ — ПЯТЬДЕСЯТЪ — ПЯТЬДЕСЯТЪ
АВТОГРАФЪ

Библиотека Русского Слова
Всепредварительный журнал

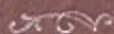
МЕРЕЖКОВСКИЙ

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ.

Д.С.Мережковский

14 декабря

Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

X

ИЗДАНИЕ Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ • МОСКВА 1911

ВЪЧНЫЕ СПУТНИКИ

Д. МЕРЕЖКОВСКОГО

МОНТАНЬ

•

ФЛОБЕРЪ

3-е издание

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ М. В. ПИРОЖКОВА
1908

Сорок мину. Бисеро дана поштом.

Вн вида и наин.

Она ходит и досел
ходить по ступам моря.

Беслан Ореанда.
Между тем самым прекрасным
наиболее нигде не вид
красоты и чуждо море
неба. Зовут дом, куда
было в мор. И теперь отдал. Как бы счт. 22-го мая, 1904 года
Полемий Васн, любими Васн. Тоснов и Васн 13. 04.

Над. Фотогр. Н. Семенов 17. 04. 04

ВСЕМИРНЫЙ ПОЧТОВЫЙ СЪЕЗДЪ РОССІА.
UNION POSTALE UNIVERSELLE RUSSIE.
ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО — CARTE POSTALE.

Борису Николаевичу
Бугаеву
Москва.

Арбат. Угол Демуркина Дома Богданова

На этой стороне пишется только адрес. — Côté réservé exclusivement à l'adresse.

Автограф открытого письма Д.С. Мережковского к Андрею Белому
(Б.Н. Бугаеву) (фотокопия из НИОР РГБ)

31 Авг. 1910.

Николаевичу Д. с. Мережковскому (Валдайца),
и мисс Сесиле.

Дорогой Павел! Решительнее!

Мы не можем Павел сказать, именно что
вы адресованы на Франсуа Сесиль, а не на Франсуа
и мисс Сесиль, а Франсуа -- интересно. Сесиль
и мисс Сесиль не могут, о чем, пожалуй, вы,
содержите вы.

Удивительно просто, вы должны и, увы, что
вы будете представлять Р. М. и я же записал в
мне море. Тогда завтра мы можем вам
показать наш дом. Я не могу
мне "Александр и Девотство"; не могу и
и сестры. Вы не можете быть у вас, не могу,
не могу. В нем же не могу и оидеи
мне Павел! Но вы же должны
написать мне завтра. Сестры просят написать
у вас и Р. М. Сестры и я не могу написать о
мне завтра. Вел, вы же должны, что Р. М.
мне завтра же все равно. Но надо же вам
идеи, о том, не могу и не могу у вас.
М. Б. не могу. Сестры и Р. М. не могу и не могу,
мне завтра. Мне же и Р. М. Сестры, а не могу и

26. 06
VII

Борь милой мой,
родной мальчонка!

Скучно как-то совсем
Вам писать, но трудно
Вам сказать, что
моя жизнь. Я и так
всегда так счастливый,
но теперь Вам
и забыть надо старую
мне Сашу. Вспомни
у нас много было счастья
и трудно, тогда и
будеешь, как у Вас.
"Маша работала Теодор!"
как перед сном
говорила Вы. Саша.
Но не давай мне
"мечты": и так же
даже. Вы и мечтает.
Каждый на своем
остаток жизни
не давай, и описано
и описано все.

Venezia.

Франция, Венис! Твои дворы Венис убо
Но, замкнут городской, а выданным зван
Королевом Александр Марин
Кемпер по вадн, как ни - по твоей енисе
Любим иней иранской собор
На сест, на выисеет похорон
Народной мизантропический
И пугаешь в паване дурей
Капаны убо, под арканом мисе
И нортн в убого пофос збуа неси
Александр марин
Любим в иранской мизантропический
Александр марин дурей,
Мадонна образы с лавандой адиман
Надв садом в паване лаванды Маринико,
Тем леве воздуха прозрачной вода:
Она фубет, коруа и димей, а синея
И словно прише в ней лондон бунденте,
Бунденте, Венис, Венис-мизантропический

Франция Венис! Я буду вечно твой
Любим в неба, о мифе и свобода,
Царица мизантропический, синея вает
Создатель Синея и Народа!

Д. Мережковский

На те холмы, в леса сосновые,
Там пахнет горькая земля,
В даль бы в верески лесные
белуховские пустыни.

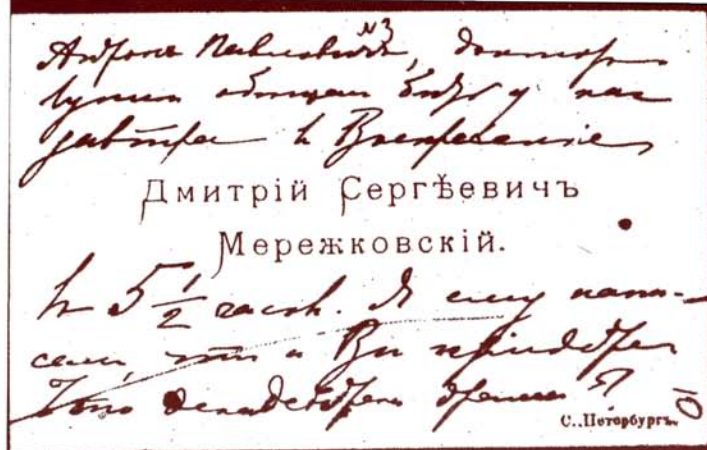
Там безмолвней грусть закатная
И унылой тоски,
Своею в траве своей мелкой
И непорочной весна.

А пусть блеснет свободы хвост солнечный,
Как свободы рошноты, луча свотный,
Курятая своим благовонным,
Как там блеснет кадиль.

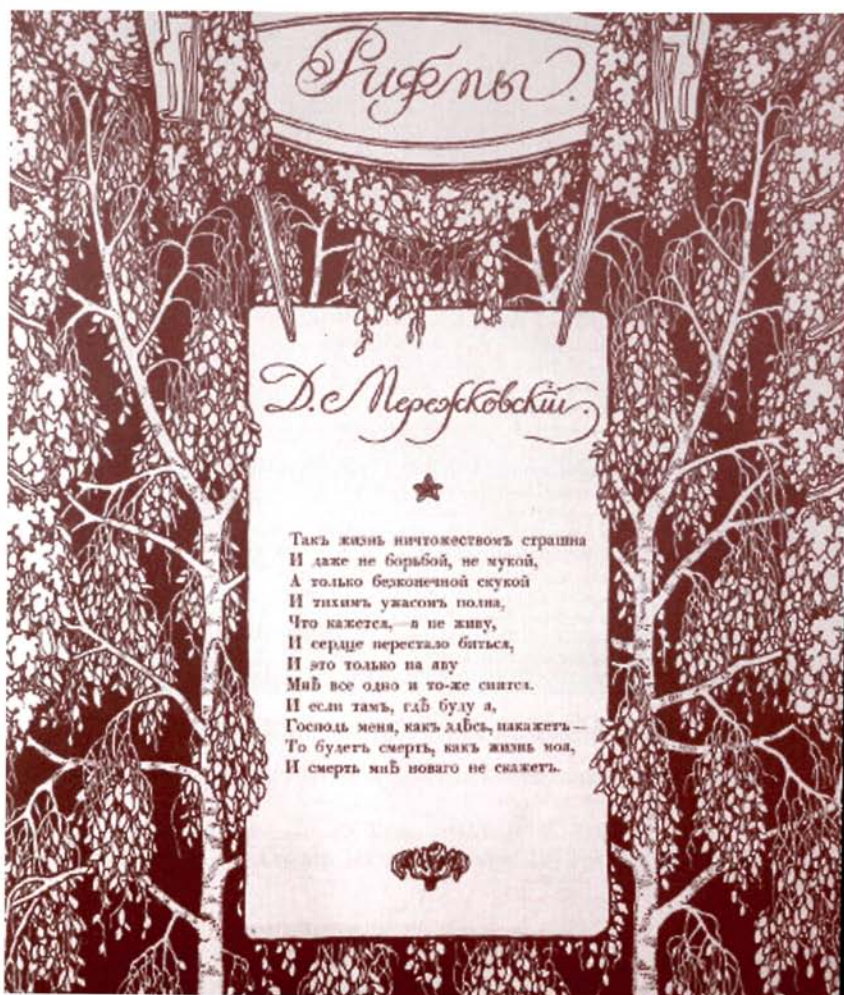
Д. Мережковский
22 апреля 1910г.

Автограф стихотворения Д.С. Мережковского «На те холмы, в леса сосновые...», фотокопия из НИОР РГБ

Визитная карточка
Д.С. Мережковского
с запиской
А.П. Чехову
(фотокопия,
из НИОР РГБ)

Оформление листа со стихотворением Д.С.Мережковского
в журнале «Мир искусства»

Могила Д. С. Мережковского в Сент-Женевьев-де-Буа

ГЛАВА 7.

Последние годы перед эмиграцией (1908–1919)

О, Русь! И вот опять закована,
И безглагольна, и пуста,
Какой ты чарой зачарована,
Каким проклятьем проклята?

А все ж тоска неодолимая
К тебе влечет: прими, прости.
Не ты ль одна у нас, родимая,
Нам больше некуда идти¹.

В 1908 году Мережковский явно преувеличивал свою «отверженность», видимо, не подозревая, до какой степени он окажется «не ко двору» в советской России. Пока же, к началу 1910-х годов, наш герой чувствовал себя довольно благополучно. Он уже состоялся как писатель, известный не только в России, но и за ее пределами. Существовал богатый материал о Мережковском на иностранных языках. Его первые романы были переведены на французский, английский, немецкий, итальянский и другие европейские языки. Интерес к творчеству Мережковского проявляли даже японские читатели. В 1910 году Дмитрий Сергеевич получил письмо из страны восходящего солнца с предложением перевести трилогию «Христос и Антихрист». Молодой переводчик утверждал, что многие японцы уже читали трилогию, а также трактат о Льве Толстом и Достоевском по-английски и по-немецки². Помимо рядовых читателей-иностранцев произведения Мережковского высоко ценили зарубежные литераторы. Томас Манн, «вообще не убрал со стола», по собственному признанию, «беспримерной» работы Мережковского о Гоголе³, а Георг Брандес еще в 1903 году назвал нашего героя «одним из наиболее видных представителей молодой России»⁴. В начале прошлого века у российского читателя не возникало сомнений относительно справедливости слов критика о Мережковском: «Из наших современных писателей он единственный, пожалуй, которого образованный европеец удостоился прочесть и которым интересуется. Мережковский для европейца свой человек»⁵.

¹ Мережковский Д. С. Возвращение // Он же. Стихотворения и поэмы. С. 528.

² РО ИРЛИ. № 24. 161. Л. 3 об.

³ Манн Т. Русская антология // Он же. Художник и общество: Статьи и письма. М., 1986. С. 37.

⁴ Брандес Г. Мережковский // Он же. Указ. изд. Т. 19. С. 313.

⁵ Чулков Г. Болящий дух // Он же. Наши спутники. 1912–1922. М., 1922. С. 57.

Популярность в России и за ее пределами позволила Мережковскому издать с 1911 по 1914 год два полных собрания сочинений. Первое — в семнадцати¹, второе — в двадцати четырех² томах. Символисты любили выпускать «Полные собрания...», не собираясь при этом заканчивать творческую деятельность. Мережковский не подводил итог своей литературной карьере. Для писателя это была хорошая возможность заработать. Еще в 1908 году он высказывал мысль об издании собрания сочинений, чтобы съездить в Палестину и Египет³.

После возвращения в Россию летом 1908 года и до 1914-го Мережковским удавалось регулярно выезжать в Европу для отдыха, лечения и общения. Как правило — весной и прежде всего — во Францию. Во время зарубежных путешествий они встречались со старыми друзьями-революционерами Савинковым и Бунаковым. Мережковский, по свидетельству Гиппиус, «не сомневался, что революция в России будет, что сделают ее, может быть, вот эти самые революционеры-народники, но что им не хватает религиозного, христианского самосознания, хотя, по существу, они к христианству близки»⁴.

В один из приездов в Париж у Гиппиус и Философова возникла идея найти квартиру, в которой они могли бы постоянно останавливаться: «Квартирка скоро была найдена — в Пасси, в новом доме, не очень приятная, малоудобная для троих, зато очень дешевая...»⁵ Мережковский, как обычно, был поглощен работой и мало участвовал в этом решении. Но он еще оценит его, когда окажется одним из немногих русских эмигрантов, которые, покинув родину, приедут в собственную квартиру. Впрочем, «квартирный вопрос» для Мережковских не ограничивался этим приобретением. В 1912 году супругам пришлось по просьбе домохозяйина покинуть квартиру на Литейном и переехать в новую, «первую попавшуюся: очень большую, на Сергиевской (дом № 83 — А.Х.), у самой решетки Таврического сада»⁶. В здании Таврического дворца, как известно, располагалась Дума, от которой в феврале 1917 года начала свое смертоносное шествие русская революция. «Мы следили за событиями по минутам, — напишет Гиппиус в 1919-м, — мы жили у самой решетки парка в бельэтаже последнего дома одной из улиц, ведущих ко дворцу. Все шесть лет — шесть веков — я смотрела из окна или с балкона, то налево, как закатывается солнце в туманном далеке прямой улицы, то направо, как опускаются и обнажаются деревья Таврического сада. Я следила, как умирал старый дворец, на краткое время воскресший для новой

¹ Мережковский Д. С. Полное собрание сочинений. [Т. 1–17] СПб. — М., 1911–1913.

² Мережковский Д. С. Полное собрание сочинений. [Т. 1–24] М., 1914.

³ См. письмо Брюсову: НИОР РГБ. Ф. 386. К. 94. Ед. хр. 44. Л. 36 об.

⁴ Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Она же. Ничего не боюсь. С. 144.

⁵ Там же. С. 156.

⁶ Там же. С. 159.

жизни, — я видела, как умирал город... Да, целый город, Петербург, созданный Петром и воспетый Пушкиным, милый, строгий и страшный город — он умирал... Последняя запись моя — это уже скорбная запись агонии»¹. Но мы забегает вперед.

Мережковские всегда, а не только в революционные годы, были в центре литературных и общественно-политических событий. После возвращения, с осени 1908 года, их жизнь в Петербурге «пошла как-то суетливо и уж очень “литературно”»². Мережковский сотрудничал во многих газетах и журналах, в основном — либеральных. Ненадолго в его распоряжение перешли журнал «Образование» и газета «Утро». Руководствуясь коммерческим интересом, П. Б. Струве пригласил Мережковского редактором беллетристики в «Русскую мысль», один из лучших отечественных журналов начала XX века. Впрочем, на этой должности наш герой не задержался из-за идейных разногласий с редакцией, но сотрудничество с изданием продолжил³.

Газетно-журнальная поденщина не мешала Мережковскому заниматься художественным творчеством. Уже написанная пьеса «Павел I» была задумана как первая часть драматической трилогии, в которую должны войти еще две пьесы: «Александр I» и «Николай I». Мережковский активно собирал материал. Ценные сведения о творческой «кухне» писателя дают его послания к М. О. Гершензону⁴:

«Я знаю, что Вы изучали — эпоху Александра I и декабристов, именно с той точки зрения, с которой мне всего нужнее — с более *интимной* и *личной*. Не согласились ли бы Вы оказать мне помощь Вашими сведениями и указаниями для моих драм “Александр I” и “Николай I (Декабристы)”, которые будут продолжением “Павла I”. Вы бы оказали мне этим большую услугу»⁵. И главное: «Вы сами угадаете, что мне нужно: те мемуары, письма, документы, которые дают самую внутреннюю, *неофициальную* сторону эпохи. Словом — “*анекдоты*” — в глубоком смысле...

Особенно интересует меня мистицизм и любовная психология (Мария Антоновна Нарышкина) как самого Александра, так и всей эпохи. Личность декабриста Лунина — пережитый им религиозный переворот. А также мелочи быта — слухи, сплетни, скандалы, моды, самая будничная сторона жизни...»⁶

¹ Гиппиус З. Черная книжка (1919) // Она же. Дневники. Кн. 2. С. 182–183.

² Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Она же. Ничего не боюсь. С. 149.

³ См. также: Гапоненков А. А. Д. С. Мережковский и «Русская Мысль»: (Период «религиозного революционизма») // Литературоведение и журналистика. Саратов, 2000. С. 264–274.

⁴ Похожее письмо Мережковский отправил В. Я. Богучарскому 5 августа 1908 года: ОРФ ГЛМ. Ф. 2. Ед. хр. 292.

⁵ НИОР РГБ. Ф. 746. К. 37. Ед. хр. 31. Лл. 1–2.

⁶ Там же. Лл. 2–2 об.

Скрупулезность писателя выражалась даже в том, что он хотел найти потомков М. А. Нарышкиной, у которых могли быть какие-либо письма или воспоминания¹. В результате вторую трилогию Мережковского, получившую название «Царство зверя», составила пьеса и два романа: «Александр I» (1911–1912) и «14 декабря» (1918). Пьесы — не лучшее, что удавалось Мережковскому. Вершинным достижением его драматургии считается «Павел I». Между тем Мережковский успел издать до эмиграции фантастическую драму в стихах «Сильвио» (1890), драматические сцены «Гроза прошла» (1893), пьесы «Будет радость» (1916) и «Романтики» (1917). Некоторые из его пьес с успехом шли в столичных театрах. 22 октября 1916 года в дневнике Гиппиус появилась красноречивая запись: «Вчера была премьера “Романтиков” в Александринке. Мы сидели в оркестре. Вызывать стали после II действия, вызывали яро и много, причем не кричали “автора”, но все время “Мережковского”. Зал переполнен»².

Одна из особенностей Мережковского-драматурга, отмеченная исследователями, — «тесная связь пьес с другими сторонами его творчества, перенесение в произведение для сцены самого важного, показательного, стремление облечь в драматургическую форму найденное в работе над статьями, романами, заметками и пр.»³.

Несмотря на слова Мережковского о том, что статьи он пишет для заработка⁴, в 1910-е годы писатель, как и прежде, серьезно и последовательно развивает в публицистике те же идеи, что и в художественном творчестве (романах и пьесах). Ценность этих статей чрезвычайно высока, поскольку на страницах периодики мысль Мережковского менее закамуфлирована и ее не нужно очищать от художественной скорлупы. С 1908 по 1919 год писатель регулярно издавал сборники статей: «Не мир, но меч. К будущей критике христианства» (1908), «В тихом омуте» (1908), «Больная Россия» (1910), «Было и будет: Дневник: 1910–1914» (1915), «Невоенный дневник: 1914–1916» (1917). Статьи, включенные в эти сборники, в большинстве своем написаны «на злобу дня» и отражают непосредственную реакцию автора на события общественно-политической и литературной жизни, в которых и он участвовал.

В 1908 году Мережковский включился в работу Религиозно-философского общества (РФО)⁵, созданного по инициативе Бердяева и по образцу Ре-

¹ Там же. Л. 5.

² Гиппиус З. Синяя книга (1914–1917) // Она же. Дневники. Кн. 1. С. 428.

³ Андрущенко Е. А. «Безнадежный плач Божь...» // Мережковский Д. С. Драматургия. Томск, 2000. С. 16.

⁴ См. письмо Брюсову от 28 декабря 1908 года: НИОР РГБ. Ф. 386. К. 94. Ед. хр. 44. Л. 33 об.

⁵ Несмотря на то что активная деятельность Мережковского в РФО началась в 1908 г., еще 8 ноября 1907 г. на третьем публичном заседании был зачитан его доклад «О Церкви грядущего». Подробнее о РФО см.: Ермичев А. А. Указ. изд.;

лигиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева и Религиозно-философских собраний 1901–1903 годов. Но, в отличие от последних, Общество не ставило своей задачей сближение церкви и интеллигенции. «Не было настоящих двух сторон. Представители церкви туда не ходили, а просто там шли интеллигентские споры»¹, — утверждает Гиппиус. На самом деле в работе Общества принимали участие самые разные слои населения: священники² и ученые, студенты и семинаристы, писатели и офицеры, инженеры и философы.

Общество существовало чуть более десяти лет (1907–1917): «Выражаясь канцелярским языком, посещаемость заседаний была различной; но чаще хорошей, чем удовлетворительной, а иногда и просто превосходной. Заседания были двух родов — открытые, с приглашениями публики за умеренную плату за входной билет, и закрытые — для своих, т. е. и для действительных членов общества, и для членов-соревнователей»³. В работе Общества участвовали такие выдающиеся личности, как Александр Блок, Вячеслав Иванов, Петр Струве, Василий Розанов, Михаил Пришвин, Корней Чуковский и другие. В 1916 году в него был принят даже Максим Горький. Некоторые исследователи приписывают Обществу масонский характер⁴, в годы Первой мировой войны по инициативе ложи Великого Востока народов России (крупнейшей масонской организации начала XX века в нашей стране) была создана ложа для Мережковского и Гиппиус. В то же время небезосновательно заключение, к которому пришел А. А. Ермичев: «Известно, что в начале XX в. в Петербурге масонов развелось видимо-невидимо. Всякому приятно было стать членом таинственной организации. И в Петербургском РФО они были»⁵. Но: «...во-первых, из участия масонов в Московском и Петербургском РФО их, обществ, “парамасонскую” природу еще надо доказать, а поскольку масоны были очень скрытны, то это вряд ли удастся. Во-вторых, ясно, что из одного факта создания ложи “Мережковский” делать вывод о масонском влиянии на работу Петербургского РФО рискованно. У Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус и без масонов было абсолютное влияние на общество, а сами они чьему-либо влиянию совсем не поддавались»⁶.

Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917: В 3 т. М., 2009.

¹ Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Она же. Ничего не боюсь. С. 149.

² Однако Синод не наделил представителей церкви «дипломатическими полномочиями», как это было во времена Религиозно-философских собраний.

³ Ермичев А. А. Несколько слов об истории Общества // Он же. Указ. изд. С. 5.

⁴ См.: Брачев В. С. Между мистикой и политикой. Русские масоны начала XX века. СПб., 2005; Серков А. И. История русского масонства. 1845–1945. СПб., 1997.

⁵ Ермичев А. А. Указ. изд. С. 218.

⁶ Там же.

С приходом Мережковского Общество «оживилось», а точнее — революционизировалось, заняв конфронтационную позицию по отношению к светским и духовным властям. А. А. Мейер, новый единомышленник писателя, вспоминает: «С того момента, как они (Мережковские и Философов — А. Х.) вошли в состав Совета общества и начали играть в нем руководящую роль, спокойное теоретическое обсуждение выдвинутых тем уступило место горячим прениям между сторонниками различных общественных течений»¹.

Мережковский оставался верен себе. Почти все его выступления сводились к проповеди «нового религиозного сознания». Некоторые из них опубликованы в форме статей, в которых чаще других встречаются слова «Христос» и «Антихрист», «плоть» и «дух», «революция» и «религия». Читатели, далекие от богословских дискуссий, могут увидеть в Мережковском зануднейшего из писателей, хотя оратором он был вдохновенным, и в авторском исполнении эти же статьи приобретали иное звучание, а прения по ним только усиливали интерес к писателю. Известно, что 8 ноября 1907 года Карташев зачитал в Обществе текст доклада Мережковского «О Церкви грядущего» (его содержание вошло в статью «Меч»), а 10 ноября газета «Речь» сообщала, что ввиду отсутствия Мережковского «прения не имели того интереса, какого заслуживали»².

Наверное, все заседания с участием Мережковского заслуживают внимания. Но интереснее других выступления писателя по двум наиболее важным для его биографии вопросам.

* * *

В марте 1909 года в свет вышла книга, оглушительный успех которой трудно с чем-либо сравнить. За два дня было продано 2853 экземпляра³, за год появилось пять изданий. Ее название не сходило с уст читающей России — «Вехи». Это был сборник статей Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, М. О. Гершензона, А. С. Изгоева, Б. А. Кистяковского, П. Б. Струве и С. Л. Франка, посвященный анализу образа жизни и мыслей русской интеллигенции. Авторы «Вех» по сути отрицали революционный дух, которым жила интеллигенция и применение которому не находила после провала Первой русской революции, признавали ценность государства и других «внешних форм общежития», на которые должны распространяться нравственные начала, а единственным прочным базисом для общественного строительства называли внутреннюю жизнь личности и призывали интеллигенцию преодолевать свою духовную безответственность, эгоизм и популизм в общественно-политической деятельности.

¹ Мейер А. А. Петербургское Религиозно-философское Общество // Вопросы философии. 1992. № 7. С. 109.

² Цит. по: Ермичев А. А. Указ. изд. С. 24.

³ См.: Колеров М. А. Указ. изд. С. 296.

Для Мережковского, который придерживался иного взгляда на роль и место интеллигенции в обществе, «Вехи» стали «самым идейно враждебным и даже отвратительным»¹, что было тогда в России. Писатель понимал, что, несмотря на реакционные действия властей, революционные настроения в обществе по-прежнему сильны. Понимал он и то, что революционеры в сознании своем — «безбожники»², «для них религия значит реакция»³, но верил, что революция может иметь религиозный смысл и через нее должно осуществиться «последнее утверждение новой религиозной безгосударственной общественности»⁴. «И прежде всего, — полагал он, — должно пробудиться религиозно-общественное сознание там, где есть уже сознательная общественность и бессознательная религиозность, — в русской интеллигенции...»⁵ С «веховцами» ему было явно не по пути.

21 апреля 1909 года Мережковский выступил в Обществе с докладом «Опять об интеллигенции и народе ("Вехи", сборник статей Булгакова, Бердяева, Струве и др.)». Его чтение было так талантливо, что даже прерывалось аплодисментами⁶, а через несколько дней текст выступления был опубликован в газете «Речь» под названием «Семь смиренных». Мережковский с резкой критикой обрушился на участников «Вех», среди которых были некогда близкие ему люди. «Судя их, — признавался он, — сужу себя в прошлом: ведь и я когда-то был *почти* там же, где они теперь; я знаю, по собственному опыту, какие соблазны туда влекут. Когда их бью, бью себя»⁷. К этим словам стоит прислушаться. До революции Мережковский не стоял в непримиримой оппозиции к власти и церкви. Он признавал, что в самодержавии потенциально заключено «зерно религиозное», а в 1905 году даже допускал мысль о возможном соединении официальной церкви с русской интеллигенцией, «дабы вместе с нею внести свет нового религиозного сознания в темную религиозную стихию русского народа»⁸, но взгляды

¹ См. письмо Брюсову: НИОР РГБ. Ф. 386. К. 94. Ед. хр. 45. Л. 8. См. также: Андрущенко Е. А. Д. С. Мережковский против «Вех» // Сборник «Вехи» в контексте русской культуры. М., 2007. С. 163–168.

² Мережковский Д. С. Предисловие к одной книге // Он же. ПСС. Т. 13. С. 164.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 166.

⁵ Мережковский Д. С. Грядущий хам // Он же. ПСС. Т. 14. С. 38.

⁶ Это тем более показательно, что на одном из первых заседаний Общества было принято постановление Совета о недопустимости аплодисментов, чтобы собрания не носили митинговый характер.

⁷ Мережковский Д. С. Семь смиренных // Он же. ПСС. Т. 15. С. 71.

⁸ Мережковский Д. С. Теперь или никогда // Он же. ПСС. Т. 14. С. 143–144. В 1906 году Мережковский составил «Воззвание к Церкви», которое предполагалось провозгласить на так и не состоявшемся митинге-протесте с участием духовенства

писателя изменились: «Оставаясь в старой церкви, можно только чинить гнилые бревна, делать реформацию; но чтобы сделать революцию, создать новую церковь не в бревнах, а в ребрах, надо выйти из старой»¹. Иными словами, официальная церковь и подчинившее ее государство Мережковским полностью отрицались. Его критический выпад против «веховцев» слишком талантлив для скупого пересказа, но значителен как факт биографии, подтвердивший глубокую и, как показало время, утопическую веру писателя в русскую интеллигенцию, ее религиозное сознание и ключевую роль в революционном движении.

Не меньший общественный резонанс, чем «Вехи», получило так называемое «дело Бейлиса»². 20 марта 1911 года на окраине Киева нашли труп 12-летнего ученика подготовительного класса Киево-Софийского духовного училища Андрея Ющинского. На теле мальчика было 47 колотых ран. В убийстве, которое могло носить ритуальный характер, обвинялся приказчик кирпичного завода еврей Мендель Бейлис. Уже в день похорон Ющинского в Киеве распространялись прокламации, призывавшие к кровной мести евреям за смерть якобы замученного ими мальчика. Следствие по этому делу продолжалось более двух лет, разделяя российское общество на сторонников защиты и обвинения Бейлиса. Мережковский еще в 1911 году подписался под обращением В.Г. Короленко «К русскому обществу», направленным против вспышки антисемитизма. Свои подписи под этим обращением поставили более восьмидесяти известных литераторов и общественных деятелей. В то же время на страницах черносотенной прессы звучали антиеврейские выпады. Одним из глашатаев юдофобства стал Розанов, опубликовавший в реакционной газете «Земщина» (печатном органе «Союза русского народа») ряд статей в поддержку обвинения Бейлиса в ритуальном убийстве. Впоследствии Гиппиус уверяла, что Розанов защищал Бейлиса, но с еврейской точки зрения: «Положим, такая защита, такое “за” было тогда, в реальности, хуже всяких “против” — не даром даже “Новое время” этих статей не хотело печатать. Да и не одним “архаровцам” из “Земщины” было трудно понять Розанова: он имел способность говорить *интимно* об отвлеченном, что делало его теории убедительными для тех, кто могли их принять, и легко обманывало других, которым и не нужно знать их. Однако все это создавало отвратительную около Розанова атмосферу...»³

(см.: Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках С.А. Аскольдова, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Е.Н. Трубецкого, В.Ф. Эрн и др. М., 1997. С. 702).

¹ Мережковский Д.С. Реформация или революция? // Он же. ПСС. Т. 16. С. 93.

² См.: Кацис Л. «Дело Бейлиса» в контексте «серебряного века» // Вестник Еврейского университета в Москве. 1993. № 4. С. 119–140.

³ Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Она же. Ничего не боюсь. С. 165.

Мережковский молчать не мог. «Как общественному деятелю Розанову нет пощады»¹ — под этим девизом он инициировал кампанию по исключению бывшего друга из Религиозно-философского общества. Выступая 19 октября 1913 года с докладом «Об отношении Ветхого завета к христианству», Мережковский, по сообщению обозревателя «Нового времени», «назвал дело Бейлиса духовно-нравственным разгромом России, кощунством над Израилем, этим “первоисточником христианства”». Ветхий и Новый Завет, говорил Мережковский, органически связаны друг с другом. Ветхий Завет — тело христианства, Новый — его дух. Розанов кощунствует в своих последних статьях; по мнению лектора, у Розанова Христос является и антихристом! Лектор идет дальше. Он утверждает, что Россия вообще связана с еврейством. С ним связана и прошлая революция, с ним же будет связана и грядущая революция, и пока Россия не искупит своего греха перед еврейством, перед Израилем — она не получит прощения»². При рукоплесканиях аудитории была принята резолюция: «...не унижаясь до опровержения ритуальных убийств, религиозно-философское общество признает процесс Бейлиса оскорблением всего русского народа»³. Как видно, для Мережковского обвинение Бейлиса было делом не только юридическим, но и религиозным: «Апостол Павел хотел быть “отлученным от Христа для братьев своих по плоти”, т. е. для евреев. А мы хотим быть от Христа отлученными из ненависти к братьям нашим по духу, к тем же евреям. Но горе нам, если то, чего мы хотим, исполнится»⁴.

Несмотря на то что осенью 1913 года суд присяжных оправдал Бейлиса, Мережковский продолжал настаивать на исключении Розанова из Общества. Наконец, 26 января 1914-го состоялось общее закрытое собрание, на котором в «деле» Розанова должна была быть поставлена точка. Участники заседания большинством голосов приняли резолюцию, в которой выражалось осуждение приемам общественной борьбы, к которой прибегает Розанов, однако решения об исключении не последовало. В скором времени Розанов сам подал заявление о выходе из Религиозно-философского общества.

«Дело Бейлиса» только усложнило и без того сложные отношения Мережковского с Розановым⁵, который еще в 1909 году задвинул «урну

¹ Мережковский Д. С. Розанов // *Он же*. Акрополь. С. 279.

² Хроника. В обществах и собраниях. Израиль и Христос // *Новое время*. 1913. 22 окт. № 13511. С. 6.

³ Там же.

⁴ Мережковский Д. С. Кто убил? // *Он же*. Было и будет. Дневник. 1910 – 1914; Невоенный дневник. 1914 – 1916. С. 217. См. также статью Мережковского «Еврейский вопрос как русский», вошедшую в «Невоенный дневник. 1914 – 1916».

⁵ Подробнее об отношениях Мережковского и Розанова см.: Гончарова Е. И. Контуры жакерии (В. Розанов и Мережковские) // *Русская литература*. 2006. №

с пеплом» своего друга «в самый далекий уголок сердца»¹, а в 1914-м — начал кампанию по дискредитации его морального облика. Толчком к ней послужила публикация Мережковским статьи «Суворин и Чехов» с оскорбительными оценками Суворина («бесстыден, грязен, груб»² и т. п.). Розанов выступил в защиту покойного издателя и журналиста со статьей «А. С. Суворин и Д. С. Мережковский», после чего появился ряд публикаций (в том числе писем Мережковского)³, свидетельствующих о лицемерии и неблагодарности литератора, который когда-то издал у Суворина книгу стихов «Символы», просил денежной помощи для «Нового пути» и даже хотел работать в суворинском «Новом времени».

Примирение двух писателей казалось невозможным, но в предсмертном письме к друзьям (в том числе Мережковскому) от 17 января 1919 г. Розанов написал: «Все огорчения, все ссоры считаю чепухой...»⁴ Мережковский тоже не держал на Розанова зла, напротив, считал его наряду с Владимиром Соловьевым «наиболее близким себе по духу» писателем⁵.

4; *Николюкин А. Н.* Розанов. М., 2001. С. 351–368 (см. статью А. Н. Николюкина в кн.: *Розановская энциклопедия*. М., 2009. Стб. 576–581); *Письма Д. С. Мережковского к В. В. Розанову (1899–1908)* / Публ., вст. заметка и комм. А. М. Ваховской // *Российский литературоведческий журнал*. 1994. № 5–6; *Иванова Е.* Об исключении В. В. Розанова из Религиозно-философского общества // *Наш современник*. 1990. № 10.

¹ *Розанов В.* Трагическое остроумие // *Д. С. Мережковский: pro et contra*. С. 108.

² *Мережковский Д. С.* Суворин и Чехов // *Он же*. Акрополь. С. 290.

³ См.: *Мережковский Д. С.* Суворин и Чехов // *Русское слово*. 1914. 22 янв. № 17; *Розанов В.* А. С. Суворин и Д. С. Мережковский. Письмо в редакцию // *Новое время*. 1914. 25 янв. № 13604; *Мережковский Д.* Письмо в редакцию // *Речь*. 1914. 26 янв. № 25; Кто такой г. Мережковский? // *Новое время*. 1914. 27 янв. № 13606; *Мережковский Д.* Письмо в редакцию // *Речь*. 1914. 28 янв. № 27; Из писем г. Мережковского к А. С. Суворину // *Новое время*. 1914. 28 янв. № 13607; Изобличенный г. Мережковский // *Новое время*. 1914. 29 янв. № 13608; *Мережковский Д.* Письмо в редакцию // *Речь*. 1914. 30 янв. № 29; Еще о Мережковском // *Новое время*. 1914. 31 янв. № 13610.

⁴ РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 244. Л. 25 об.

⁵ *Письма Д. С. Мережковского А. В. Амфитеатрову* // *Звезда*. 1995. № 7. С. 160. Неслучайно некоторые современники связывали Мережковского и Розанова в «неразрывную парочку». Близость эта, скорее, внешняя, чем внутренняя. Еще в 1905 году, то есть задолго до окончательного разрыва, Мережковский писал, что «это — близость сходящихся противоположных крайностей, близость двух противников, которые готовятся на смертный бой» (*Мережковский Д. С.* О новом религиозном действии // *Он же*. ПСС. Т. 14. С. 169). Подробнее о разногласиях Мережковского и Розанова в области религиозных идей см.: *Воронцова И. В.* Русская религиозно-философская мысль в начале XX века. М., 2008. С. 43–49.

* * *

Бурная общественная и литературная жизнь конца 1913 — начала 1914 года утомила Мережковского, и он вместе со своими «вечными» спутниками — Гиппиус и Философовым — отправился на отдых по уже известному маршруту. Сначала — в Париж, а потом — на Лазурный берег, в Ментону. Писатель хорошо отдохнул и, конечно, поработал, но почему-то раньше обыкновенного стал стремиться в Россию и «погрузился в самое неприятное состояние духа»¹. Гиппиус вспоминает, что в Петербург Мережковский ехал в такой тоске, что всю дорогу не разговаривал ни с ней, ни с Философовым: «Может быть, у него было какое-то предчувствие — вне сознания, как все предчувствия, — что это его *последнее возвращение в Россию...*»²?

По приезде Мережковские не стали изменять своей привычке и отправились на дачу, которую сестры Зинаиды Николаевны приглядели под Петербургом, около Сиверской. Писатель с головой ушел в работу над завершением «14 декабря», после чего его ждала еще одна операция с текстом романа: «Д<митрий> С<ергеевич> свою работу, как бы длинна она ни была, переписывал сам, своей рукой, и только это уже отдавал переписывать на машинке для печати. Переписывать свое он и любил, делал все новые поправки, так что в конце и беловая рукопись делалась похожа на черновую»³. Все шло тихо и мирно, июль подходил к концу, как вдруг пришло известие о начале войны — Первой мировой, правда, тогда ее называли «Второй Отечественной» или «германской». Мережковские покинули дачу и 1 августа вернулись в Петербург (в том же месяце переименованный в Петроград), который «не изменил своей физиономии, переполнены театры и рестораны, такое же движение на улицах»⁴.

Поскольку наш герой всем своим существом ненавидел всякую войну, то и эту оправдывать не мог. «Когда ночью проснешься, — пишет он, — и вдруг вспомнишь: “война!” — в душе подымается ужас. Можно ли воевать, чем оправдать войну, какой смысл в войне, — как бы мы ни отвечали на эти вопросы, ужас остается ужасом»⁵. Мережковский считал, что у войны, в отличие от чаемой им революции, «нет религиозного смысла»⁶. Хотя кому-то такая логика может показаться странной, в ней нет ничего удивительного. В 1914 году Мережковский не мог и предположить, какой войной обернется русская революция. Не та — утопическая,

¹ Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Она же. Ничего не боюсь. С. 168.

² Там же.

³ Там же. 156–157.

⁴ Там же. С. 170.

⁵ Мережковский Д. С. Война и религия // Он же. Было и будет. Дневник. 1910–1914; Невоенный дневник. 1914–1916. С. 420.

⁶ Там же. С. 424.

о которой он мечтал, а настоящая — коммунистическая, от которой сам пострадал. Мережковский отрицал войну не только разумом, но и чувством сына, беспредельно любившего свою мать и понимавшего, как трудно взглянуть в лицо матери, потерявшей ребенка. Недаром в те годы они с Гиппиус особенно часто вспоминали стихотворение Н. А. Некрасова¹:

Внимая ужасам войны,
При каждой новой жертве боя
Мне жаль не друга, не жены,
Мне жаль не самого героя...
Увы! утешится жена,
И друга лучший друг забудет;
Но где-то есть душа одна —
Она до гроба помнить будет!
Средь лицемерных наших дел
И всякой пошлости и прозы
Одни я в мире подсмотрел
Святые, искренние слезы —
То слезы бедных матерей!
Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве,
Как не поднять плакучей иве
Своих поникнувших ветвей...²

Отношение Мережковского к войне не могло не отразиться на его отношениях с современниками, многие из которых войну приняли. Среди них оказались Карташев и Философов — близкие для писателя люди. Больше всего было терять Дмитрия Владимировича, с которым Мережковские уже давно жили под одной крышей, но и разрыв с которым периодически назревал, «а полной гармонии, может быть, вообще не было никогда»³. Если не учитывать, что окончательно «троебратство» распадется только в 1920 году, когда Мережковские отправятся из Варшавы в Париж, а Философов останется в Польше продолжать борьбу с большевиками, то выходит, что до эмиграции наш герой постоянно терял близких по духу людей: Надсона, Перцова, Белого, Розанова... и это не весь список⁴. В то же время за несколько лет до эмиграции Мережковские

¹ См.: Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Она же. Ничего не боюсь. С. 189.

² Некрасов Н. А. «Внимая ужасам войны...» // Он же. Собрание сочинений в четырех томах. М., 1979. Т. 1. С. 219.

³ Злобин В. А. Тяжелая душа // Он же. Указ. изд. С. 354.

⁴ См. запись Гиппиус 1918 года, в которой «за чертой» оказалось более двадцати человек из старых знакомых. С ними после октябрьских событий 1917-го Ме-

приобрели единственного верного спутника, который останется с ними до конца. Звали его Владимир Ананьевич Злобин. Он был еще совсем молод, когда в 1916¹ году познакомился с Мережковскими и стал их литературным секретарем, а после смерти обоих писателей опубликовал свои воспоминания² — ценнейший материал для исследователя эмигрантского периода жизни Мережковских.

Зима 1915 / 16 года была «впятеро тяжелее»³ прошлой. Мережковский так утомился, что Философов предложил на весну и начало лета всем вместе поехать в Кисловодск. «Мы туда все трое и отправились. Поздней весной приезжали к нам сестры, а мы вернулись только в июне, жарким летом»⁴ — вот все, что известно из воспоминаний Гиппиус об этой поездке. Между тем пребывание в Кисловодске не прошло для Мережковского бесследно.

Очутившись в местах, связанных с похождениями лермонтовского Печорина, писатель, видимо, решил примерить маску романтического героя-любовника (в принципе не соответствующую его репутации) и завязать роман с молоденькой барышней⁵. Мережковский разузнал адрес прекрасной незнакомки и стал отчаянно добиваться встречи с ней. «Если бы Вы захотели знать, — писал «кисловодский Дон Жуан», — от кого эти цветы, приходите завтра в понедельник, на Царскую Площадку, на поперечн<ую> дорожку ближе к Молочному домику (ресторану) — в 12 ча<сов> дня. Имейте в руках это письмо или белую розу — иначе не решусь подойти»⁶. Но желаемого знакомства не происходило: «Вчера вечером в 10 ч. сидел против Вас — Вы меня видели — я был в сером платье, в серой шляпе, в черном пальто, с белой розой в руке. Я хотел подойти, сест рядом,

мережковским было не по пути (Гиппиус З. Черные тетради (1917–1919) // Она же. Дневники. Кн. 2. С. 60–61).

¹ В книге Зобнина «Дмитрий Мережковский: Жизнь и деяния» приводится ошибочная датировка. Автор утверждает, что Мережковские познакомились со Злобиным летом 1918 года на даче в Дружноселье под Петербургом (Зобнин Ю. В. Указ. изд. С. 291) и он стал их литературным секретарем в 1919 году (Там же. С. 292). Подтверждение тому, что Злобин познакомился с Мережковскими и стал их литературным секретарем в 1916 году см. в издании: Литературное зарубежье России: Энциклопедический справочник. М., 2008. С. 277. Кроме того, сохранилось письмо Гиппиус, отправленное Злобину в августе 1917 года, то есть не подтверждающее версию Зобнина о знакомстве в 1918-м. Письмо это цитируется в публикации: Соболев А. Л. «Грядущее» Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус // De visu. 1993. № 2. С. 42.

² См.: Злобин В. А. Указ. изд.

³ Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Она же. Ничего не боюсь. С. 171.

⁴ Там же. С. 172.

⁵ Это была Ольга Леонидовна Костецкая (1894–1975). См. о ней: Д. С. Мережковский. Письма к О. Л. Костецкой / Предисл. и публ. А. В. Лаврова // Лица: Биографический альманах. Вып. 1. М. — СПб., 1992. С. 172.

⁶ Д. С. Мережковский. Письма к О. Л. Костецкой // Лица: Биографический альманах. Вып. 1. М. — СПб., 1992. С. 173.

заговорить — но Вы ушли»¹. Даже уехав в Петроград, Мережковский продолжал отправлять послания своей «невоплотившейся» возлюбленной, ответившей ему только одним письмом и телеграммой, которые не обнужены.

Сохранившиеся письма Мережковского не открывают в его образе склонность к романтическим увлечениям, которые, как мы помним, случались с ним и раньше. Они, скорее, характеризуют внутреннее состояние писателя. В этом смысле показательно не изливание нежных чувств, а горестное признание: «В жизни каждого человека бывают минуты страшного одиночества, когда вдруг самые близкие люди становятся далекими, родные — чужими (“враги человеку — домашние его”)². Для Мережковского такие минуты складывались в жизнь. Окруженный вниманием в обществе, он оставался глубоко одиноким в душе. И только благодаря мимолетному увлечению в Кисловодске май-июнь 1916 года остались для писателя «навечно одним из самых светлых, чистых и благоуханных воспоминаний»³ жизни. Несмотря на то что до эмиграции Мережковский еще посетит Кисловодск, основные события его жизни будут связаны с Петроградом.

Февральскую революцию писатель принял восторженно. 1 марта 1917 года он вместе с Гиппиус отправился гулять по городу в состоянии «опьянения правдой революции»⁴: «День удивительный: легко-морозный, белый, весь зимний — и весь уже весенний. Широкое, веселое небо. Порою начиналась неожиданная, чисто внешняя пурга, летели, кружась, ласковые белые хлопья и вдруг золотели, пронизанные солнечным лучом. Такой золотой бывает летний дождь; а вот и золотая весенняя пурга»⁵. Первое время Мережковский симпатизировал А. Ф. Керенскому, с которым его связывали давние приятельские отношения⁶. «В Керенс-

¹ Там же. С. 175.

² Там же. С. 178.

³ Там же. С. 176. В письме Мережковского к Костецкой от 28 июня 1916 года есть указание, важное для ответственного биографа: «Если когда-нибудь будут писать мою биографию, то вспомнят и о Вашем образе, так странно промелькнувшем в моей жизни» (Там же. С. 177). Важность этих слов велика. Из письма Мережковского к Гофману [НИОР РГБ. Ф. 386. К. 94. Ед. хр. 46. Лл. 1–2] известно, что писатель не верил в прижизненные биографии, а лучшей автобиографией считал собственные произведения, но, как следует из приведенных слов, он все-таки допускал возможность будущего биографического труда о себе, в котором разговор пойдет не только о творчестве. В другом письме к Костецкой Мережковский прямо говорит о том, что по книгам его можно узнать не полностью, а «отчасти» (Там же. С. 180).

⁴ Гиппиус З. Синяя книга (1914–1917) // Она же. Дневники. Кн. 1. С. 464.

⁵ Там же.

⁶ См.: Колоницкий Б. А. Ф. Керенский и Мережковские в 1917 году // Литературное обозрение. 1991. № 3.

ком, — пишет Гиппиус, — было много привлекательного. С виду он напоминал немножко Пьеро, со своими волосами торчком, с большим носом и смешным, выразительным лицом. Главное — в нем была какая-то мальчишеская живость, скорость движений и — кажется, обманчивая — решительность. Но была в нем, увы, и женская истеричность. В его “мальчишестве” мы не ошибались, но оно было особого рода: такое, с каким рождаются и умирают. А в иное время, пожалуй, лучше родиться сорокачетырехлетним, как родился и умер Чехов, нежели до смерти и при всех обстоятельствах не иметь больше 16–17 лет»¹. 14 марта того же года Керенский приходил к Мережковским и просил Дмитрия Сергеевича написать брошюру о декабристах, «чтобы, напомнив о первых революционерах-офицерах, — смягчить трения в войсках»². Мережковский отказывался, но, в конце концов, согласился, и вскоре в журнале «Нива» (1917. № 16–17) появилась статья «Первенцы свободы», в работе над которой Гиппиус тоже принимала участие³. А 25 марта на свидание с Керенским отправился уже Мережковский. Разговор шел о военной декларации Временного правительства и о Ленине, которым писатель пугал политика. «К сожалению, — вспоминает Гиппиус, — Дмитрий вернулся от Керенского какой-то растерянный и растрепанный, и без толку, путем ничего не рассказал»⁴. Да и какой толк мог быть от этого разговора, если Керенский сам был «в панике»⁵? Революционный восторг прошел, и Мережковский прекрасно понимал, что судьбу России будет решать не Керенский, а Ленин⁶. Так и случилось. Холодной ночью с 24 на 25 октября Мережковские стояли на своем балконе и смотрели на небо: «Оно в огнях. Это обстрел Зимнего дворца, где сидят “министры”. Те, конечно, кто не успел улизнуть. Все эсеры, начиная с Керенского, скрылись»⁷.

Октябрьскую революцию Мережковский воспринял как торжество «грядущего хама», чуждого христианской морали. Неудивительно, что на благотворительном концерте, состоявшемся в ноябре 1917-го, какой-то матрос выстрелил из револьвера в певца, исполнявшего популярный романс С. В. Рахманинова на старые стихи Мережковского⁸:

¹ Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Она же. Ничего не боюсь. С. 172.

² Гиппиус З. Синяя книга (1914–1917) // Она же. Дневники. Кн. 1. С. 493.

³ См.: Гехтман М. В. Библиография прижизненных изданий и публикаций З. Н. Гиппиус. М., 2007. С. 153.

⁴ Гиппиус З. Синяя книга (1914–1917) // Она же. Дневники. Кн. 1. С. 504.

⁵ Там же. С. 505.

⁶ Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Она же. Ничего не боюсь. С. 175.

⁷ Там же. С. 178.

⁸ См.: Гиппиус З. Черные тетради (1917–1919) // Она же. Дневники. Кн. 2. С. 10–11. В воспоминаниях, написанных спустя годы, Гиппиус рассказывает этот эпизод иначе: «...когда какой-то артист прочел стихотворение Д<митрия> С<ергеевича> “Христос воскрес” (очень старое, но очень сделавшееся тогда актуальным), кто-то

«Христос воскрес», — поют во храме;
 Но грустно мне... душа молчит:
 Мир полон кровью и слезами,
 И этот гимн пред алтарями
 Так оскорбительно звучит.
 Когда б Он был меж нас и видел,
 Чего достиг наш славный век,
 Как брата брат возненавидел,
 Как опозорен человек,
 И если б здесь, в блестящем храме
 «Христос воскрес» Он услышал,
 Какими б горькими слезами
 Перед толпой Он зарыдал!
 Пусть на земле не будет, братья,
 Ни властелинов, ни рабов,
 Умолкнут стоны и проклятья,
 И стук мечей, и звон оков, —
 О лишь тогда, как гимн свободы,
 Пусть загремит: «Христос воскрес!»
 И нам ответят все народы:
 «Христос воистину воскрес!»¹

Если первое время после октябрьского переворота Мережковские могли себе позволить антибольшевистские выступления в печати² и летний отдых в Дружноселье, имении князей Витгенштейнов, то уже с конца 1918 года печататься было негде, и средства к существованию стали заканчиваться. Наступает резкая перемена: «Усиливается террор, начинается голод, холод. Петербург погружен во мрак. Электричество не горит, а когда вспыхивает — это значит будет обыск. Свободной печати больше нет»³. Но самое страшное — это «безлюдье»: «Поддерживать с внешним миром связь — все труднее. Телефон почти не работает, да

из публики, солдат конечно, выстрелил в чтеца из револьвера» (*Гиппиус З.* Дмитрий Мережковский // *Она же.* Ничего не боюсь. С. 181).

¹ *Мережковский Д. С.* «Христос воскрес», — поют во храме... // *Он же.* Стихотворения и поэмы. С. 128.

² См., например, статью Мережковского «Революционная демократия» (Новые ведомости. 1918. 6 июня. № 79. С. 5). В ней автор призывает не смешивать интеллигента с буржуем: «В России никогда никакой буржуазии не было, ни святой, ни грешной. Русский коммунизм убивает нерожденное, но не убьет: русский буржуй все-таки родится. И, может быть, единственное не мертворожденное дитя нашей “социалистической” революции будет именно он, такой (sic! — А.Х.) называемый мелкий, — грешный, или святой, — буржуй».

³ *Злобин В. А.* Тяжелая душа // *Он же.* Указ. изд. С. 421.

и пользоваться им не рекомендуется: разговоры подслушиваются. Письма либо пропадают, либо приходят распечатанными, и Бог весть, что может в них показаться “стоящему на страже народу” контрреволюцией. Ни трамваев, ни извозчиков, одни большевистские автомобили. Город погребен под снегом. Он покрывает все, как саван, образуя местами глубокие сугробы. Навещать кого-либо при таких условиях трудно и сложно, особенно при дальности расстояния. Люди друг о друге не знали ничего месяцами»¹. Внутреннее одиночество писателя усугублялось внешней покинутостью.

Мережковский спасается работой. В холодных залах Публичной библиотеки он изучает материалы по истории Древнего мира, а дома для него специально зажигают «на полчаса лампу драгоценного керосина, чтобы он мог, лежа в шубе на кушетке, почитать свои книги о Египте»². Несмотря на нечеловеческие условия жизни, в Мережковском «пробуждаются силы, о каких не подозревал никто»³. Он ищет встречи с Луначарским, пытается достать освобождение от уплотнения квартир, продает права на издание собственных произведений, добывает всевозможные пайки. По настоянию Чуковского в феврале 1919 года Мережковского принимают во «Всемирную литературу», для которой он целыми днями корректирует переводы зарубежных романов.

Некоторые исследователи склонны преуменьшать роль Чуковского в биографии нашего героя. Между тем в одном из писем критику Мережковский указывал на силу, которая способна преодолеть его жизненное одиночество: «Вот мне всегда и казалось, что такая сила во мне — мое религиозное сознание. Я знаю по реальнейшему внутреннему опыту, что у меня бывали и бывают мгновения глубокого религиозного прикосновения к человеческим личностям. В этом смысле я могу *любить* людей»⁴. В этих словах читается упрек Чуковскому, который в одной из статей назвал Мережковского «тайновидцем вещи»⁵, чуждым человеческой личности. Несмотря на открытость Мережковского и его желание «много, много говорить»⁶, Чуковский не испытывал к нему особой симпатии, но то ли из уважения к возрасту и заслугам перед культурой, то ли по доброте душевной — помогал чем мог. Еще неизвестно, удалось бы Мережковскому без его помощи сбежать от большевиков. Недаром накануне отъезда Дмитрий Сергеевич писал Чуковскому: «На тот случай, если бы мы не увиделись, благодарю Вас за все, что Вы для нас сделали: ведь, мы

¹ Там же.

² Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Она же. Ничего не боюсь. С. 190.

³ Злобин В. А. Тяжелая душа // Он же. Указ. изд. С. 422.

⁴ НИОР РГБ. Ф. 620. К. 68. Ед. хр. 12. Лл. 1 об.-2.

⁵ Чуковский К. Д. С. Мережковский (Тайновидец вещи) // Д. С. Мережковский: pro et contra. С. 140–150.

⁶ НИОР РГБ. Ф. 620. К. 68. Ед. хр. 12. Л. 3.

больше всего Вам обязаны нашим отъездом, и поверьте я этого никогда не забуду»¹.

Мысль об отъезде из России у Мережковского родилась еще в 1918 году, но до конца лета 1919-го он надеялся на Белое движение, а после — начал действовать решительно: «Я подал заявление в Петроградский Совет Рабочих и Крестьянских Депутатов, что желаю по болезни уехать за границу. Получил ответ: “Не выпускать ни в коем случае”»². Ночами Мережковский взвешивал для себя две возможности: «Что лучше, погибать со всеми или спастись одному?»³ — и выбрал спасение, бегство: «Три раза все уже было готово и только в последнюю минуту срывалось. Сначала хотели бежать через Финляндский фронт, потом через Латышский и, наконец, через Польский»⁴. Под предлогом чтения лекций в красноармейских частях мглисто-розовым вечером 24 декабря 1919 года Мережковские, Философов и Злобин покинули город. На поезде и в розвальнях, по лесу и целине, опасаясь доноса и минуя заставы, они добрались до польского фронта: «— Кто вы? — Русские беженцы. — Откуда? — Из Петрограда. — Куда? — В Варшаву, Париж, Лондон.

Познанский легионер подал знак, ворота открылись, и мы переехали черту заповедную, отделяющую тот мир от этого»⁵. Одну жизнь от другой.

Сбежав от большевиков, Мережковский подтвердил верность своих слов, сказанных в 1908 году: «Я люблю свободу больше, чем родину: ведь у рабов нет родины...»⁶ В эмиграции его рассуждения на эту тему приобрели иной смысл:

— Зина, что тебе дороже: Россия без свободы или свобода без России?

Она думала минуту.

— Свобода без России, — отвечала она, — и потому я здесь, а не там.

— Я тоже здесь, а не там, потому что Россия без свободы для меня невозможна. Но... — и он задумывался, ни на кого не глядя, — на что мне собственно нужна свобода, если нет России? Что мне без России делать с этой свободой?

И он замолкал...⁷

Для одних это молчание несчастного беженца, для других — предателя, для третьих — кого угодно... но только не раба: Мережковский им не был.

¹ Там же. Л. 20.

² Мережковский Д. С. Записная книжка. 1919–1920 // Он же. Царство Антихриста. С. 68.

³ Там же. С. 70.

⁴ Там же. С. 70–71.

⁵ Там же. С. 75.

⁶ Мережковский Д. С. Красная Шапочка // Он же. ПСС. Т. 16. С. 54.

⁷ См.: Берберова Н. Курсив мой // Д. С. Мережковский: pro et contra. С. 493.

* * *

Покинув Россию, Мережковский поставил точку в своей прежней жизни. Не сделай он этого тогда, в конце 1919 года, — земной путь писателя, проклинавшего большевиков, мог оборваться самым трагичным образом. Сомневаться в этом не приходится. Эмиграция спасла Мережковского. Она дала ему тот «воздух», которого не хватало на родине, и положила начало новой жизни, не лучшей, но — другой, требующей от биографа особого постижения и воссоздания. А эпиграфом к ней могли бы стать слова самого Мережковского: «Бедность, Чужбина, Нemoшь и Старость...»¹

¹ Мережковский Д. С. Пятая / / Он же. Стихотворения и поэмы. С. 643.

Писательская биография: жанр без правил¹ (вместо заключения)

Кажется, само понятие жанра обрекает автора на следование (если не сказать — подчинение) определенным принципам порождения текста. Но что делать, если текстом становится жизнь — эта, по определению Шекспира, «странствующая тень», свободная и непредсказуемая в своем движении? Можно ли изготовить зеркало, в котором она отразится, не искривившись? А главное — кто отважится на такую работу? Видимо, тот, для кого чужая жизнь представляет не меньший, а может быть и больший, интерес, чем своя собственная. Имя ему — биограф.

С легкой руки А. Декурсея, французского писателя, автора «Словаря Фигаро», к биографам прикрепился ярлык «ветошников истории». Не потому ли, что многие из них до сих пор руководствуются единственным правилом — перепродать (да повыгоднее) собранные лоскутья человеческих жизней? В свое время Г. Винокур, словно полемизируя с Декурселем, писал: «И все же, разумеется, менее всего я намерен выступать... в защиту обычных для нашей биографической литературы тенденций, которые порождают естественное... пренебрежение к биографии как роду научного труда, иной раз квалифицируемого даже, как “биографическое тряпичничество”... По отношению к биографии как науке — это, разумеется, несправедливо, хотя может быть и применимо ко многим отдельным биографам. Но всякую науку можно превратить в тряпичничество, а с другой стороны, есть одно условие, выполнение которого самое тряпичничество может возвести в степень научного знания. Это условие... есть философское отношение к своему предмету»².

Сегодня стремление отгородиться от окружающих, спрятаться за железной дверью сочетается в нас с желанием заглянуть в замочную скважину, окунуться в чужую жизнь. Как будто выполняя социальный заказ, литература ответила любопытному читателю небывалым количеством жизнеописаний, особенно писательских. Только в серии ЖЗЛ за последние несколько лет вышли биографии А. Белого, В. Брюсова, И. Бунина, А. Грина, Н. Гумилева, М. Зощенко, Г. Иванова, О. Мандельштама, Д. Мережковского, Б. Пастернака, М. Пришвина, А. Толстого, В. Хлебникова... Всего не перечислить. Наверное, прав был А. Герцен: «Человек любит заступать в другое существование, любит касаться тончайших волокон чужого сердца и прислушиваться к его биению... Он сравнивает, он сверяет, он ищет себе подтверждения, сочув-

¹ См. также: Холиков А.А. Биография писателя как жанр: Учебное пособие. М., 2010, *Холиков А.* Писательская биография: жанр без правил // Вопросы литературы. 2008. № 6. С. 41–62.

² *Винокур Г. О.* Биография и культура. М., 2007. С. 85–86.

ствия, оправдания...»¹ Однако причина возрастающей популярности книго-биографий не сводится к праздному любопытству, и жизнеописания серии ЖЗЛ имеют мало общего с эдакой «желтой прессой» для утонченного читателя. Есть другие, более серьезные причины. Это и потребность переосмыслить роль выдающихся писателей в судьбе России, и желание познакомиться с некогда запрещенными авторами, и поиск героя, увы, не нашего времени.

Надо заметить, что сегодняшний спрос на биографии замечательных людей — результат очередного витка в развитии одного из старейших жанров. Не углубляясь в его историю, напомним, что в начале XX века огромный интерес к жизнеописаниям привел известного русского психолога Н. Рыбникова² к мысли об организации Биографического института. Ученый полагал, что систематическое изучение биографий имеет столь существенное значение для целого ряда дисциплин, что для такого изучения должна быть создана особая организация, которая взяла бы на себя собирание и изучение всевозможных документов, относящихся к жизни как выдающихся, так и никому не известных деятелей на различных поприщах прошлого и настоящего³. А в 1927 году на волне интереса к биографическому жанру вышло до сих пор актуальное исследование Винокура «Биография и культура». Ученый высказал собственное представление о правилах, которыми должен руководствоваться биограф.

Эта историческая справка приведена не с целью подвигнуть современников к созданию биографических институтов. Тем более что аналоги таковых (конечно, не в том смысле, который подразумевал Рыбников) уже существуют. Взять, к примеру, Международный объединенный биографический центр, основная цель которого — ознакомление общественности с достижениями выдающихся деятелей нашего времени и, прежде всего, представителей России и стран СНГ. Зато у брошюры Винокура, написанной более восьмидесяти лет назад, достойных аналогов в последнее время не появилось⁴, и это несмотря на биографический бум. Между прочим, в конце своих рассуждений Винокур предупреждал, что никакого практического употребления сделать из его работы нельзя. Так, может, и не стоит теоретизировать? Может, нет никаких законов и правил, а биографу (будь то ученый или художник) следует руководствоваться только авторским чутьем?

Чтобы приблизиться к ответу на этот важный вопрос, попробуем прокомментировать актуальные проблемы биографического жанра, выбрав в качестве примера одно из недавно вышедших жизнеописаний. Попытаемся всмот-

¹ Цит. по: Русские писатели о литературном труде (XVIII – XX вв.). В 4-х тт. Т. 2. Л., 1955. С. 81.

² Н. А. Рыбников (1880 – 1961) — психолог, член-корреспондент АПН РСФСР, доктор психологических наук, профессор.

³ Рыбников Н. Биографический институт. М., 1918. С. 15.

⁴ Если не считать очень интересную, но спорную работу А. Валиевского «Основания биографики» (Киев, 1993).

реться в него, как в зеркало, изготовленное биографом. Что отражается в нем: живое лицо или уродливая гримаса? Кем предстает биограф — «ветошником» или философом?

* * *

Среди книг, недавно выпущенных в серии ЖЗЛ, есть биография Дмитрия Мережковского, написанная Юрием Зобниным (М., 2008). Она показательна для современного состояния жанра и достаточно типична. Книга Зобнина — первая развернутая биография Мережковского, вышедшая в России¹. Стоит ли говорить, что в советское время облик Мережковского искажался до неузнаваемости. Между тем с его литературной и общественной деятельностью связано становление русского символизма, зарождение нового религиозного сознания. При некогда ошеломляющей популярности у современников (как на родине, так и за рубежом), жизнь и творчество этого замечательного, исключительного по своим достоинствам и недостаткам человека до сих пор остаются исследованными далеко не полностью.

В соответствии с традиционной классификацией выделяют художественные, научные, популярные и академические биографии². При этом подчеркивается возможное взаимодействие жанровых тенденций (тип научно-популярной биографии). На самом деле большинство современных биографий и принадлежит к числу так называемых «промежуточных» жанров. Биография Мережковского в этом смысле не исключение. Ее автор по мере сил пытается совместить научный подход с доступностью изложения. Не случайно книга Зобнина вышла в серии ЖЗЛ, которую всегда отличало стремление сблизить науку с искусством, и тем самым обеспечить личное воздействие через биографию человека прошлого на его потомков³. Однако наличие в числе этих книг таких качественно разных жизнеописаний, как биография И. Бродского, Д. Мережковского, Б. Пастернака, Ю. Семенова и др. позволяет говорить о проблемности «промежуточного» жанра, в котором соотношение научного и популярного выходит на первый план. В свое время Л. Гинзбург удивительно точно заметила, что документальная лите-

¹ Когда наша книга уже находилась в печати, появилось еще одно любопытное издание: *Быстров В. Н.* Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус. Петербургская биография. СПб., 2009, — которое, несмотря на безусловные достоинства и оригинальность, может быть по-настоящему полезно не столько специалистам, сколько рядовым читателям, интересующимся литературой рубежа XIX–XX веков.

² *Соболевская О. В.* Биография // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2003. Стб. 91. Как нам представляется, академическая биография, в отличие от научной, стремится не к целостности воссоздаваемого по законам жанра образа, а к полноте воспроизведенных фактов.

³ См. об этом: *Померанцева Г. Е.* Биография в потоке времени. ЖЗЛ: замыслы и воплощения серии. М., 1987. С. 317.

ратура не пересаживает готовый характер, а, как всякая литература, она его строит¹. Сложность научно-популярных жизнеописаний в том и заключается, что, подобно строителю, биограф, с одной стороны, имеет объективный материал, а с другой — волен распорядиться им по собственному усмотрению. Из одного и того же камня кто-то построит храм, а кто-то — крематорий. Соответственно, одни биографы «воскрешают» своих героев, а другие — «сжигают» их.

Любой биограф сталкивается с рядом универсальных задач: поиск, отбор и обработка материала; построение композиции; выбор языка повествования; реконструкция «белых пятен»; включение творческого наследия героя в канву повествования; интерпретация. При решении большинства из них автору предстоит создавать гипотезы. Любая наука (и филология в этом смысле не исключение) не мыслима без возможности построения гипотез, основанных на объективном материале, здравом смысле и интуиции. В статье «О точности литературоведения» Д. Лихачев предупреждал: «В попытках обрести точность нельзя стремиться к точности как таковой и крайне опасно требовать от материала такой степени точности, которой в нем нет и не может быть по самой его природе... Художественное творчество “неточно” в той мере, в какой это требуется для сотворчества читателя, зрителя или слушателя»². Литературовед — это прежде всего читатель, а значит и соавтор, стремящийся к точности понимания, не достигающий ее, но углубляющий предмет своего исследования. Во многом, за счет интуиции. В этой связи (следуя моде последних лет) можно вспомнить слова другого ученого — М. Бахтина. «Предмет гуманитарных наук, — утверждал он, — выразительное и говорящее бытие. Это бытие никогда не совпадает с самим собою и потому неисчерпаемо в своем смысле и значении»³. Таким образом, «критерий здесь не точность познания, а глубина проникновения»⁴.

Читая книгу Зобнина о Мережковском, невольно «спотыкаешься» о проблемы, характерные для научно-популярной биографии. Рассмотрим наиболее значимые из них, но сразу оговоримся, что частные просчеты будут занимать нас только как указатели на более общие трудности жанра.

* * *

Первый проблемный узел чрезвычайно важен. Он связан и с вопросом композиционного построения биографии, и с проблемой включения творческого наследия героя в канву повествования, и, наконец, с интерпретацией. Речь

¹ См. об этом: Гинзбург Л. О психологической прозе. Л., 1977. С. 191.

² Лихачев Д. С. О точности литературоведения // Литературные направления и стили. М., 1976. С. 15, 17.

³ Бахтин М. М. К философским основам гуманитарных наук // Он же. Собрание сочинений. Т. 5. М., 1997. С. 8.

⁴ Там же. С. 7.

идет об уровнях, на которых может быть познана личность писателя. Таких уровней как минимум три: *бытовой, сверхбытовой и сущностный*.

Бытовой и сверхбытовой уровни предполагают наличие двух аспектов личности автора: биографического, выраженного в мемуарах, письмах, дневниках, публицистике, философских трудах, а также имманентного (о нем говорится применительно к художественному творчеству). Конечно, такое разделение форм проявления автора биографического и имманентного слишком грубо. Иногда в эпистолярной (например, в деловом письме) биографический автор выражен слабее, чем в собственной лирике. Хотя в большинстве случаев диктат жанра сохраняется. Получается, что на бытовом и сверхбытовом уровнях творческая личность в глазах биографа не едина.

Иначе дело обстоит с сущностным, или корневым, уровнем. Здесь перед нами неделимая личность, представленная во всех своих текстах независимо от их жанровой принадлежности. От жанра в данном случае зависит только степень проявленности творческой личности писателя. Если на сверхбытовом уровне описываются жизнь и творчество писателя в их взаимных влияниях друг на друга (биограф следует так называемому принципу «соответствий», довольно распространенному в филологической науке), то на сущностном уровне задействуется не менее известный принцип «писатель — это его стиль». В стиле проявляется индивидуальность творческой личности (под индивидуальностью понимается неповторимое своеобразие на уровне текста). Соответственно, развитие творческой личности предполагает возрастание степени ее индивидуальности.

Удачным примером решения этих непростых для исследователя задач может служить недавняя книга Е. Орловой «Литературная судьба Н. В. Недоброво» (2004). «Но эта книга, — признается автор, — не жизнеописание. Во всяком случае меня интересует не столько личная биография Н. В. Недоброво, сколько его *внутренняя биография*, история идей, прежде всего литературно-этических, как она отразилась в поэтическом, литературно-критическом и научном творчестве Недоброво»¹. Е. Орлова напрасно отказывается назвать свою книгу жизнеописанием, но, делая это, она по сути признает, что в массовом сознании границы биографического жанра размыты. Деятельность современного биографа все чаще напоминает работу «ветошника», коллекционирующего истории (зачастую далекие от литературы, но удовлетворяющие любителей «клубнички» или сенсационных разоблачений) и располагающего их в свободной последовательности.

Менее удачным примером ответа на поставленные вопросы является разбираемая биография Мережковского. Первое, что бросается в глаза, — нечеткость композиционного построения книги.

Традиционным для биографий можно считать хронологический (или линейный) принцип повествования. Но несмотря на то, что биография любого

¹ Орлова Е. И. Литературная судьба Н. В. Недоброво. Томск — М., 2004. С. 6.

писателя начинается с его рождения, большинство жизнеописаний открывается рассказом о родителях и иных предках замечательного человека, дабы не упустить из виду тот фундамент, которым закладываются координаты судьбы (биография Мережковского и в этом смысле не исключение). Далее в основе композиции могут лежать события как «внешней», так и «внутренней» жизни писателя. При этом между ними должна обнаруживаться связь. В противном случае смешение фактов жизни с фактами творчества в композиционном плане редко оказывается успешным.

Биография Мережковского, написанная Зобниным, преимущественно строится с опорой на события «внешней» жизни писателя: дружба с С. Надсоном, сотрудничество в «Отечественных записках», гимназия и так далее. Однако биографу не всегда удается осуществить переход от события «внешнего» к событию «внутреннему» и обнаружить между ними связь. Это приводит к тому, что, например, в четвертой главе за частью «Мережковский — литературный критик и историк культуры» почему-то следует разговор о «“Любовном треугольнике” 1897 года». Читателю остается гадать: как критическое дарование Мережковского связано с любовными похождениями Зинаиды Гиппиус?

Используя тот же принцип внешней деятельности для построения биографии Мережковского, можно, однако, выстроить эти внешние события более последовательно и логично. В этом случае биография писателя могла бы быть представлена следующими периодами: 1) 1865 — 1875 (детство); 2) 1875 — 1883 (гимназия); 3) 1883 — 1888 (университет); 4) 1888 — 1901 (литературная «карьера»); 5) 1901 — 1906 (религиозно-общественные проекты); 6) 1906 — 1908 (пребывание в Париже); 7) 1908 — 1919 (последние годы перед эмиграцией); 8) 1919 — 1941 (жизнь в эмиграции). Мне кажется, что подобная периодизация позволила бы Зобнину точнее выстроить переход от событий внешней деятельности к внутреннему развитию личности Мережковского.

В таком случае начальный период формирования личности Мережковского должен быть отнесен к 1865 — началу 1880-х годов. За ним последует бурное увлечение народничеством, которое, на первый взгляд, логично закончить 1892 годом, то есть временем выступления Мережковского с лекцией «О причинах упадка русской литературы»¹. Однако кризис народнических настроений у Мережковского возник не позднее 1889 года, о чем свидетельствует появившаяся в то время статья «Дон Кихот и Санчо Панса». Кроме того, лекция не открывала новых сторон дарования Мережковского, а подводила итог его критическим и философским исканиям конца 1880-х — начала 1890-х годов.

¹ Напомню, что 26 октября 1892 года Мережковский прочел в Русском литературном обществе в Петербурге лекцию «О причинах упадка русской литературы», а в 1893 году выпустил брошюру «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы».

Что касается третьего периода, то его можно было бы назвать символистским и разделить как минимум на два этапа: декадентский (а точнее — ницшеанский) и собственно символистский. Переходом от «новой красоты» к «новой Церкви» и будет ознаменовано начало следующего этапа деятельности художника слова.

Начавшийся в конце 1890-х годов четвертый период не может быть завершен 1919 годом. Вряд ли отъезд за границу на постоянное жительство ознаменовал конец развития «новых религиозных идей» и положил начало последнему этапу, продолжавшемуся до 1941 года.

Необходимо также разграничивать художественно-религиозную и религиозно-общественную деятельность писателя. Рубежным в этом отношении может быть названо время проведения «Религиозно-философских собраний» в Петербурге (1901 — 1903), когда Мережковский окончательно пришел к «действенному» взгляду на религию.

Нельзя забывать и о том, что отход Мережковского от народничества в конце 1880-х годов не был окончательным. Оно вновь дало о себе знать (правда, уже в другой форме) во время подготовки к написанию последней части трилогии «Христос и Антихрист»; а религиозные идеи начали волновать писателя если не раньше, то одновременно с народничеством. Вот почему «символизм» Мережковского (а шире — «петербургский» символизм) несколько отличался от «символизма» В. Брюсова и других «москвичей».

Не менее сложным, чем композиционное построение, является вопрос о включении художественного творчества героя в канву повествования. Мы вряд ли получим единственно верный ответ на него. Однако некоторые соображения по этому поводу высказать стоит.

В свое время Ю. Лотман предупреждал, что «смешение этих двух типов книг — биографии автора и анализа им созданных произведений — редко приводит к удаче»¹. Но существует немало примеров их гармоничного сочетания. В частности, «Жизнеописание Михаила Булгакова» М. Чудаковой, которая обращается к творчеству лишь в той мере, в какой возможным оказывалось увидеть его связи с биографическими фактами.

Как источник биографических сведений художественное творчество рассматривают не все, но должно быть очевидно, что изучать наследие писателя без обращения к фактам жизни в полной мере невозможно. Как правило, литературное произведение заставляет нас обращаться к личности творца (хотя возможен и обратный процесс). В том числе — за интерпретацией. Конечно, смысл произведения — это не совсем то, что хотел сказать автор. И все-таки всякое толкование является контекстуальным. Ш. О. Сент-Бев писал: «Любое сочинение любого автора обретает весь свой исторический и литературный смысл, обнаруживает подлинную меру своей оригиналь-

¹ Лотман Ю. Биография — живое лицо // Новый мир. 1985. № 2. С. 228.

ности, новизны или подражательности лишь тогда, когда оно рассмотрено и изучено указанным образом, то есть полностью, когда оно помещено в соответствующую рамку, окружено обстоятельствами, сопутствовавшими его появлению, так что в этом случае, вынося о нем суждение, мы не подвергаемся риску приписать ему ложные красоты или совершенно невольно прийти в восхищение, что неизбежно случается, когда мы руководствуемся чистой риторикой»¹.

Спустя годы ученик Р. Барта А. Компаньон, преодолевая известную альтернативу «текст или автор», пришел к разумному заключению. «Интерpretation произведения, — пишет он, — предполагает, что это произведение отвечает чьей-то интенции, представляет собой продукт некоторой человеческой инстанции. Отсюда не следует, что мы обязаны искать в произведении одни лишь интенции, просто смысл текста связан с авторской интенцией, вернее даже смысл текста и *есть* его авторская интенция... Извлечь произведение из его литературно-исторического контекста — значит сообщить ему другую интенцию (другого автора — читателя), сделать из него другое произведение, а стало быть и интерпретации здесь подвергается уже не то произведение»².

Сделав круг, литературная теория не смогла окончательно избавиться от принципов биографического подхода. Растущий научный и читательский интерес к жанру писательской биографии — наглядное тому подтверждение³. При этом ученый-биограф даже на сверхбытовом уровне не должен ограничиваться реконструкцией фактов, непосредственно влиявших на творчество, поскольку жизнь писателя самоценна во всех проявлениях, равно как жизнь любого иного жившего (или живущего) человека. В то же время нельзя забывать о словах И. Бродского, признававшего зависимость жизни от творческой деятельности. «Нет ничего бездарней, — утверждал поэт, — чем рассматривать творчество как результат жизни, тех или иных обстоятельств»⁴.

¹ Сент-Бев Ш.-О. Шатобриан в оценке одного из близких друзей в 1803 г. [Определение «биографического метода»] // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX — XX вв. Тракаты, статьи, эссе. М., 1987. С. 44.

² Компаньон А. Демон теории. М., 2001. С. 111.

³ Впрочем, «неоформалистские» тенденции остаются сильными и по сей день. «Расхожее убеждение, — считает В. Тюпа, — будто “углубление в авторскую личность... позволяет достичь полного понимания произведения”, совершенно ошибочно. И дело не только в том, что вглубь авторской личности нас никто не приглашает и не впускает. Самому автору подлинный смысл его собственного шедевра открыт не более, чем нам открыта душа нашего взрослеющего ребенка. Авторское право распространяется только на текст. Перед лицом его смысла автор остается всего лишь одним из читателей, — быть может, наиболее пристрастным» (Тюпа В. И. Аналитика художественного (введение в литературоведческий анализ). М., 2001. С. 18).

⁴ Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. М., 2006. С. 268.

И добавлял: «...в моем бизнесе, в литературе, работа так или иначе проецируется на жизнь. И жизнь начинает зависеть от того, что ты делаешь на бумаге»¹. Как же при этом противоречии поступать биографу?

Проще всего было бы «спросить» самого героя биографии, обратившись к сохранившимся письмам, дневникам, воспоминаниям. К сожалению, это не всегда возможно. И тогда исследователю предстоит «докапываться» до автобиографического пласта.

Ситуация с Мережковским иная. Писатель не вел дневник, не оставил мемуаров, а на одну из просьб написать автобиографию ответил: «Глубокоуважаемый Модест Людвигович², простите за долгое молчание. Но Ваша просьба поставила меня в большое затруднение. Я не верю в прижизненные биографии. Что же касается до автобиографий, — то лучшая из них — сами произведения писателя. Как лица своего, так и жизни своей никто не знает. Говорить о внешнем — скучно, а внутреннего передать невозможно: тут всегда наталкиваешься на две тайны, которые нельзя раскрыть — самое значительное в каждой человеческой жизни — пол и религия. Но неодолимый стыд мешает человеку говорить от первого лица о своем поле и о своей религии, — да и зачем говорить, когда вся его жизнь только раскрытие этих двух тайн. Как я любил и как я верил, не могу сказать, а в этом вся жизнь моя. Ваша просьба автобиографии есть просьба или показать мои старые одежды, из которых я вырос и которые суть никому нелюбопытный хлам, или раздеться и выйти голым на улицу. Ни того, ни другого я сделать не могу и не хочу. А потому великодушно простите меня и не считайте мое молчание за невнимание к Вашей просьбе»³. Впрочем, для «Русской литературы XX века» (под редакцией С. Венгерова) Мережковский сделал исключение и написал автобиографическую заметку, которую Зобнин активно использует в своем труде. Да и к художественному творчеству Дмитрия Сергеевича биограф обращается неоднократно. Благо, на это имеется санкция самого Мережковского. Однако не следует забывать, что высказывания писателя о себе иногда тоже требуют критики.

На каком бы уровне — бытовом, сверхбытовом или сущностном — биограф ни пытался познать личность писателя, ему приходится иметь дело с интерпретацией, которая составляет фундамент литературоведения и в то же время является его ахиллесовой пятой. Беспредельность интерпретаций, их полярность, зависимость от экстралитературных факторов ставит под сомнение самое существование *науки* о литературе.

Положение литературоведа-биографа осложняется тем, что ему предстоит интерпретировать не только литературные, но и жизненные факты. Иными словами, биограф обязан дать оценку как творческому наследию

¹ Там же. С. 301.

² М. Л. Гофман (1887–1959) — известный филолог, пушкинист.

³ НИОР РГБ. Ф. 386. К. 94. Ед. хр. 46. Лл. 1–2.

писателя, так и его человеческим поступкам. Что касается творчества, то его интерпретационные пределы все-таки ограничены. «Ведь состоятельное произведение искусства, — по точному замечанию И. Б. Роднянской в беседе с Т. А. Касаткиной, — многозначно, но не сколь угодно-значно...»¹ Работа интерпретатора сродни работе судей, которые должны вынести вердикт, основанный не только на внутреннем убеждении, но и на полном, всестороннем и объективном рассмотрении материалов. В этой связи, во-первых, удивляет легкость, с которой Зобнин в своей книге игнорирует противоположную точку зрения при оценке некоторых произведений Мережковского (например, пьесы «Павел I»), и, во-вторых, общее желание биографа в отдельных случаях выдать мнения пристрастных современников (В. Брюсова, Н. Минского и других) за истину в последней инстанции.

Когда же дело касается оценки тех или иных поступков писателя, Зобнин берет роль верховного судьи на себя. В частности, признавая склонность четы Мережковских к наставничеству и проповедничеству, биограф начинает говорить словами православной сотериологии (учения о спасении) и на полном серьезе утверждает, что Мережковские «*впали в прелесть*» (с. 183)², после чего подробнейшим образом описывает это состояние: «Прелесть является сатанинской уловкой — “прельщенный” человек становится агрессивным, перестает слушать другие мнения, не видит себя со стороны, начинает противоречить не только заповедям христианства, но и здравому смыслу, как правило, исторгает сам себя из Церкви и, в конце концов, чаще всего гибнет (нравственно, а подчас и физически) либо получает глубокую психическую травму (но вместе с ней и опытность)» (с. 183).

Какое отношение все сказанное имеет к Мережковским, критиковавшим церковь, но посещавшим ее и признававшим ее истинность? «Подлинность и святость “исторической” христианской церкви, — утверждает Гиппиус, — никем из нас не отрицалась. Но вопрос возникал широкий и общий: включается ли мир-космос и мир человеческий в зону христианства церковного, т. е. христианства, носимого и хранимого реальной исторической церковью?»³ И едва ли вердикты подобного рода уместны со стороны ученого-биографа.

* * *

Проблемы, о которых речь пойдет дальше, напрямую связаны с поиском, отбором и обработкой материала. Очевидно, что это едва ли не главный этап в работе любого биографа. Хорошо, если обилие материала позволяет автору жизнеописания проявлять избирательность и останавливаться только на значимых сведениях. Плохо, если это оборачивается подтасовкой фактов

¹ Роднянская И. Б. Движение литературы. В 2-х тт. М., 2006. Т. 1. С. 9.

² Здесь и далее в скобках приводятся номера страниц по изданию: Зобнин Ю. В. Дмитрий Мережковский: Жизнь и деяния. М., 2008.

³ Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Она же. Ничего не боюсь. С. 78.

или непозволительными умолчаниями. Речь не идет об ошибках, от которых, как известно, никто не застрахован. «Когда мы видим, что кто-нибудь совершает ошибки, следует спросить самого себя, подобно Платону: а не похож ли я на него?» Хотелось бы, чтобы это напоминание французского писателя Антуана де Ривароля учитывалось современными зоилами. К тому же, ошибка ошибке рознь. Нельзя забывать, что в работах исторического характера (а биография — это прежде всего исторический труд) иной ляпсус окупается верной трактовкой.

Создавая биографию Мережковского, Зобнин опирается на множество авторитетных источников. Среди них статьи, дневники и воспоминания современников писателя (Г. Адамовича, А. Белого, В. Брюсова, З. Гиппиус и др.), произведения самого Дмитрия Сергеевича, исследования ученых (Т. Пахмусс, А. Соболева, В. Хрисанфова и др.), эпистолярное наследие, архивные материалы. Однако задача биографа, как известно, не сводится к простому разыскиванию источников. Необходим концептуальный отбор, сопровождающийся профессиональной критикой собранных материалов. А с этой задачей биограф Мережковского справляется далеко не полностью. В результате мы имеем еще три проблемных узла.

Первый касается ответа на вопрос, в какой мере в биографии может сочетаться крупный и общий план изображения. Вопрос этот связан с пониманием сути биографического жанра. К сожалению, определение биографии как «жанра жизнеописания» недостаточно, поскольку за дефиницию мы принимаем буквальный перевод слова. Еще недавно считалась, что биография «дает картину жизни человека, развитие его личности *в связи с общественными обстоятельствами эпохи*»¹. Теперь же, согласно «Литературной энциклопедии терминов и понятий», биография «предполагает художественное или научное осмысление истории жизни личности, *нацеленное на поиск и выявление истоков общественно значимой деятельности человека в его индивидуальном биографическом опыте*»² (в обеих цитатах курсив мой — А. Х.). Как видим, произошло существенное смещение акцентов. Если в первом случае упор делается на связи с общественными обстоятельствами, то в последнем — на поиск истоков общественно значимой деятельности человека (применительно к творчеству речь, вероятно, идет о генезисе).

Со времен Плутарха биография является «слабо конституированным»³ жанром, который «обнимает собою сочинения **различных жанров**»⁴. Прав был С. Аверинцев: «Попытка отыскать непреложные законы и четкие грани-

¹ Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 54.

² Соболевская О. В. Указ. соч. Стб. 90.

³ Аверинцев С. С. Плутарх и античная биография // Аверинцев С. С. Образ античности. СПб., 2004. С. 240.

⁴ Андроников И. Ступени человеческого опыта // Вопросы литературы. 1973. № 10. С. 57.

цы подобного жанра обречена на неудачу»¹. Тем не менее, можно говорить о наличии устойчивых признаков биографического жанра наряду с ведущей особенностью — стремлением третьего лица (в отличие от автобиографии) воссоздать словесными средствами целостный процесс становления и развития личности. Определить сущность биографии писателя в его «чистом» виде невозможно. Но, думаю, не будет заблуждением *под биографией писателя понимать один из способов познания и реконструкции творческой личности в ее становлении и развитии*.

Разумеется, личность не может развиваться изолированно. И хороший биограф, будучи в известном смысле художником, с одной стороны, должен владеть приемом «репрезентативного портрета», окружая своего героя предметами и атрибутами, помогающими раскрыть его образ. А с другой стороны, биография — это еще и коллективный портрет. При этом личность писателя не должна потеряться на общем фоне, среди прочих лиц.

В книге Зобнина довольно много места уделено информации о жизни окружавших Мережковского людей. Например, непросвещенному читателю нужно объяснить, кто такой Николай Михайловский. Но не совсем понятно, зачем в сноске на двух страницах (с. 46–47) пересказывать жизненный путь прославленного критика, когда информация о нем более чем доступна? Почему бы не сделать такие же «километровые» сноски на всех, с кем Мережковский так или иначе пересекался? Другое дело, если речь идет о малоизвестных личностях. Таких, например, как Людмила Николаевна Вилькина, письма к которой составляют, по верному замечанию Зобнина, самый «лирический» эпистолярный цикл Мережковского (с. 80). Однако при первом упоминании имени Вилькиной читатель мало что узнает о личности волновавшей Мережковского особы. Биографическая сноска появляется значительно позже (с. 205). Из нее-то мы и узнаем судьбу «женщины русского декадентства», а вот когда речь заходит об отношениях Вилькиной с Мережковским, автор отсылает нас к работе В. Быстрова, опубликовавшего их переписку в Ежегоднике Рукописного отдела Пушкинского Дома за 1991 год (СПб., 1994). Возникает резонный вопрос: почему бы не рассказать читателю историю отношений главного героя биографии с малоизвестной, но немаловажной для понимания личности писателя дамой? Тем более что увлечение Мережковского нашло прямое отражение в его творчестве. Или Зобнин искренне полагает, что Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома непросвещенному читателю раздобыть легче, чем биографическую справку о Михайловском?

Колоссальное внимание в своей книге Зобнин уделяет жене Мережковского — З. Гиппиус. Биограф отчасти прав, утверждая, что современники не отделяли супругов друг от друга, воспринимая их неким единым существом (хотя и отзывались о них порой по-разному). И все-таки объединение

¹ Аверинцев С. С. Указ. соч. С. 241.

под одной обложкой двух (пусть даже близких) людей не способно привести к осмыслению их индивидуальности. А это — одна из основных задач. Безусловно, общность взглядов Мережковского и Гиппиус нужно отметить. «По совести должна сказать, — признавалась Зинаида Николаевна, — что никогда не отрицала я влияния Мережковского на меня уж потому, что сознательно шла этому влиянию навстречу, — но совершенно так же, как он шел навстречу моему. Из этой встречности нередко рождалось новое, мысль или понимание, которые уже не принадлежали ни ему, ни мне, может быть, — “нам”»¹. Известно также, что некоторые произведения Гиппиус были опубликованы под именем Мережковского². Однако близость супругов не следует возводить в абсолют. Временами при чтении книги Зобнина складывается впечатление, что перед нами жизнеописание не Мережковского, а Гиппиус.

Отправив любопытствующего читателя в библиотеку за Ежегодником Рукописного отдела Пушкинского Дома, в одном из выпусков которого можно узнать о платонических отношениях главного героя биографии с Л. Вилькиной, Зобнин освободил место для более важных, с его точки зрения, сюжетов. «Как уже говорилось, — читаем в биографии Мережковского, — одной из примечательных черт в характере Зинаиды Николаевны Гиппиус было пристрастие ко всевозможным “платоническим” романам, каковые она заводила с необыкновенной легкостью, ибо обаяние этой удивительно красивой, умной и ироничной женщины, одаренной к тому же блистательным литературным дарованием, было, судя по всему, неотразимо (злые языки поговаривали даже, что Гиппиус специально “влюбляла” в себя женатых мужчин для того, чтобы получить от них доказательство страсти... обручальные кольца, из которых потом делала ожерелье)» (с. 138–139). Далее рассказывается история «платонических» отношений Гиппиус с Акимом Волынским и даже цитируется одно из любовных посланий: «Дружок, радость моя, люблю вас бесконечно, умираю от того, что вы не едете, не приедете до субботы, что не увижу, не могу, не могу!.. Ради Бога, скорее, скорее, и будем жить в радости, в мире и любви. Я только этого и хочу. Честное слово, у меня внутри что-то рвется, когда вам так несправедливо печально. Ведь люблю, люблю вас, неужели это мало? Неужели за это нельзя быть около меня, не покидать меня на три дня, не мучить так Зину, вашу Зину, совсем вашу» (с. 140). Еще через несколько страниц читаем: «...Гиппиус влюбляется в Философова и у них возникает тайный “роман”. Казалось, что повторяется история с Волынским» (с. 199). Действительно, история повторяется, и биограф выбирает самые пикантные фрагменты из писем Философова и Гиппиус (прежде всего, касающиеся «падения» супруги Мережковского), не забывая при этом упомянуть и об интимной дружбе Философова с Дягилевым (с. 201). Важны

¹ Гиппиус З. Н. Автобиографическая заметка // Русская литература XX века (1890–1910). Кн. 1. С. 174.

² См.: Гехтман М. В. Указ. изд. С. 153.

ли эти сюжеты для понимания личности Мережковского? Не заслоняют ли они главного героя?

* * *

Следующий проблемный узел накрепко связан с предыдущим, потому как ради включения в текст дополнительных сюжетных линий биографу приходится кое-чем жертвовать. Например, письмами самого Мережковского, которым предпочитают иные источники.

Вопрос о сравнительной роли писем, дневников, а также мемуаров или воспоминаний стоит перед биографом особенно остро. Это видно и на примере биографии Мережковского, в которой особое место должна занимать переписка с современниками.

Зобнин справедливо замечает, что в своих поздних воспоминаниях Белый не скрывает огромной роли, которую сыграло в становлении его творческой индивидуальности общение с Мережковским, и не без основания характеризует мемуары Белого как «во многом несправедливые и пристрастные» (с. 176), однако это не мешает ему исключить из поля зрения сохранившиеся и уже опубликованные письма Мережковского к Белому и ограничиться пересказом пристрастных мемуаров. Все, что мы узнаем из книги Зобнина об отношениях Мережковского с Андреем Белым, уместается менее чем на странице (с. 176). Между тем в эпистолярном наследии Мережковского послания к Андрею Белому представляют интереснейший материал для исследователя. История взаимоотношений обоих писателей стала неотъемлемой частью Серебряного века. За сюжетной линией «Белый — Мережковский» стоят события, задававшие ритм времени. Кроме того, письма имеют колоссальное значение для понимания личности писателя. В них проявилась гениальная способность Мережковского прельщать, заманивать нужных людей в собственные сети. Перед нами настоящий политик от литературы, ловец человеческих душ. «У Мережковских, — вспоминает В. Злобин, — была привычка “спасать” своих друзей (от гибели духовной, конечно). “Спасали” Мережковские даже в том случае, когда “погибающий” вовсе этого не желал, будучи убеждены, что делают доброе дело»¹.

Опираясь только на дневниковые записи, Зобнин сводит роль К. Чуковского в судьбе Мережковского к сочувственному киванию на жалобы писателя в адрес «двурушника» Горького: «Свои обиды Мережковский в этот год изливал Корнею Ивановичу Чуковскому (который и рекомендовал его в редколлегия “Всемирной литературы”):

— Горький — двурушник, такой же, как Суворин. Он азефствует искренне. Когда он с нами — он наш. Когда он с “ними” — он ихний. Таковы талантливые русские люди. Он искренен и там, и здесь.

Чуковский сочувственно кивал» (с. 294).

¹ Злобин В. А. Тяжелая душа // Он же. Указ. изд. С. 327.

А вот что написано в дневнике Чуковского от 17 ноября 1919 года: «...Был Мережковский. Жалуется, что хочет уехать из Питера. Шуба у него — изумительная. Высокие калоши. Шапка соболья. Говорили о Горьком. “Горький двурушник: вот такой же, как Суворин. Он азефствует искренне. Когда он с нами — он наш. Когда он с ними — он ихний. Таковы талантливые русские люди. Он искренен и там и здесь”. С Мережковским мы ходили в “Колос” — там читал Блок — свой доклад о музыкальности и цивилизации, который я уже слышал»¹. Далее в записи Чуковского ни слова о Мережковском.

Любопытно, почему цитируемый фрагмент не заключается биографом в кавычки и подвергается пусть незначительному, но изменению²? Разве перед нами художественная биография? Если же незакавыченная цитата понимается как средство беллетризации, то почему *ученый* (каковым, безусловно, является Зобнин) позволяет себе вольности, которые не допускает иной *писатель*? Возьмите биографию А. Н. Толстого, вышедшую из-под пера современного прозаика Алексея Варламова и получившую, кстати сказать, литературную (!) премию. Чужая речь в ней исправно закавычивается, и это нисколько не затрудняет чтение.

Более того, в дневниковой записи Чуковский, скорее, иронизирует над «бедственным» положением Мережковского, но уж никак не сочувствует ему. Подтверждает это и другая выдержка из дневника от 9 июля 1919 года:

«Был сегодня у Мережковского. Он повел меня в темную комнату, посадил на диванчик и сказал:

— Надо послать Луначарскому телеграмму о том, что “Мережковский умирает с голоду. Требуется, чтобы у него купили его сочинения. Деньги нужны до зарезу”.

Между тем не прошло и двух недель, как я дал Мережковскому пятьдесят шесть тысяч, полученных им от большевиков за “Александра”, да двадцать тысяч, полученных Зинаидой Н. Гиппиус. Итого 76 тысяч эти люди получили две недели назад. И теперь он готов унижаться и симулировать бедность, чтобы выцарапать еще тысяч сто»³. В другом месте Мережковский вообще сравнивается Чуковским со «старой бабой»⁴. Какое уж тут «сочувствие»?! Кроме того, из приведенной цитаты следует, что в «двурушничестве» (не напрямую, а косвенно) обвиняется сам Мережковский, публично проклинавший большевиков и не гнушавшийся их денег. Однако дело не в искажении цитаты, а вместе с ней — реального положения дел. Суть в том, что биограф ограничивается дневниковыми

¹ Чуковский К. И. Указ. изд. Т. 1: Дневник. 1901–1929. С. 142.

² К сожалению, это не единственный пример вольного обращения с источниками (ср. описание встречи с Горьким в книге Зобнина (с. 274) и воспоминаниях Гиппиус «Дмитрий Мережковский»).

³ Чуковский К. И. Указ. изд. Т. 1: Дневник. 1901–1929. С. 130.

⁴ Там же. С. 115.

записями Чуковского и обходит стороной интереснейшие письма к нему Мережковского. Проще говоря, Зобнин не дает высказаться главному герою биографии.

В доказательство значимости писем Мережковского для понимания внутреннего мира писателя приведу только один фрагмент из послания 1907 года: «Глубокоуважаемый Корней Иванович, мне иногда кажется, что я, действительно, не умею иначе смотреть, как “сквозь” людей и что у меня нет подхода к человеческой личности. Другими словами, мне иногда кажется, что я погиб не только временную, здешнюю, но и вечную погибелью. Ибо какое же спасение человеку, который людей не видит и, следовательно, не может иметь любви к людям, единственного пути к спасению?»¹ И далее: «...Вам, критику, нужно бы найти в моем существе какую-то силу положительную, какую-то возможность высшей нормы, которая преодолевала бы мое уродство, мое реальное жизненное одиночество. Вот мне всегда и казалось, что такая сила во мне — мое религиозное сознание. Я знаю по реальнейшему внутреннему опыту, что у меня бывали и бывают мгновения глубокого религиозного прикосновения к человеческим личностям. В этом смысле я могу *любить* людей»². Примечательно, что спустя двенадцать лет, уже перед бегством из страны, Мережковский напишет именно Чуковскому: «На тот случай, если бы мы не увиделись, благодарю Вас за все, что Вы для нас сделали: ведь, мы больше всего Вам обязаны нашим отъездом, и поверьте я этого никогда не забуду»³.

Итак, очевидно, что роль Чуковского в судьбе Мережковского не может сводиться к «сочувственному киванию», которое в тот момент едва ли имело место. А предпочтение дневниковых записей письмам главного героя вряд ли оправдано.

* * *

Еще одна современная проблема жанра касается мифов, которыми обрабатывает писатель как при жизни, так и посмертно. Рассуждениям об их природе можно посвятить отдельное исследование. Мы же коснемся этой темы применительно к одному Мережковскому.

Странно, что биограф, стремящийся противопоставить «многочисленным мифам, возникшим вокруг фигуры писателя, историческую фактологию» (фраза из аннотации книги), не останавливает внимание читателя на одной неточности в мемуарах Гиппиус (хотя дальнейшее изложение событий в книге Зобнина все же противоречит словам жены Мережковского). В воспоминаниях Гиппиус признается: «...мы прожили с Д. С. Мережковским 52 года, не разлучаясь, со дня нашей свадьбы в Тифлисе, ни разу,

¹ НИОР РГБ. Ф. 620. К. 68. Ед. хр. 12. Л. 1.

² Там же. Лл. 1 об.-2.

³ Там же. Л. 20.

ни на один день»¹. В биографии Мережковского Зобнин доверчиво повторяет: «Союз Мережковских — удивительное явление в истории русской культуры. Современники не отделяли их друг от друга, воспринимая неким единым существом. "...Мы прожили с Д. С. Мережковским 52 года, не разлучаясь, со дня нашей свадьбы в Тифлисе, ни разу, ни на один день", — напишет Гиппиус, начиная свои воспоминания о муже» (с. 84). Конечно же, Гиппиус преувеличивает, когда говорит о том, что не разлучалась с Мережковским «ни на один день». В дневнике самой Зинаиды Николаевны читаем:

Но тут случилось вот что: Дмитрий Сергеевич захотел опять ехать в Москву, на один день, без меня, чтобы проститься с Образцовой, которая уезжала в Крым.

И при этом требовал, чтобы я сказала, что ему нужно ехать, что это хорошо для Главного (!!), чтобы сама его отправила.

Я потерялась. Это очень было трудно. Я спросила у Философова, что мне делать. Но ему это, кажется, просто надоело и стало скучно.

А Дмитрий Сергеевич говорил: «Если ты меня отправишь, как я за то буду потом молиться!» Я чувствовала, что бледнею от страха. Но он ребенок иногда.

Он и уехал, а я осталась и прожила три дня в молчании, одиночестве и ужасе близкой смерти².

Зобнин подробно останавливается на эпизоде, связанном с выступлением Мережковского по радио, в котором тот приветствовал нападение гитлеровских войск на СССР и даже сравнил Гитлера с Жанной д'Арк.

Биограф пытается доказать, что **«никакой речи о нападении Германии на СССР по парижскому радио Мережковский не произносил»** (с. 386), что источником «мифа о радиообращении» стала несохранившаяся речь Дмитрия Сергеевича, произнесенная на его юбилейном чествовании 14 августа 1940 года и направленная как против большевиков, так и против немцев (с. 383). В доказательство Зобнин приводит воспоминания Н. Тэффи и рассказ И. Одоевцевой. А «миф о радиообращении» якобы возник в результате слухов, циркулирующих в кругах «русской Франции» (с. 384). Кроме того, по мнению биографа, Мережковский не мог произнести речь по радио, потому как «в июне — августе 1941 года был в Биаррице, а для такого выступления тогда требовалось личное присутствие выступающего в радиостудии» (с. 386). Соответственно, заключает Зобнин, «ни о каком "общественном бойкоте" Мережковского, разумеется, говорить не приходится» (с. 387).

¹ Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Она же. Ничего не боюсь. С. 15.

² Гиппиус З. О Бывшем (1899–1914) // Она же. Дневники. Кн. 1. С. 103–104.

Зобнин пытается противопоставить историческую фактологию многочисленным мифам, возникшим вокруг фигуры писателя. По всей видимости, эпизод с радиовыступлением Мережковского должен принадлежать к числу таких разоблачений. Но так ли это на самом деле? С логикой Зобнина можно было бы согласиться, если принять во внимание его же мнение о том, что статья «Большевизм и человечество», считающаяся текстом радиообращения и опубликованная уже после смерти писателя, «представляет собой изготовленную в пропагандистском ведомстве фашистской Италии компиляцию из фрагментов искаженного текста неопубликованного эссе Мережковского “Тайна русской революции” (о “Бесах” Ф. М. Достоевского) с включением инородных фрагментов» (с. 386). Звучит впечатляюще, но малоубедительно. Прежде всего, потому, что в качестве аргументации Зобнин предлагает не текстологический анализ, а «хромую» логику. Якобы весной 1942 года Муссолини нужна была публицистическая статья, «свидетельствующая, что лучшие представители русской творческой интеллигенции (каковым, несомненно, был в глазах большинства итальянцев Мережковский) поддерживают войну Германии против СССР и видят в союзниках Гитлера освободителей» (с. 386). Удивительно только, почему до сих пор не установлено итальянское издание, в котором была опубликована статья, предназначенная для широкого воздействия на массовую аудиторию? А что если не было никакой статьи на итальянском языке, а компиляцию составили в профашистском «Парижском вестнике», опубликовавшем текст обращения в январе 1944 года? И почему биограф решил, что именно «данный текст был “озвучен” по итальянскому радиовещанию» (с. 386)?

Но даже если предположить, что Мережковский не произносил никакой речи в поддержку Гитлера, то кем бы ни была написана статья «Большевизм и человечество», она мало чем отличалась от предыдущих выступлений самого Мережковского. Как и в прежние годы, писатель с легкостью мог выступить не *за* Гитлера, а *против* большевиков. Не против *России*, а против *Советского Союза*. По верному замечанию одного из исследователей, «слабость к Пилсудскому или Муссолини Мережковским в вину не ставилась. Но вот когда их взоры вполне логично обратились в сторону нового потенциального противника большевиков — гитлеровской Германии, — отношение к ним изменилось»¹. Общеизвестно, что Мережковский оставался верен своим антибольшевистским убеждениям до конца дней и всегда выступал «за интервенцию»². Нужно ли биографу бравировать малоубедительными разоблачениями «мифов»? Оставляем этот вопрос открытым.

¹ Королев О. Большевизм и человечество. Посмертная статья Д. С. Мережковского // Независимая газета. 1993. 23 июня. С. 5.

² Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Она же. Ничего не боюсь. С. 238.

* * *

Разграничение уровней познания творческой личности, совмещение общего и крупного планов ее изображения, преимущества эпистолярного наследия писателя, разоблачение сложившихся вокруг его фигуры «мифов» — вот лишь немногие проблемы, открывающиеся при чтении жизнеописания Мережковского. Они без преувеличения могут называться типичными для современного жанра писательской биографии, и их решение далеко от «тряпичничества». Труд биографа тяжел и ответственен. Чем пристальнее всматриваешься в лица, отразившиеся в зеркалах современных жизнеописаний, тем яснее проглядывает мысль: биография за свою многовековую историю проделала большой путь и уже не может считаться «жанром легковесным и недостаточно почтенным»¹. А высказанные замечания заставляют лишний раз задуматься над значимостью «правил», которые, как известно, не учат тому, что надо делать, но зато указывают на то, чего следует избегать.

¹ Именно так в I в. до н. э. Корнелий Непот обобщил отношение своих современников к жанру биографии.

Библиография работ Д. С. Мережковского¹

Собрания сочинений

Полное собрание сочинений [Т. 1–17]. СПб. — М., 1911–1913.

Полное собрание сочинений [Т. 1–24]. М., 1914.

Поэтические сборники

Стихотворения (1883–1887). СПб., 1888.

Символы. (Песни и поэмы). СПб., 1892.

Новые стихотворения (1891–1895). СПб., 1896.

Собрание стихов (1883–1903). М., 1904.

Собрание стихов (1883–1910). СПб., 1910.

Художественная проза

Отверженный. СПб., 1896.

Воскресшие боги. Леонардо да Винчи. СПб., 1901.

Антихрист. Петр и Алексей. СПб., 1905.

Любовь сильнее смерти. Итальянская новелла XV века. М., 1902.

Павел I. СПб., 1908.

Маков цвет². СПб., 1908.

Александр I. СПб. — М., 1913.

Будет радость. Пг., 1916.

Романтики. Пг., 1917.

14 декабря. Пг., 1918.

Критическая проза

О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. СПб., 1893.

Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. СПб., 1897.

¹ В список включены наиболее значимые работы Мережковского, изданные отдельно до 1919 года. При этом упоминается только первое отдельное издание. См. также: *Фомин А. Г.* Сочинения Д. С. Мережковского // *Русская литература XX века* (1890–1910). Кн. 2. С. 405–411; *Ларин О. Я.* Хронологический указатель произведений Д. С. Мережковского // *Мережковский Д. С.* ПСС. Т. 24. С. 120–139; *Андрущенко Е. А.* Примечания // *Мережковский Д. С.* Драматургия. С. 674–761; *Коростелев О. А., Николюкин А. Н.* Комментарии // *Мережковский Д. С.* Царство Антихриста. С. 583–646; *Анастасьева И. Л., Домогацкая Е. Г., Певак Е. А.* Комментарии // *Мережковский Д. С.* Было и будет. Дневник. 1910–1914; *Невоенный дневник.* 1914–1916. С. 459–508.

² В соавторстве с З. Н. Гиппиус и Д. В. Filosoфовым.

- Л. Толстой и Достоевский. СПб., 1901–1902.
Гоголь и черт. М., 1906.
Грядущий Хам. СПб., 1906.
Пророк русской революции. К юбилею Достоевского. СПб., 1906.
Теперь или никогда. О церковном соборе. М., 1906.
*Le Tsar et la Révolution*¹. Paris, 1907.
В тихом омуте. СПб., 1908.
Не мир, но меч. К будущей критике христианства. СПб., 1908.
М. Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества. СПб., 1909.
Больная Россия. СПб., 1910.
Две тайны русской поэзии: Некрасов и Тютчев. Пг., 1915.
Было и будет: Дневник: 1910–1914. Пг., 1915.
Зачем воскрес? Религиозная личность и общественность. Пг., 1916.
Невоенный дневник: 1914–1916. Пг., 1917.

¹ В соавторстве с З. Н. Гиппиус и Д. В. Filosoфoвым.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора.....	5
Верен своему одиночеству (вместо предисловия)	7
ГЛАВА 1. Детство (1865–1875)	8
ГЛАВА 2 Гимназия (1875–1883)	11
ГЛАВА 3. Университет (1883–1888)	17
ГЛАВА 4. Литературная «карьера» (1888–1901)	28
ГЛАВА 5. Религиозно-общественные проекты (1901–1906)	60
ГЛАВА 6. Пребывание в Париже (1906–1908).....	92
ГЛАВА 7. Последние годы перед эмиграцией (1908–1919)	111
Писательская биография: жанр без правил (вместо заключения)	130
Библиография работ Д. С. Мережковского.....	149

В монографии исследуются некоторые ключевые эпизоды из жизни Дмитрия Сергеевича Мережковского (1865 – 1941) до его эмиграции в конце 1919 года. Книга написана на основе архивных источников (РГБ, РНБ, ИРЛИ, РГАЛИ, ГЛМ). Особое внимание автор уделит рассмотрению малоизученных тем (например — роль Мережковского в истории «отлучения» Льва Толстого от церкви, отношения писателя с Андреем Белым, роль в его судьбе Корнея Чуковского). В заключение поднимаются теоретические вопросы создания научной биографии Мережковского, высказываются замечания, заставляющие лишний раз задуматься над значимостью «правил», которые, как известно, не учат тому, что надо делать, но зато указывают на то, чего следует избегать.